

᠒

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,*

С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Н. Л. Степанова*

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД • 1966

Своеобразнейший мастер стиха Василий Каменский (1884—1961) — один из видных советских поэтов, художественная манера которого близка творческим принципам В. Маяковского, В. Хлебникова, Н. Асеева. Бурный поэтический темперамент Каменского с блеском проявился в оригинальной фактуре его стихов, в их яркой словесной расцвеченности и звуковой оркестровке. В настоящий сборник вошли лучшие произведения поэта, в том числе стихи футуристического периода, лирика советских лет, крупные эпические полотна (поэмы «Степан Разин», «Емельян Пугачев», «Иван Болотников»).

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

Василий Каменский — один из самобытнейших и ярких советских поэтов. Он поэт буйной удали, молодого задора, всепобеждающего оптимизма. «Своеобразнейшим писателем», автором «отличных» стихов, человеком «со своим лицом» называл Каменского М. Горький.¹

Соратник Маяковского по футуризму в дореволюционные годы, Каменский позднее — в послеоктябрьский период — с присущим ему энтузиазмом продолжал свою творческую деятельность как писатель, искренне воспринявший социалистическую революцию.

Книгу о своей жизни Каменский выпустил под заглавием «Путь энтузиаста», и это название достаточно определенно выражает основную устремленность его творчества. «Этот жизненный энтузиазм, — писал А. В. Луначарский в статье о Каменском, посвященной 25-летию его литературной деятельности, — и это стремление заразить им составляют большую долю каждого жизнерадостного, оптимистического поэта. В силу своего энтузиазма и Василий Каменский стал жизнерадостным, оптимистическим поэтом. Для своих напряженных, веселых и буйных эмоций, для своей радости жизни Каменский сумел найти оригинальную, глубоко личную внешнюю форму».²

¹ Письмо к В. В. Каменскому от 15 мая 1926 г. — М. Горький, Собр. сочинений в 30-ти томах, т. 29, М., 1955, с. 465.

² «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

Василий Васильевич Каменский родился 18 апреля 1884 года на пароходе, шедшем из Перми вниз по Каме. Мать тотчас увезла новорожденного на Урал, в поселок Боровское, где отец служил смотрителем на золотых приисках. Четырех лет мальчик остался круглым сиротой, и его взяла на воспитание тетка, муж которой был управляющим буксирным пароходством в Перми.

«Все детство прошло в доме на камской пристани, — вспоминал впоследствии Каменский, — среди пароходов, барж, плотов, лодок, крючников, матросов, водоливов, капитанов». ¹ С семилетнего возраста Каменский учился в городской школе: «Едва научившись читать, взялся за книги. 8-ми лет знал Пушкина, Лермонтова, Гоголя. 11-ти лет писал стихи о сиротской доле и горестях человеческих. Учился лениво, ибо занимался птицеводством, рыбачеством, голубями, собаками, лыжами, чтением, драками с окружающими. . . головотяпами-воришками. Раз пять тонул на Каме, и за это ее любил». ² К детским годам относит Каменский и начало своего восторженного увлечения Степаном Разным. Это случилось после того, как он купил на базаре лубочную книжку о нем и «с ума спятил от восхищения». ³

В шестнадцать лет Каменский поступил конторщиком в бухгалтерию Пермской железной дороги. А вскоре он начал писать в местную газету заметки о столовых, об эксплуатации мелких служащих, о беспорядках на дороге. Познакомился с местным марксистским кружком, стал посещать нелегальные рабочие собрания, на которых слушали доклады и пели революционные песни.

Вскоре, однако, увлекшись театром, Каменский бросает службу в конторе и отправляется в Москву. Он становится актером, играет в провинции в сезонных труппах, кочевавших по России. Актерские скитания не только пристрастили его к беспокойной, полной приключений жизни, но и способствовали развитию поэтического дарования. Сцене он, в частности, обязан и ярким артистическим чтением стихов. В своих воспоминаниях Каменский рассказывает, как ему приходилось играть в масленичных феериях и в спектаклях с массой действующих лиц, где он должен был исполнять по несколько ролей, превращаясь из нищего в барона, из барона в слугу,

¹ Автобиография. — В. Каменский, «И это есть. . .», Тифлис, 1927, с. 5.

² Там же.

³ В. Каменский, Путь энтузиаста, М., 1931, с. 22.

банкира, начальника полиции и т. д. Нередко, в особенности зимой, случалось оставаться без ангажемента и владеть полуголодное существование.

Однажды, оказавшись без работы в Севастополе, Каменский, благодаря знакомству с капитаном торгового флота, поехал с ним на пароходе в Турцию, в Стамбул. Эта поездка запомнилась на всю жизнь. Впечатления от нее сказались в ряде произведений, и в особенности в «Стеньке Разине», — в яркости восточного колорита, в щедром использовании турецких слов. В Николаеве, в 1903 году, Каменский попал в труппу В. Э. Мейерхольда, знакомство с которым духовно обогатило будущего поэта. Именно Мейерхольд посоветовал Каменскому бросить театр и заняться литературой.

В 1904 году Каменский возвратился на Урал и с помощью знакомых устроился на скромную должность таксировщика на товарной станции Нижне-Тагильского металлургического завода. Здесь, в Нижнем Тагиле, он вновь среди участников революционного движения — ведет «активную подпольную работу среди рабочих завода и железнодорожных мастерских». ¹ Каменский пишет революционные стихи и читает их в рабочих аудиториях. Революционные настроения нашли свое выражение в стихотворении, которое Каменский написал в 1905 году, а через много лет процитировал в поэме «1905-й»:

Стучи, наш молот,
Бей сильней!
Короче рукава!
Железо пламени красней, —
Пора его ковать!

Эти стихи, еще во многом наивные и профессионально неумелые, свидетельствуют об увлеченности Каменского общим революционным порывом тех лет. Рабочие и служащие железнодорожной станции Нижний Тагил организовали забастовку. «В 1905 году я был избран на 1-й съезд жел.-дор. союза, — вспоминал поэт. — И все время забастовки состоял председателем забастовочного комитета...» ²

В результате принятых властями крутых мер забастовка была подавлена, а Каменский арестован и помещен в тюрьму Верхотурского уезда. Здесь Каменский сблизился с политическими заключенными, переведенными из Перми. Вместе с ними участвовал в голодовке протеста, в результате чего попал в лазарет и был после этого

¹ В. Каменский, *Путь энтузиаста*, с. 63.

² Автобиография. — В. Каменский, «И это есть...», с. 6.

освобожден под подписку о невыезде. Однако по выходе из тюрьмы он сразу же уехал в Севастополь и отправился во вторую поездку в Стамбул, а оттуда в Персию (в Тегеран). По возвращении в Россию Каменский поселился в Петербурге.

Там, сдав в 1907 году экзамен на аттестат зрелости, он поступил на только что открывшиеся сельскохозяйственные курсы. Началась бурная столичная студенческая жизнь: посещение спектаклей, выставок, музеев, диспутов. В 1908 году Каменский становится секретарем, а затем и соредактором еженедельника «Весна», издававшегося Н. Шебуевым. В «Весне» публиковались как произведения маститых писателей (А. И. Куприна, Леонида Андреева), так стихи и рассказы начинающих авторов. Здесь Каменский познакомился с В. Хлебниковым, поместив в «Весне» один из его ранних опытов. Журнал просуществовал меньше года и был закрыт.

Систематически печататься Каменский начал с 1908 года. Его стихи и лирические рассказы появлялись в журнале «Весна» (1908) и альманахах «Венок» (1909), «Простор» (1909), которые публиковали произведения молодых, еще неизвестных поэтов. По этим ранним стихам трудно представить себе будущего Каменского: они проникнуты упадочными, богемными настроениями, переполнены банальными образами и мотивами (об этом свидетельствуют самые названия: «Один», «Песни закатные», «Без ответа», «Холодно мне», «Могила», «Я устал» и т. п.).

Наряду с поэзией Каменский стал заниматься также живописью. Его работы — пейзажи в импрессионистской манере — появились на тогдашних выставках модернистского искусства. Занятия агрономическими науками отошли на второй план.

На вернисаже «Выставки картин современной живописи» весной 1909 года Каменский познакомился с художником и поэтом Давидом Бурлюком и его братом Владимиром, а также с художниками и поэтами: Еленой Гуро, М. Матюшиным, Н. Кульбиным. «Я, Бурлюки, Хлебников, — писал он в автобиографии, — начинаем часто бывать у Елены Гуро (жена Матюшина), у Кульбина, у Григорьевых, у Алексея Ремизова. Всюду читаем стихи, говорим об искусстве... спорим, острим, гогочем». ¹ В этой атмосфере споров и разговоров о новом искусстве и возникла идея издания альманаха «Садок судей».

Этот сборник, напечатанный на обороте обоев и без знаков препинания, вышел весной 1910 года. Он не имел еще определен-

¹ В. Каменский, Его — моя биография великого футуриста, М., 1918, с. 96 и 102.

ной программы и объединял весьма разных поэтов, часть которых испытала на себе воздействие символизма (Елена Гуро). Тем не менее издание «Садка судей», явившееся вызовом символистам с их декадентски-ущербными настроениями, эстетизмом и культом изысканного формального мастерства, стало заметным событием литературной жизни. Позднее Каменский в полемическом задоре говорил: «На фоне скучного, бесцветного, малокровного символизма, как молния, ярко блеснула наша книга «Садок судей» и быстро разошлась, оставшись все же малопонятной для тех, кто успел отуманиться символизмом, запудрив свою яркую душу розовой пудрой из парфюмерного магазина русских символистов...»¹

Почти все свои стихотворения, помещенные в альманахе «Садок судей», Каменский использовал в романе «Землянка», добившись органического сочетания их с прозаическим текстом. Это произведение, законченное автором в том же 1910 году во время пребывания на Кавказе, было во многом навеяно «Паном» — романом Кнута Гамсуна, одного из любимых тогда писателей Каменского. В «Землянке» говорилось о весне, о пробуждении природы, о любви двух юных героев, отринувших культуру и поселившихся в лесной землянке.

Ранние стихи Каменского, как и его роман, пронизаны антиурбанистическими настроениями, которые в ту пору захватили многих поэтов, в частности — Велимира Хлебникова и Сергея Городецкого, с их поэтизацией языческой мифологии, преклонением перед стихийностью, первозданной мощью природы.

В стихах Каменского обостренное ощущение природы сочеталось с импрессионистической непосредственностью. В них Каменский — поэт, влюбленный в жизнь, бездумно, безотчетно предающийся радостному общению с миром природы:

Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы —
О, не жалея невиденного сна —
И вытащат взглянуть
На розовое, солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
Свежими глазами
Взгляни на луг, взгляни!

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства, фонд В. В. Каменского; ниже ссылки на этот архив даются сокращенно: ЦГАЛИ.

Стихи, помещенные в «Садке судей», принадлежат к числу лучших стихов Каменского. В них звучит та простодушная пастушеская свирель, которая так восхищала его у Хлебникова. По словам Каменского, «Хлебников... показал ярко и мудро-просто, что стихи надо писать вольно, так, как вольно играет на свирели пастух, сидя на горке у ручья и слушая только сердце свое». ¹ Этот угол зрения определял характер ранних стихотворных опытов самого Каменского. Мир в его изображении кажется особенно чистым, радостным, овеянным запахами трав и цветов. Поэт умиляется каждому кустику, каждой веточке, каждому лесному шороху:

Посмотри, как дружок
За дружочком отразились
Грусточки в воде.
И кивают. Кому?
Может быть, бороде,
Что трясется в зеленой воде.
Тихо-грустно. Только шепчут
Нежные тайны свои
Шелесточки-листочки...

Читая эти стихи Каменского, вспоминаешь наивные, но на редкость выразительные картины Анри Руссо и Пиросманишвили. Его образы подкупают своей простодушной искренностью, как рисунки детей, которые не соблюдают перспективы, но метко схватывают общие контуры изображаемого предмета. Вот одна из характерных пейзажных зарисовок Каменского:

Взгляни — и просторно. В долине играет,
Будто девочка, речка —
Бежит меж кустов и цветы собирает.
Белеет овечка.

Да и все это стихотворение («Овечка у домика») похоже на детский рисунок с его наивно-простыми линиями, смещением планов и размеров и в то же время какой-то особенной зоркостью и свежестью восприятия.

Наивность, стоящая на уровне детского сознания, спустя несколько лет провозглашается Каменским основой творчества. «Истинный поэт — это ребенок, — говорил он в одной из своих лекций, —

¹ ЦГАЛИ.

верно думающий, что весь мир — это сплошная детская, где все для игры в игрушки». ¹

«Детскость», наивная непосредственность, подчеркнутая безыскусственность в организации стиховой речи, переходящая в своего рода примитивизм, — все эти свойства ранних стихов Каменского несомненно предвещали поэтику футуризма, хотя далеко не в полной мере осуществляли ее главные принципы. Русский футуризм, видным представителем которого вскоре стал Каменский, возник несколько позже — в 1912 году, когда выступила сплоченная группа поэтов, стремившихся выработать собственную эстетическую платформу, когда появилась «Пощечина общественному вкусу» и прочие декларации новой школы.

2

После выхода «Землянки» литературная деятельность Каменского на время прерывается его новым увлечением — авиацией. В своих воспоминаниях Каменский озаглавил этот период — «От землянки к аэроплану». ²

В начале 1911 года он решает ехать за границу учиться пилотажу. Посетив Берлин, Каменский приезжает в Париж, бывший в то время «столицей авиации». Здесь он поступает учеником в мастерские Блерио. После нескольких месяцев обучения Каменский направился в Лондон на Всемирную выставку воздухоплавания. Отсюда он поехал в Италию, а затем через Вену и Берлин вернулся в Россию.

Тогда же Каменский приобрел собственный аэроплан и на Гатчинском аэродроме учился летать. После тренировки, получив диплом авиатора, он демонстрирует на своем «блериид» полеты по России и Польше.

Наряду с демонстрацией летного искусства Каменский читал лекции об авиации. 29 апреля 1912 года был назначен его полет в Ченстохове. Во время полета началась гроза, порывом ветра аэроплан перевернуло, и летчик упал в болото. Только это и спасло его от верной гибели. Каменский сильно разбился, аэроплан разлетелся на куски. Летчика отвезли в больницу, а в местной газете на другой день даже появился некролог.

Поправившись после падения, в том же 1912 году Каменский на деньги, заработанные авиационными выступлениями, купил непо-

¹ ЦГАЛИ.

² В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 203.

далеку от Перми на речке Каменке лесной участок, на котором построил дом. Каменка на многие годы стала любимым пристанищем поэта во время его «каникул» — перерывов между лекционными турне, концертными выступлениями, литературными делами. Вплоть до начала 30-х годов Каменский проводил обычно на Каменке весну и лето. Там он охотился, рыбачил, бродил по окрестностям.

В конце 1913 года поэт приезжает с Каменки в Петербург и сразу же окунается в накаленную атмосферу первых выступлений футуристов. Вместе с Д. Бурлюком и Маяковским он принимает участие в ожесточенных диспутах о новых путях искусства. В начале следующего года совершает с ними турне по России, выступая с чтением лекций и стихов.

Турне с Маяковским и Д. Бурлюком началось в конце декабря 1913 года и продолжалось по март 1914 года. Харьков, Симферополь, Севастополь, Керчь, Одесса, Кишинев, Николаев, Киев, Минск, Казань, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Тифлис, Баку — таков был их маршрут по городам России. Эти выступления и вечера воспринимались публикой как бунтарские, и потому привлекали настороженное внимание полиции. В газетных отчетах сообщалось: «В день футуристического вечера все билеты были заранее распроданы. Публика большими массами ходила за футуристами, и немало трудов стоило полицейской власти разогнать толпу...»¹ В отличие от замкнутости символистов в узком кругу избранных, камерности их выступлений, — футуристы адресовались к широкой публике, постоянно выступали с эстрады, заодно читали эпатазирующие лекции и стихи, устраивали шумные скандалы.

Каменский в своих воспоминаниях передает содержание доклада на вечере в Политехническом музее в Москве, на котором он выступал совместно с Маяковским: «Я развивал мысль о том, что мы — первые поэты в мире, которые не ограничиваются печатанием стихов для книжных магазинов, а несут свое новое искусство в массы, на улицу, на площадь, на эстрады, желая широко демократизировать свое мастерство и тем украсить, орадожить, окрылить самую жизнь...»² В своих лекциях Каменский повторял многие положения Маяковского: объявляя войну мещанству, старому искусству, проповедовал ниспровержение общепринятых норм морали и эстетики. На тематике его публичных выступлений отразилось и недавнее увлечение авиацией. Он выступает с докладом: «Аэропланы и поэзия футуристов». Представление о содержании

¹ «Свет», 1914, 30 января.

² В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 171.

этого доклада дает афиша с броским перечислением тезисов: «О влиянии технических изобретений на современную поэзию. Пробеги автомобилей и пролеты аэропланов, сокращая землю, дают новое мироощущение». ¹

Увлечение Каменского техникой сказалось и в выпуске им книжечки пятиугольного формата — сборника «железобетонных поэм» «Танго с коровами» (М., 1914) и в таких стихотворениях, как «Полет в аэроплане», «Вызов авиатора» и т. п. Правда, «железобетонные поэмы» скорее относятся к области курьеза, чем к поэзии. Это были своего рода ребусы, в которых отдельные слова и буквы вписаны в разграфленные квадратики разной формы. Каменский принимал активное участие и в издании футуристических сборников, таких, как «Рыкающий Парнас» (1914), «Первый журнал русских футуристов» (1914), «Весеннее контрагентство муз» (1915), и других.

Русский футуризм был во многом противоречивым явлением. С одной стороны, в нем сказались демократические тенденции, настроения протеста против существующего положения вещей, господствующей морали, эстетики, общественного строя. Но в то же время в футуризме проявлялись и крайности индивидуалистического восприятия действительности, устремление к формалистическому новаторству и эстетическому нигилизму. Носителем революционной, демократической тенденции в футуризме был прежде всего молодой Маяковский. Нигилистическая и формалистическая струя наиболее последовательно представлена теорией «зауми» и уродливыми опусами Крученых. Каменский пытался в своем творчестве примирить обе эти тенденции, отдавая во многом дань литературной моде. Основное направление его таланта сказалось, однако, в поэме о Степане Разине, знаменовавшей стихийные бунтарские настроения, зревшие в крестьянских массах.

В 1915 году Каменский начал сотрудничать в журнале «Новый Сатирикон». В одном из июньских номеров журнала был напечатан отрывок из поэмы о Разине «Стенька Разин на персидском базаре» (с рисунком С. Судейкина). Близкое участие принял Каменский и в издании альманаха «Стрелец», в котором футуристы впервые объединились с символистами.

Зиму 1914—1915 года Каменский проводит в Куоккала под Петербургом (ныне Репино) на даче у режиссера Н. Н. Евреинова. Здесь же по соседству жили И. Е. Репин и К. И. Чуковский. Каменский стал посетителем «сред» в репинских «Пенатах», на которые

¹ Таковы были тезисы афиши «знаменитых московских футуристов», выступавших в Казани 20 февраля 1914 года (ЦГАЛИ).

обычно собиралось много народу, велись споры об искусстве. Об одном из таких собраний он вспоминает: «Обед кончился моими стихами. Репин аплодировал, радовался как ребенок, хвалил, к моей неожиданности, особенно разбойные стихи из «Разина»: „Вот это — стихия! Земля! Цельность! Широта разгула! Вот это — вольница! Вихрь бунта!“»¹

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский рассказывает о появлении в репинских «Пенатах» «голубоглазого летчика» Василия Каменского, который «чудесно вырезывает из разноцветной бумаги разные фигурки и узоры». Веселость и простодушие Каменского вызвали общую к нему симпатию. «Казалось, — замечает Чуковский, — что и стихи свои он тоже вырезывает из разноцветной бумаги: такие они были пестрые, веселые, орнаментально нарядные».²

Литературные знакомства Каменского были весьма разнообразны. Вращаясь в эти годы не только в среде футуристов, но и в самых разнообразных петербургских кругах, он становится постоянным посетителем артистического кабаре «Бродячая собака», встречается с А. Ремизовым, А. Куприным, Ф. Шаляпиным, художниками Б. Григорьевым, А. Лентуловым, Ф. Малявиным.

К 1915 году относится и знакомство Каменского с Горьким, вернувшимся из-за границы. Каменский познакомил Горького и с Маяковским.³ Д. Бурлюку и Каменскому Горький подарил свой автограф, повторив в нем фразу из приветствия «Обществу деятелей периодической печати» (10 апреля 1914 г.): «Они — свое, а мы — свое». В конце февраля 1915 года в «Бродячей собаке» состоялся вечер, посвященный выходу первого номера журнала «Стрелец». На этом вечере присутствовал и Горький, выступивший в защиту футуристов. Особенно запомнилась его крылатая фраза о футуристах: «В них что-то есть...», которая была подхвачена газетами и обошла всю страну.⁴

Вспоминая о встречах с Горьким, Каменский писал: «Я стал «бывать» у Алексея Максимовича, и мы ходили с ним по левым выставкам, где я давал объяснения наших работ».⁵

Вскоре после вечера в «Бродячей собаке», в ответ на запрос

¹ В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 216.

² Корней Чуковский, Современники. Портреты и этюды, М., 1962, с. 666—667.

³ См.: В. Перцов, В. В. Маяковский. — «Знамя», 1940, № 4-5, с. 146—147.

⁴ См.: В. Перцов, Маяковский. Жизнь и творчество, т. 1, М.—Л., 1951, с. 355—356.

⁵ В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 221.

редакции «Журнала журналов», Горький выступил со статьей о футуризме. Заявив о том, что «русского футуризма нет» как единого литературного течения, а есть отдельные талантливые писатели, среди которых он назвал Маяковского и Каменского, Горький писал: «Не ругать их нужно, к ним нужно просто тепло подойти, ибо даже в этом крике, в этой ругани есть хорошее: они молоды, у них нет застоя, они хотят нового свежего слова — и это достоинство несомненное. Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают...»¹

В предреволюционные годы Каменский ездил по России с лекциями, выступал на вечерах со стихами. Он талантливый чтец, эстражник, пишущий свои стихи в расчете на устное исполнение. Как впоследствии отмечал Луначарский, «Василий Каменский — поэт из породы мейстерзингеров, на манер французских, недавних шансонье. Это — полудраматический, полумузыкальный исполнитель своих собственных „песен“». ² Сам Каменский писал о себе в одной из черновых записей: «Он музыкант и певец. Свои стихи он исполняет с собственной напевностью». ³ Это был превосходный исполнитель. Он умел так прочесть стихи, что строки, казавшиеся невыразительными, шаблонными, как бы приобретали новое звучание, новый смысл. Н. Асеев очень правильно заметил, что «вне чтения... стихи Каменского теряют половину своей убедительности, своего блеска именно потому, что они созданы для звучания, для жизни, а не для архивной пыли». ⁴

Любовь к беззаботно-бродяжной жизни Каменский сохранил навсегда. На весну и лето он обычно уезжал к себе в Пермь, на Каменку. Здесь поэт охотился, ловил рыбу, играл на гармонике, писал стихи. После такой передышки снова пускался в путешествия, скитаясь по белу свету, выступая с лекциями и вечерами.

Каменский читал лекции на темы «Как надо жить?» и «Что такое футуризм?». Если он читал лекцию в Харькове, то она называлась: «Как надо жить в Харькове?», а если в Батуме, то — «Как надо жить в Батуме?» и т. д. Содержание лекции мало менялось от географических условий, заключаясь в призыве к жизнерадостности, к наслаждению теми дарами, которые предлагает человеку природа. «И мне хочется, чтобы, уходя отсюда, — так заканчивал одну из своих лекций Каменский, — вы унесли в глубине души кусочек веры

¹ О футуризме. — «Журнал журналов», 1915, № 1, с. 3.

² «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

³ ЦГАЛИ.

⁴ «Вечерняя Москва», 1933, 24 марта.

в новую жизнь и в новых людей, творящих новое искусство; мне хочется, чтобы каждая и каждый сменил свою недоверчиво-грустную улыбку на ясно-радостное желание протянуть свою руку тем немногим, кто служит во имя новой красоты жизни». ¹

В 1915—1916 годах Каменский разъезжает по курортам Крыма и Кавказа вместе с «футуристом жизни» спортсменом Владимиром Гольцшмидтом, выступая с лекциями и чтением стихов. Афиша от 3 мая 1916 года об их выступлении в Новом Симеизе (в Крыму) гласила: «Состоится лекция-вечер. ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ прочтет: «Вот как надо жить в Крыму...» Поэт-футурист Василий Каменский прочтет: «Творческие радости жизни». Владимир Гольцшмидт прочтет: «Солнечные радости тела». После Василий Каменский исполняет свои стихи-песни (с музыкальным инструментом)».

3

Футуризм для Каменского был не одним из очередных увлечений, а целым этапом в его духовной биографии, художественной формой его мироощущения. Видный театральный деятель Н. Н. Евреинов, близкий друг поэта, впоследствии писал о нем: «Весь его футуризм — и футуризм не только во всех его произведениях, но в самой жизни, в укладе ее, — это не плод досужей фантазии, не оригинальничание, не поза, а органически вытекающее из отношения поэта к жизни... Он создает свои формы бытия и проповедует их задорно-вызывающе не только песнями, но и всей жизнью своей». ² И действительно, жизнь разворачивалась перед Каменским как чудесное, захватывающее зрелище, где он чувствовал себя не сторонним наблюдателем, а одним из главных действующих лиц. Поэт, романист, драматург, актер, живописец, авиатор, охотник, оратор, пропагандист, путешественник — во всех этих облициях Каменский оставался самим собой — «непромокаемым энтузиастом», человеком, страстно увлеченным потоком жизни, поисками полноты и радости бытия. Он писал о себе:

Поэт-мудрец и авиатор,
Художник, лектор и мужик,
Я весь изысканный оратор,
Я весь последний модный шик.

¹ ЦГАЛИ.

² Н. Н. Евреинов, Театрализация жизни (Поэт, театрализуемый жизнь), М., 1922, с. 10.

Звенит, как сонная аорта,
Мой наркотический лиризм —
Я от деревни до курорта
Провозглашаю футуризм. . .

. . . Из жизни создал я поэзию,
А из поэзии — стихи,
И стал подобен солнцегенню
И композитором стихии.

(«Моя карьера»)

В этих стихах, в самой поэтической позе Каменского тех лет (1914—1916) явственно чувствуется влияние «эго-футуризма» Игоря Северянина.¹ Оно сказывается в стихотворениях Каменского и в избитости неологизмов и псевдо-красивости северянинского «ресторанного» жаргона, и в его «курортном» восприятии жизни:

Из Симферополя на автомобиле
Приехал в Ялту я запыленный —
И улыбнулся мореволно. . .

. . . Душой напевной и взволнованной
Я взволновать решился младость,
И вот пою, вниманьем скованный,
Звучальную Ай-Петри радость. . .

(«Приехал в Ялту»)

Эти северянинские мотивы на время потеснили ту самобытность, непосредственность, которая подкупала в ранних стихах Каменского. Однако ему удалось преодолеть это влияние, и в своих лучших произведениях он обретал свой собственный голос.

Во многом и жизнь свою писатель строил в соответствии с тем обликом поэта, который вырисовывался в его творчестве.

Каменский нередко говорил в стихах о событиях своей частной жизни, упоминая в них своих знакомых, называя их имена и фамилии. Но главный и единственный герой его стихов — он сам. Первоначально — это поэт с мироощущением ребенка, дикаря, живущий среди природы, чутко улавливающий шорохи и запахи лесов, полей и рек. В дальнейшем этот облик поэта — камского «дикаря» — испытывает полное превращение: это авиатор, восхищенный высотой, пространством:

¹ В 1914 г. Каменский выступал вместе с И. Северянином во время гастрольной поездки по Крыму.

Воздухом —
Духом
Душа изветрилась,
Будто не хочется
Знать о земном.
Крыльями воля
Людей окрылилась, — дни
Океанятся
Звездным звеном.

(«Полет на аэроплане»)

Затем поэт-авиатор сменяется обликом поэта-футуриста, бросающего вызов окружающему обществу, и, наконец, перевоплощается в мужичьего бунтаря («Степан Разин»).

Такого рода метаморфозы на самом деле означали не смену позиций, а двойственность мироощущения и творчества Каменского. Справедливо отмечала современная поэту критика, что в его сочинениях проступают «два лица»: «одно — нежное, любовно-грустное, обращенное к «листочкам-шелесточкам»... Другое — злобное, обращенное к пришельцам из города. И два голоса у него. Один гибкий и ласковый, как шептание веток между собой, нежный и звонкий, как голос любимых птиц («Землянка»). Другой — острый и резкий, как лезвие кривого татарского ножа, который он носит за поясом («Стенька Разин»»)¹.

Как отмечалось, творчество Каменского тяготело к стихийному восприятию жизни, к примитивизму. Именно неприятие уклада капиталистического города, протест против бездушия буржуазной цивилизации объясняют его «бегство» в мир природы, нежную и не насытную любовь к ней. Однако сознание поэта, как и его соратников по футуризму, было во многом противоречиво. И урбанизм и тяготение к патриархальным формам бытия не только противостояли, но и взаимно дополняли друг друга. Так, в сборнике «железобетонных поэм» «Танго с коровами», когда в них появлялся удобочитаемый текст, а не только загадочные ребусы, поэт жаловался на одиночество, проклинал город:

Жизнь короче визга воробья.
Собака, что ли, плывет там
На льдине по весенней реке?..

¹ Б. Гусман, Василий Каменский. — «Очарованный странник, Альманах осенний», Пг., 1915, с. 11.

С оловянным веселнем смотрим мы на судьбу,
Стянутые морским узлом одиночества. . .

И тут же, говоря о своей тяге к природе, Каменский выражает весьма экстравагантное желание «плясать» танго с коровами. Тем самым он пытается совместить примитивизм деревенского существования с последним криком моды современного общества. Точно так же в увлечении великим техническим открытием — авиацией — у Каменского сказывалось стремление к выходу на неизведанные просторы стихий.

Каменский не только пел гимны природе, говорил о радостном общении с ней, о ее целительной силе. В своем бурном влечении к ней он как бы делает попытку прямого вторжения в этот чудесный мир, стремясь передать его дыхание, его стихийные ритмы, его подлинное звучание. Общепринятый язык поэзии и практической речи становится недостаточным в его глазах для решения этой художественной задачи. Уже в стихах из романа «Землянка» Каменский делает первый опыт овладения естественным «голосом самой природы», подражая щебету птиц. А вскоре он вместе с другими футуристами создает совершенно небывалый в русской литературе язык, резко противостоящий всем существовавшим до него нормам и традициям.

В противоположность символистам, проповедовавшим идею преображения жизни в искусстве, футуристы выдвинули требование низведения искусства до жизни. Отсюда же вытекало новое отношение к слову. Следуя за программными установками футуристов, провозгласившими «Слово как таковое», Каменский, говоря о «новом искусстве», также уделял особое внимание вопросу «самовитого» слова.

В лекции о современной поэзии, прочитанной в 1916 году в Перми, Каменский утверждал: «Поэзия Современности, поэзия наших дней ярко разделилась на два берега. Поэты одного берега пользуются словом как только средством, только способом выразить свои поэтические замыслы. Поэты другого, левого берега выставили лозунг: долой слово-средство, да здравствует самовитое, самоцветное слово. Если с одного — правого — берега слышатся только одни песни, то с другого — левого — песни, заглушаемые музыкой. Музыкой в самовитости, в самоценности, в самозначении слов. Здесь каждое слово отвечает за себя. Здесь каждое слово — краска, драгоценный камень, отдельная величина, законченный рисунок. Связность слов здесь не обязательна, ибо аккорды музыки сами говорят за себя. Понимание красоты поэзии здесь слишком, быть может, своеобраз-

но, но в этом есть своя прекрасная сторона, а именно — те откровения, во имя которых творит каждый художник и которые так безгранично дороги в искусстве». ¹ Итак, слово для футуристов — не нейтральный стронтельный материал, а «музыкальная» единица живой речи, как бы наэлектризованная стихийной энергией, скрывающая в себе заряд поэтичности. Оно — исходный момент в развитии стиха или даже целая тема. Слова в футуристической поэзии становятся подвижными, плавкими, способными к многообразным превращениям и соединениям. Раскрывая секреты своей творческой мастерской, Каменский рассказывал: «Если все-таки нужен известный смысл, необходимо содержание, то для этой задачи требуется создание настроения посредством словесной формы, выраженной в образах, в меткости брошенной стрелы своего дарования, в музыкальности, в ритмических движениях души и сердца. Когда меня спрашивают, что я делаю со словом, я отвечаю так:

Я нагибаю ветку ветную
И отпускаю трепетать,
Люблю тебя ответную
Возможность прилетать.

...Я беру слово «песня» и нагибаю, и, отпуская его трепетать, ■ произвожу из него девушку, которую называю «песнианкой». Далее я поступаю так: мне нужно вызвать образ Весны, и я пою:

Песнианка
Песнианная
Песнианных
Песниан». ²

Общепринятые грамматические и смысловые связи вытесняются новыми единствами, новыми словообразованиями, вроде неологизмов типа «звенидень», «летайность», «аэротишь», «дымьюсинь» и т. п. Сходная картина и в построении фраз. Предложения сливаются друг с другом, в них часто не ощущается ни начала ни конца. Словесный поток в этих случаях становится логически нерасчлененным.

Сам Каменский редко прибегал к «заумному» языку, но принцип фонетического созвучия в организации стиха являлся одним из главных его художественных средств на всем протяжении творчества. В начале своего литературного пути Каменский часто обра-

¹ ЦГАЛИ.

■ Там же.

щался к эвфоническому подбору слов, «инструментированных» на одну какую-нибудь букву-звук, в сочетании со «словотворчеством», то есть неологизмами, получаемыми в результате изменения и прибавления различных суффиксов к избранному корню. Таково, например, стихотворение «Лечу»:

Лечу над озером,
Летайность совершаю,
Летивый дух
Летит со мной. . .

Наряду с тяготением к символике звуков, идущей от Хлебникова и отчасти от Бальмонта, Каменский чаще всего пользуется их эмоциональным нагнетанием. В поэмах, прежде всего в «Степане Разине», он обращается к изобразительной силе звука, к своего рода звуковой полифонии, которая придает особую выразительность его стихам.

Футуристическая поэзия Каменского являет любопытную картину борьбы и сочетания живой непосредственности и вычурной искусственности, непринужденной естественности и головоломного эксперимента, словесной ясности и «зауми». В футуристических сборниках Каменский публиковал нарочито экспериментальные произведения, подчеркивая свое «новаторство» отсутствием пунктуации, нагромождением неологизмов, фонетическими и графическими ухищрениями. Правда, на деле эти ухищрения напоминали игру в буквы:

Излучистая
Лучистая
Чистая
Истая
Стая
Тая
Ая
Я

Таково стихотворение «Я», помещенное в «Рыкающем Парнасе» и претендовавшее на самое «левое» новаторство (его текст Каменский затем включил в стихотворение «Соловей»).

Однако Каменский писал и другие стихи — пленяющие искренней простотой и ясностью содержания. Таково, например, стихотворение его «Вода вечерняя»:

С крутого берега смотрю
Вечернюю зарю,
И сердцу весело внимать
Лучей прощальных ласку,
И хочется скорей поймать
Ночей весенних сказку.
Тиха вода, и стройно лес
Затих завороженный,
И берег отраженный
Уносит в мир чудес.
И ветер, заплетающий
Узоры кружев верб,
На синеве спящей
Золоторогий серп.

Возникнув в пору, когда символизм призывал поэзию к туманной неопределенности, к мистическим прозрениям мира сверхчувственного, футуризм внес живую струю в художественное развитие, явился при всех своих «завихрениях» откликом на жизнь. Это в свое время было отмечено Горьким.

Опрокидывая общепринятые границы между искусством и действительностью, футуристы принципиально отстаивали право поэта откликаться на любые явления жизни, брать на вооружение любой словесный материал, прибегать к любым художественным приемам. С этим же было связано их обращение к вульгарной, низменной прозе быта, их эпатажирующая грубость, полемически заостренная против эстетства символизма с его культом иррационального и прекрасного. Широко раздвигая границы поэзии, разрабатывая еще нетронутые пласты словесной руды, футуристы тем самым посылно участвовали в общем процессе демократизации русской культуры.

Однако сама действительность, к которой они так настойчиво стремились приблизить свое искусство, воспринималась ими как сплошное воплощение стихии. Они не усматривали в ней никакой внутренней логики развития, отказывали ей в каких бы то ни было закономерностях и считали ее вообще рационально непостижимой. Такой угол зрения в литературной практике вел к отказу от анализа бытия, к идейному разоружению, то есть в конечном счете — к изгнанию из искусства большого социального содержания и обращению к чисто формалистическому экспериментаторству.

Стало быть, противопоставив себя символизму, футуризм, в сущности, сам оказался искусством неполноценным, ущербным, также отмеченным печатью декадентства и деградации.

Следует, впрочем, отметить, что футуризм не был однородным явлением и что к нему тяготели поэты разных творческих устремлений. Одно дело Маяковский с его беспощадным пафосом отрицания «старья», буржуазной морали и поисками великой социальной правды, другое — А. Крученых, «бука русской литературы», изобретатель заумного языка и головоломных опусов.

Зримые следы формализма легко обнаружить и в творчестве Каменского. Иногда он проявлял неустойчивость позиции, поддавался, например, как уже упоминалось, влиянию Игоря Северянина, используя его «модный» словарь, разделяя его пристрастие к парфюмерной красивости и неологизмам (вроде: «солнцецветение», «фиолятся», «бесшабашиться» и т. п.). Но не эти воздействия и не формалистические эксперименты все же определяют лицо Каменского.

Своеобразие поэта особенно заметно выступает при сопоставлении его произведений с творениями Маяковского. Каменский очень ценил поэтическую работу своего друга и не раз испытывал на себе его плодотворное влияние. Показателен отзыв о Маяковском в записях Каменского 1915—1916 годов: «Когда поэт Маяковский творит, то кажется, что каждое сказанное им слово вылито из чугуна или выбито из гранита. Размах его поэзии огромен, как мировое событие. Процесс его творчества мне ярко напоминает прорытие Панамского канала, где два океана — Тихий и Атлантический, — пройдя материк, подали друг другу океанские руки. Так футуристическая поэзия Маяковского слилась с примитивизмом искусства каменного века, прорезав материк реализма».¹

Характерно, однако, что Каменский посвящает Маяковскому стихотворение «Крестьянская», в котором восхваляется стихийная мужицкая сила:

Дай бог здоровья себе да ко́ням!
Мы на работе загрызем хоть кого!
Мы не сгорим, на воде не утонем.
Станем ²— два быка — вво!

В этом стихотворении Каменский заметно отталкивается от сложности и трагизма поэм Маяковского, уповая на сермяжную «мужиковствующую» Русь. Именно постоянным пристрастием к мужицкой кондовой силе, к русской природе Каменский более всего выделялся среди других футуристов. И свой протест против бездушия городской цивилизации, свои проклятия ей Каменский облакает в национально-историческую одежду. К 1914 году в его творчестве

¹ ЦГАЛИ.

нарастает большая, кровно близкая поэту тема стихийного крестьянского бунта, тема разнищины, мужицкого мятежа, которая во время, непосредственно предшествовавшее революционному подъему, отвечала настроениям народных масс.

4

1914—1915 годы прошли у Каменского под знаком работы над романом о Степане Разине. Это был также необычный роман — смесь лирической прозы со стихами.

«Одержимый энтузиазмом, я мечтал перекинуть мост от деревни к футуризму, как Степана Тимофеевича Разина — к современности, — писал впоследствии Каменский... — А когда в это лето вспыхнула мировая война, когда вся жизнь России взбудоражилась вдруг, когда началась стихийная раскочка умов и сердец, — уверенность в работе над Разиным возросла вдвое, как и волна величественных предчувствий».¹

Роман открывался посвящением «Великому народу русскому». Писатель выражал в нем уверенность в торжестве народного дела: «Я чувю, я верю, я жду — скоро грянет победный час и совершится великое чудо: богатырский русский народ пасхально-звонными, семицветными радугами раскинет свои вольные дни по Русской Земле и сотворит жизнь, полную невиданно-неслыханных чудес: я жду и готовлюсь». В свете вскоре наступивших революционных событий эти слова звучали как предчувствие.

В романе о Разине сочеталось изображение гулливой, бродяжничей Руси, бунта народной вольницы с сентиментальным рассказом о любви атамана к крестьянской девушке. Разин в нем — гуслиар, певец, во многом напоминающий личность самого автора. Посылая роман критику А. А. Измайлову, Каменский сообщал: «...Творил буйным вихрем души своей мятежной... И мне даже кажется, что книга моя — кровь моя, воля без берегов, огромная книга — всем сейчас нужна».² При своем появлении в 1915 году роман Каменского вызвал ряд откликов в печати, как враждебных, так и сочувственных. «Знающие и любящие Василия Каменского оценят его новый роман, — писал С. Вермель, — ибо все в нем ярко-чаянно, вдохновенно. Не может не охватить настоящая ревность к России за любовь поэта к ней. Стенька Разин рассказан как поэт, а исторический

¹ В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 208—209.

² Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, фонд А. А. Измайлова.

портрет автору... не важен». Особенно выделяет рецензент «разбойные, дикие, бесшабашные поволжские песни»: «Русь, гусельная, буйная, разбойничья, вольная — вся там».¹

Роман о Разине Каменский переработал в поэму о нем. Эта поэма — лучшее, что написал Каменский. Фрагменты этой поэмы, в которую вошли также и многочисленные стихи из романа, автор печатал в периодических изданиях 1914—1917 годов и с огромным успехом читал на вечерах, разъезжая по России. Полностью эту поэму под названием «Сердце народное — Стенька Разин» он издал уже после Октябрьской революции, в начале 1918 года. Через десять лет, в 1927 году, Каменский печатает в Тбилиси новую редакцию поэмы в совершенно переработанном виде.

В поэме о Разине чувствуется порывистый ветер близившейся революции, она проникнута радостным ожиданием ее, наполнена боевым задором, буйным протестом против старого мира. Правда, революция представлялась автору лишь в самых общих абстрактных чертах. Однако устремленность к ней поэта, весь эмоциональный накал поэмы вдохновлены горячим сочувствием народным массам: «каждый, в ком Разин задорится, разом поймет батрака — у кого трудовая рука», — говорит Каменский в финале поэмы.

Образ вождя крестьянской бедноты неоднократно привлекал внимание писателей, обращавшихся к теме народных восстаний. Напомним поэмы В. Хлебникова первых пооктябрьских лет («Уструг Разича» и «Разин»), роман А. Чапыгина «Степан Разин» и другие.

Каменский не стремился к воссозданию исторически достоверного облика Разина, обращаясь к тому легендарному фольклорному образу, который создан был народом. Разин у Каменского выступает как предводитель «понизовой вольницы», голытьбы, «разобитой палачами», восставшей во имя вольности и отмщения «отродию княжому». И в то же время Разин, вернее сам автор, мечтает о том времени, когда «сплетутся все руки задружно», когда настанет время освобождения:

Будет день — и откроет ворота
Каждый для вольных гостей,
Чтобы в жизни любая забота
Была равной для равных затей.
Будет день — и закружатся кружно
В хороводах навеки друзья —

¹ «Московские мастера. Журнал искусств», М., 1916, весна, с. 90.

И сплетутся все руки задружно:
Бедняки — и купцы — и князья.

(Первая редакция поэмы)

Как видим, революционные устремления Каменского в середине 1910-х годов были довольно расплывчатыми. В первой редакции поэмы заметно сказались анархические представления о сущности революционного переустройства; наряду с призывами к расправе с князьями и боярами в ней звучали утопически-примирительные ноты.

В окончательной редакции поэмы все эти мотивы и призывы к общему «хороводу» Каменский исключил. От первой редакции остались лишь два-три наиболее удачных и известных фрагмента (вроде «Сарынь на кичку!»). При этой переработке во многом изменился и самый стих поэмы. Первоначальный песенный строй ее был заменен отрывистым, динамичным ритмом, основанным на выкрике, на выделении интонацией каждого стиха, каждого отдельного слова.

Однако и окончательная редакция сохранила свой изначальный пафос прославления разрушительной, беспощадной мощи крестьянского мятежа, стихийности народного гнева и удали. И здесь Равин — лихой забубенный парень-гуслияр, бесшабашный и дерзкий ушкуйник. «За народ обездоленный, бедный», за «сермяжку Русь» выступает этот герой Каменского с бесхитростно-наивным признанием:

Для меня воля вольная слаще
И пьянее любви и вина, —
 Лишь бы жизнь молодецкая чаше
 Была дружбой единой сильна.
Я для дружбы родился
Могуч и ядрен,
 Чтобы мой жигулевский
 Разгул стал мудрен.

По художественным средствам своего воздействия поэма о Равине ближе всего к опере, в которой производит впечатление не жизненное правдоподобие, а музыка, пение, декорации, общая эмоциональная приподнятость всего спектакля. Крупным планом у Каменского выступает эффект массовых сцен, мелодраматизм ситуаций.

Поток образов, песен, выкриков передает стихийную, все разрушающую, беспощадную разбойную удачу, вековую народную

жажду свободы. Поэма обильно насыщена фольклорными, песенными образами, ритмами, интонациями, народной лексикой:

Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть
Пошел шататься
По берегам.
Сарынь на кичку!
В Казань!
В Саратов!
В дружину дружиною
На переключку,
На лихо лишнее
Врагам!

Эти фольклорные, песенные мотивы и образы перекликаются с подлинными, широко бытовавшими народными песнями о Разине:

Сударн мои, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять.
Разобъемте, братцы, басурманские корабли,
Возьмете, братцы, казны сколько надобно,
Поедем, братцы, в каменную Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.¹

Каменский передает в своей поэме гневный разгул масс, разрушительную силу мужицкой ненависти, пользуясь зачастую звуковой какофонией, каким-то диким, почти заумным нагнетанием диалектизмов, нагромождением жестких, шипящих и взрывающихся звуков, бередящих слух нелитературных слов-уродов:

Эх, дать бы им всем
Кистенем по башкам.
Захурдачивай да в жордупту,
По зубарам сыпь дубинушшом.
Расхлобысть твою, ой, в морду ту,
Размочардай в лоб рябинушшом.

А ишшо взграбай когтишшами,
По зарылбе взыбь колдобинной,

¹ См.: А. Н. Лозанова, Народные песни о Степане Разине, Саратов, 1928, с. 53.

Чтобыш впрямь зуйма грабишшами
Балабурдой был, худобиной.

Нарочитая грубость и бессвязность языка, по замыслу Каменского, должны были передать стихийную, неукротимую силу мужицкого гнева. Это шероховатое, нелитературное слово, эта огрубленная лексика подчеркивали «мужицкий» строй поэмы, противостояли слащавой стилизации русской старины, имевшей место в литературе 1910-х годов:

Празз —
Ой едрид твою нанкось —
В перемол на волю выехал
За боярами, за царскими. . .
. . . Шарабарь когтищами,
Запивай винищами. . .

И тут же врываются непривычные, гортанные тюркские, татарские, персидские выражения и слова:

Киль монда.
Хурма.
Бирляй.
Ай шкайра!

Каменский пользуется этими «восточными» словами как своего рода цветастой аппликацией: для него важно их чисто эмоциональное воздействие, их предельно яркая, экзотическая окраска.

Песенная интонация и мелодия поэмы постоянно срываются в выкрик, в исступленные и дерзкие призывы к бунту:

Дрожат берега.
Раскатилась река.
Раззудилась рука
казака —
Степана
Свет Тимофеича
Разина.
Сарынь на кичку!
Мрази, на!
Разуваживай гостей,
Эй, глуши,
Свисти,

Кистень,
По царевым медным лбам.
Бам!
Бам!
Бам!

Эти приказания, глаголы в повелительной форме, выделяясь каждое в отдельный стих, придают особую динамику стиху, выражая интонацию выкрика:

Чеши!
Пади!
Откальвай!
Руби!
Хватай!
Размалывай!

Такими сгущенными словесными мазками написана вся поэма. Этот же принцип лексического и интонационного нагнетания Каменский сохраняет и в позднейших поэмах «Емельян Пугачев» и «Иван Болотников», продолживших тему крестьянских восстаний.

Новый 1916 год Каменский встречал в Петрограде, как он сам писал, «в штабной квартире петроградского футуризма» — у Бриков, вместе с Маяковским, В. Шкловским. Он вспоминает также о своих петроградских встречах этого времени с Хлебниковым, Ремизовым, Мейерхольдом, Евреиновым. В июле он уезжает на Кавказ. После концертного турне по Кавказу Каменский на зиму остается в Тифлисе и подготавливает сборник стихов «Девушки босиком» (1916), который вышел из печати в начале 1917 года.

В Тифлисе он становится усердным посетителем цирка Ефимова, сдружившись с известным борцом Иваном Заикиным. Каменский даже принял предложение дирекции выступать в цирковых спектаклях верхом на коне, в костюме Стеньки Разина, исполняя свои стихи о нем.

Из Тифлиса Каменский уехал весной 1917 года на гастроли на Кубань, в Екатеринодар, затем в Ростов, Новочеркасск, Таганрог, Харьков, всюду читая с шумным успехом поэму о Разине. Февральская революция застала его в Ростове. По его признанию, свою лекцию, объявленную в театре, он заменил революционным митингом. Оттуда поэт поехал в Харьков, а 16 марта уже был в Москве и выступал в летнем театре «Эрмитаж» вместе с Маяковским на «Первом республиканском вечере искусств». В середине апреля Каменский в Екатеринбурге, а затем, заехав в Нижний Тагил, воз-

вращается на лето к себе на Каменку.¹ Там он пишет пространную автобиографию, которая под пышным названием «Его — моя биография великого футуриста» в начале 1918 года выходит в Москве одновременно со «Стенькой Разиным» и книгой стихов «Звучаль веснянки».

5

Октябрьская революция застала Каменского в Москве. Подобно Маяковскому и другим своим соратникам по футуризму, он встретил революцию восторженно. В первых же послеоктябрьских стихах Каменский выражал свою радость по поводу рождения нового мира, восхищался ощущением простора и шири, открывавшихся перед всем человечеством:

...соколом с неба
Размахнись, широта, без ущерба.
Достанет нам зрелищ, работы и хлеба —
Наших сил никому не исчерпать.

При всей декларативности эти стихи первых дней Октября несли уже новое восприятие жизни, оптимистическую энергию, порожденную революцией. Это, однако, не означало еще отчетливого понимания ее целей, ее политического и социального содержания. Революция воспринималась Каменским прежде всего с ее внешней стороны; в ней поэт видел во многом то же стихийное начало, что и в разинщине.

Вместе с другими футуристами Каменский стал активным участником наглядной революционной пропаганды. На улицах Москвы он расклеивал свой «Декрет о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств», предлагая «мастерам искусств» взяться за роспись заборов фасадов, стен, тротуаров, за чтение стихов на улицах и площадях. «Декрет» призывал поэтов:

Поэты!
Берите кисти, ну,
И афиши листы со стихами:
По улицам, с лестницей,
Расклеивайте жизни истину.
Будьте перед ней женихами —
Перед возвестницей.

¹ См.: В. Каменский, Путь энтузиаста, с. 247—248.

После нескольких подобных выступлений поэты-футуристы перенесли свою деятельность в «Кафе поэтов», одним из организаторов которого был Каменский. Он постоянно выступал там с чтением своих стихов вместе с Маяковским, Бурлюком, Есениным и другими поэтами тех лет.

В первые пооктябрьские годы Каменский тесно связан с Маяковским. В 1918 году он сотрудничает в издании «Газеты футуристов», где и был напечатан «Декрет о демократизации искусств». Вместе с Маяковским он выступал 16 марта 1918 года в Политехническом музее на утреннике, посвященном революционной поэзии. Маяковский привлекает Каменского и к участию в «Революционной хрестоматии футуристов» — «Ржаное слово», выпущенной к первой годовщине Октябрьской революции. На коллегии Наркомпроса Маяковский предлагал в 1920 году осуществить в Октябрьскую годовщину постановку пьесы Каменского «Стенька Разин», наряду со своей «Мистерией-Буфф».

В 1918 году Каменский был избран первым депутатом писателем в Московский городской Совет депутатов. Об этом времени вспоминал Луначарский: «Я помню тот зимний вечер, когда мы по сугробам — я, в то время нарком по просвещению, и Маяковский, ... шли с одного из таких собраний, где Маяковский, Бурлюк, Каменский и некоторые другие с успехом читали свои стихи. „Мне очень понравились стихи Каменского“, — сказал я. „Вася чудесный парень, — ответил Маяковский, — я считаю его лучшим современным поэтом (помолчал). После себя, конечно. (Опять помолчал и прошел по снегу несколько шагов своими длинными ногами.) Только он другой. Весельчак, гармонист, песельник (новая маленькая пауза). Но конечно — будетлянин“». ¹ Эта оценка Маяковским творчества Каменского лишней раз свидетельствует о тех творческих связях, которые сближали обоих поэтов.

В 1919 году, как сообщает в своей биографии Каменский, он, «выступая в качестве культработника в Южной Красной Армии, попал к белым и был, как «страшный большевик», засажен в белогвардейскую тюрьму в Ялте. После прихода в Крым красных уехал на Кавказ». ²

По возвращении в Москву Каменский предпринимает издание своего журнала. Первый (и единственный) номер его под названием «Мой журнал» вышел в феврале 1922 года. Каменский писал в письме

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

² В. Каменский, «И это есть...», с. 7.

«Да, я верю, чувю. Я не принадлежу себе. Нет. Я весь в общем зареве кузнецов нового мира».

Журнал представлялся программным лозунгом: «Если воистину мы — впереди мира, то наше Искусство обязано быть изумляюще новым и расцветным без берегов». При всей «безбрежности» этого лозунга за ним стояло утверждение революционного новаторства, хотя характер этого новаторства представлялся Каменскому смутно.

Большую часть журнала занимала заузная поэма Каменского «Цувамма» и его собственные очерки («Что такое буква?»), а также статьи о самом поэте. В статье С. Фрида под громким названием «Пушкин — Лермонтов, Маяковский — Каменский» утверждалось, что «Василий Каменский не знает будней, у него свой замечательный календарь, где все страницы отштампованы красным». А в статье Б. Корнеева «Поэт Великого Пролома» Каменский назван был «поэмым Стенькой Разиным», «вечным искателем и звонарем молодости». Таким «звонарем молодости» представлялся Каменский современникам, и таким стремился он быть и в своих собственных глазах.

Луначарский рассказывает, что Каменский «стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась». При этом Луначарский передает следующий эпизод: «Как-то раз Василий Васильевич шел по лестнице в какой-то театр, где он должен был выступить со стихами. Оказывается, что там должен был выступить и Ильич. Оба встретились на лестнице. Владимир Ильич ласково глянул на поэта и сказал: „Здравствуйте, середнячок“. Сказал и прошел мимо... А поэт остолбенел. Он стоял с выкатившимися глазами и беззвучно шевелил языком во рту: „Среднячок“? За что же он меня эдак-то?“

Весь вечер Каменский был не в духе. Но ему повезло. При разборе шапок опять встретился с вождем и бросился к нему: „Владимир Ильич, как же это вы? За что же это вы? Что же я за середняк? Разве я застрял между меньшевиками и большевиками? Или вы думаете — я болтаюсь между революционерами и обывателями? Я — человек твердых убеждений, я советский человек, я — бунтарь, я подлинный левый. Мне хочется, чтобы вы никогда не сомневались в этом“. Теперь уж Ильич смотрел на поэта удивленными глазами. Наконец он понял и захохотал: „Так разве же я про ваши убеждения? Это мне товарищ Свердлов сказал, что у вас хозяйство середняцкое на Урале“. Каменский хлопнул себя по лбу: „Вот оно что! А мне невдомек. Никто меня не называл так“. И разошлись, крепко пожав друг другу руки». ¹

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

В 1923 году Маяковский привлекает Каменского к сотрудничеству в журнале «ЛЕФ». Хотя лозунги «ЛЕФ»'а, его стремление к документальной фактографии остались чуждыми Каменскому, он поместил в журнале несколько стихотворений, в том числе нашумевшего «Жонглера». Это была последняя попытка Каменского создать чисто экспериментальную вещь, где игра звуками мотивирована самой темой стихотворения.

В 20-е годы писатель интенсивно работает как драматург. После того как в 1919 году он инсценировал своего «Стеньку Разина» для народного театра, Каменский пишет ряд пьес, многие из которых идут в театрах: «Здесь славят разум» (1921) — в бывшем театре Корша, «Золотая банда» и «Роковая наездница» — в Замоскворецком театре, «Пушкин и Дантес» (1925) — в бывшем Александринском, «Скандалный мертвец» (1927) — в театре «Комедия» в Петрограде. Еще большее число пьес так и осталось в рукописи («Лестница в небо», «На площадке 4-го этажа», «Сон великого лодыря», «Актерия» и другие).

Однако свои пьесы Каменский писал наспех, без должного внимания к их художественному качеству. Да и с историческими фактами он обращался довольно своеобразно: так, в пьесе «Пушкин и Дантес» Пушкин на дуэли убивает Дантеса. Критика справедливо упрекала эти пьесы в примитивности, поверхностности. Не случайно они очень недолго продержались на сцене и после нескольких спектаклей были забыты. Однако обращение к драматургическому жанру не прошло бесследно для Каменского-поэта. В его поэмах «Емельян Пугачев» и «Иван Болотников» приемы драматургии сказались в напряженности драматического действия и в обилии диалогов. Показательно, что «Емельян Пугачев», впервые возникший в 1925 году в форме пьесы, превратился в поэму, а затем был переработан в оперное либретто.

Пробовал свои силы Каменский и в прозе. Но и эти опыты также нельзя признать удачными («27 приключений Хорта Джойса», роман «Пушкин и Дантес» и другие).

В 1927 году Каменский в Тбилиси издает сборник «И это есть...», в котором был помещен ряд стихотворений первой половины 20-х годов. Пафос строительства нового мира становится основным содержанием послереволюционных стихов Каменского. Но беда в том, что он воспринимает новую действительность слишком внешне, не находя своего угла зрения, индивидуального поэтического ее осмысления. Стихи его большей частью декларативны, риторичны, сводятся к общим формулам, газетным штампам. Космическая масштабность и аллегорическая отвлеченность, впрочем характерные

для многих поэтов первых лет революции, наглядно сказались и в послеоктябрьских стихах Каменского. Так, в цикле стихов «Паровоз, Октябрь» (1919) он заявляет:

Я — машинист паровоза Союза,
Я — капитан корабля «Социал»,
Навезу всем энергии — груза,
Чтобы каждый в Союзе сиял.

Эти упрощенные, художественно неубедительные формулы остаются и во многих его дальнейших стихах, которым не хватает конкретности и живого поэтического чувства. Поэтому из обширного творческого наследия Каменского советского периода сохранили для нас яркость красок и поэтическое звучание преимущественно его исторические поэмы, передающие близкий поэту пафос стихийных крестьянских восстаний, а из стихов о современности — те его произведения, в которых он любовно и бесхитростно описывает охоту, природу, стихи автобиографического характера, подкупающие искренностью и точностью восприятия окружающего.

6

В послереволюционные годы Каменский обратился прежде всего к эпосу. После «Степана Разина» создаются исторические поэмы «Емельян Пугачев» (1931) и «Иван Болотников» (1934), образующие вместе своего рода поэтическую трилогию, объединенную темой стихийного крестьянского восстания. «Бунты народной вольницы — вот любимое эпическое содержание Каменского»,¹ — справедливо писал Луначарский.

Как уже указывалось, Каменский не стремился к исторической достоверности, а тем более к документальности своих поэм. Он брал лишь общие контуры исторических событий, лишь несколько главных эпизодов из биографии своих героев, и все это — для создания живописной картины. В ответ на нападки критики, упрекавшей его за историческую недостоверность романа «Степан Разин», переизданного в 1928 году, он отвечал, что это произведение «не историческое», а «привольное».² Действительно, и восстание Болотникова в начале XVII века, и вольница Разина в XVII веке, и пугачевщина в XVIII веке у Каменского мало разнятся друг от друга. Для поэта

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

² Черновой автограф письма к Н. Ф. Чужаку (ЦГАЛИ).

существенно лишь то, что их сближает: стихийный дух этих восстаний, богатырский облик их предводителей, общая ненависть к царским воеводам, боярам, дворянам.

Основным источником для Каменского были предания и песни, которыми он широко пользовался. Поэт не стилизует и не повторяет их, рассматривая общий характер и колорит этих песен лишь как канву, по которой он вышивает свои узоры. Этот песенный лад стиха полнее всего выражен в «Емельяне Пугачеве». По своему характеру особенно близки были Каменскому такие песни, как, например, «Как за барами житье было привольное...», которая кончалась призывом к бунту:

Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трона спихивать...
Мы дворян-господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг на ошейнички,
Мы заводчиков на березаньки,
А честных крестьян на волю вольную.¹

Подобные песни помогали поэту восстановить настроение народных масс, найти верный тон для своих поэм.

Появление «Емельяна Пугачева» Каменского было предварено одноименной драматической поэмой С. Есенина, вышедшей отдельным изданием в 1922 году. Обе поэмы сближает общее увлечение поэтов стихийной мощью крестьянского восстания и его вождем — Пугачевым, однако пафос их различен. Поэма Есенина психологична, она сосредоточена на личности самого Пугачева, в ней непосредственно не показана народная масса. Метод Каменского другой. Героем его поэмы является не только Пугачев, но прежде всего крестьянская масса, народ. Это от его имени ведется повествование, его глазами смотрит на события автор. Страдания народа, его нужды, его гнев стоят на первом плане. Даже такая глава, как «Свадьба», завершается хором «пугачей», голосом народных низов.

Образ главного героя — буйного вождя грандиозного крестьянского мятежа — дан в этом произведении конкретнее, исторически точнее, чем в «Разине». Этот герой — плоть от плоти народа, крестьянской массы, страдающей, притесняемой боярами и дворянами.

¹ «Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы». Составила А. Н. Лозанова, Куйбышев, 1947, с. 32.

Через всю поэму проходит основное противопоставление сладкого житья помещиков и бар — голодной, нищей, мужицкой жизни. В барском доме:

Из золота пьют-едят,
Кормятся царской пищей,
В перинах родят ребят.
А мы только вшей ищем,
Да чешем спину от боли
От соленых плетей.
Для нашей мужицкой голи
Барам не жаль смертей.
Мы ли, бараны ли, —
Им всё равно.

Из великой ненависти рождается та беспощадная, разрушительная удаль, которую с таким сочувственным пафосом передает Каменский:

Так-то, братушки-ребята!
Порешили бурей стать!
Значит, будем жечь да хряпать
Сволочную супостать.
 Порешили — в ход айда,
 Вихрями развейся.
 Раскалилася беда
 В городах и весях.

Здесь и ритм, и интонация, и лексика передают клокочущую, кипящую ненависть крестьянства к господам, к помещикам.

Сквозь всю поэму проходит песенный лейтмотив, напоминающий о народе, передающий стихийный порыв крестьянского мятежа. Он то затихает, переходя в унылый, скорбный речитатив, то превращается в яростный, исступленный пляс:

Гай ну, чешши,
 шарабарь, пляши,
 шевели шалаши
В хрясть!
Гай ну, затырь,
 шарабарь, чундырь,
 заводи бунтырь
В хрясть!

Гай ну, бабье,
шарабарь лубье,
подымай дубье
В хрясты!

Могучий хор «пугачей» выражает народную оценку совершающихся событий, служит напоминанием о свершенном возмездии угнетателям, звучит как голос судьбы:

Эх, нашу долю,
Нашу волю
Довелось нам доказать.
Черным вороном —
Поровну да ровно —
С Пугачевым под конем,
Эх, мы погнали,
Разогнали,
Разлетелись вороньем.

Здесь торжество народной песенной основы поэмы, ее образного строя, ее мелодий и ритмов, прямо восходящих к народному творчеству.

Вообще многое в этой поэме идет от фольклора, от скомо-рошых лицедейств, от неистовства плясовых песен.

Для творчества Каменского весьма характерна декоративность, оперность. Она сказывается и в построении его поэм, и в обилии песен, хоров, монологов, арий главных героев. Песенное начало поэмы привлекло к ней внимание музыкантов. В 1939 году композитор Мариан Коваль написал ораторию «Емельян Пугачев», а затем по либретто, сделанному самим поэтом, оперу (в 1940 году). «Прочитав поэму Василия Каменского, — рассказывает композитор, — я сразу же зажегся оригинальным поэтическим языком Каменского, его богатейшей ритмикой, красочностью и музыкальностью стиха, смелыми рифмами. Несмотря на частичную вычурность и замысловатость стихов, я почувствовал их глубокие корни в русском народном творчестве, сцены же пугачевской свадьбы и казни в поэме Каменского меня буквально потрясли».¹

Несколько отлична от эпического характера «Разина» и «Пугачева» третья историческая поэма Каменского — «Иван Болотников». В ней гораздо больше внимания сосредоточено на личности самого Болотникова, на перипетиях его жизни. Да и сама биогра-

¹ «Звезда» (Пермь), 1943, 17 апреля.

фия Болотникова дает для этого исключительно благодарный материал.

Создавая свою поэму, Каменский пользовался историческими трудами (Костомарова, Платонова, Соловьева), но и здесь исторические источники дали лишь основную сюжетную канву. Вся поэтическая система Каменского основана на яркой языковой окраске, на романтических коллизиях. Вместе с тем в «Иване Болотникове» Каменский с большей отчетливостью, чем прежде, показал социальные корни мятежа, исторические причины, обусловившие первые успехи крестьянского движения.

Иван Болотников предстает как последовательный и деятельный защитник интересов холопов, обездоленного нищего люда. Рисует он в тонах былинной героизации, облик его наделяется характерными чертами героя народных сказаний:

Перелетным огнем
Слава ходит о нем,
Об Иване Исаиче,
По Руси
Солнцевсходом блистаючи.
Строен.
Статен.
Как дерево, высок.
Лицом прекрасен. К стати
Кудрей завит висок.
Размашен.
Ловок.
Могуч в крутых плечах.
Серебряное слово
Звенит в густых речах.

Контраст между народным героем, вождем и любимцем народа, и коварным, подлым, хитрым царем Шуйским проходит через всю поэму, обуславливает ее композицию и лирический подтекст.

Сила Каменского в наглядной, осязаемой образности. Он не боится грубых, натуралистических подробностей, откровенности физиологических сравнений и описаний. Показывая царя-купца Шуйского, парящегося во время попойки в бане со своими приближенными и тут же решающего государственные дела, Каменский создает поистине фламандскую, гомерическую картину дикого разгула:

Под дубовым
Банным сводом
Пахло вениками,
Медом,
Огурцами, телесами,
Пивом, брагою, брюхами,
Паром,
Шуйскими мехами,
Мылом,
Потными плечами,
Кафедральными
Свечами,
Гнилью,
Рвотой, куражом,
Православным
Терпежом.

А о самѣм царе уничижительно говорится:

Еле-еле
Шуйский,
Кожей волосат,
Чуть держался
В царском теле
Да чесал
Купецкий зад.

Грубость и вольность выражений у Каменского здесь не являются самоцелью и художественно мотивированы: он передает жестокое и грубое время, дикие нравы, господствовавшие при царском дворе и в боярской среде. Намеренно не смягчая красок, поэт добивается тем самым яркого, сильного изображения характерных черт эпохи, ее трагической атмосферы.

Каменский — поэт-романтик. Он любит буйные, яркие краски, патетику, эмоциональную напряженность, резкость контрастов. Герои Каменского — Разин, Пугачев, Болотников, — подобно героям романтических драм и поэм, во многом являются рупорами самого автора. Они утверждают образ героя в высшем, кульминационном проявлении его чувств и переживаний, в безудержном порыве страстей и действий. Его героями всегда руководят бурные, неистовые чувства, самозабвенная страсть. Эта романтическая патетика сказывается в самом стиле поэм, в декламационной энергии стиха,

в резкой подчеркнутости интонационного строя, в ослепляющей красочности образов, гиперболлизме стиля.

Но в отличие от романтиков прошлого Каменский не делает своего героя одиночкой, единственным и всевластным вершителем исторических судеб. Герой его поэм — прежде всего выразитель настроения масс, воплощающий революционный порыв закабаленного крестьянства, гнев и безудержную ненависть холопов к своим угнетателям. Эта основная, типологическая черта объединяет Разина, Пугачева, Болотникова, несмотря на различие эпох, биографий, индивидуальностей.

Однако при известной общности характеров главных героев исторические поэмы Каменского во многом разнятся друг от друга. «Степан Разин» — это поэма песенного начала. Она не претендует на историческую полноту и достоверность. Ее герой — это обобщенный и в то же время лирически-личный образ героя, в котором Каменский воплощает собственные чувства и переживания. Это радостный и бунтарский отклик на ожидаемый революционный шквал.

«Емельян Пугачев» написан после Октябрьской революции. В нем сказалось внимание поэта уже к исторической сути событий, к социальным причинам мужицкой революции. Следствием этого явилась и большая верность историческим фактам, стремление более или менее точно передать историческую канву событий. Как и «Степан Разин», поэма о Пугачеве написана страстно, взволнованно, с ослепительной насыщенностью красок. В то же время она более эпична, тогда как «Степан Разин» фрагментарен, построен на чередовании лирических «арий» и «хоров».

Иной характер имеет поэма «Иван Болотников». В ней биография Болотникова и эпизоды из истории крестьянского восстания показаны особенно подробно. В результате поэма оказалась сильно перегруженной, растянутой. Яркие, сильные сцены и стихи (например, сцена в бане) нередко заглушаются многословием, вялыми, риторическими строками. Образ Болотникова, несмотря на обширность поэмы, все же остался недосказанным, романтически стилизованным.

Говоря о Каменском как о художнике слова, о его поэтической форме, Луначарский писал: «Он сильно влюблен в слово, в живое слово, звучащее и сверкающее красками, в забавное, острое слово. Каменскому в высокой степени свойственно свободное обращение со словом. Он не заглядывает ни в какие словари, как бы не сделать этимологической или синтаксической ошибки. Он не только верит в то, что в его уральском, камском нутре всегда лежит, словно залежи самоцветов и бурмистского зерна, неисчерпаемый запас

подлинных, из почвы идущих слов, но он вообще не бонтя манипулировать со словом». ¹

За исключением нескольких стихотворений, явившихся данью «зауми» («Жонглер» и другие), Каменский в послеоктябрьский период своего творчества редко злоупотреблял неологизмами, характерными для его ранних произведений. Теперь он обращается к народному просторечию, прежде всего к местному уральскому говору, к его выразительной, порой грубой, лексике («Емельян Пугачев»).

Нередко стих Каменского переходит в раешник, народное балагурство, своеобразный сказ, прибабочный лубок: таким «сказом» говорит у Каменского Пугачев:

Казака
Ваньку Творогова
Жалуем в обер-камергеры.
Правда, Ваньке нету веры.
Ну, авось Иван мордаст
Пугачева не продаст.
Зато Ванька очень просто
Взял без боя три форпоста
И возьмет четвертый —
Обер тертый.

Иногда стих Каменского напоминает стих Маяковского (с таким же графическим расположением слов):

Слышь — барабан.
Бьет по рабам:
Смерть, смерть вам!
Слышь.
Чуй.
Идет.
Тишь.
(«Емельян Пугачев»)

Но в отличие от Маяковского народно-сказовый и песенный строй у Каменского преобладает. Здесь сходство с Маяковским лишь во внешней графике стиха, в ориентации на звуковое начало, которое приобретает конструктивную функцию.

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

Н. Асеев, характеризуя особенности современного свободного стиха, писал: «Поэтическая деятельность В. Хлебникова, В. Маяковского, А. Крученых, Б. Пастернака, В. Каменского, Н. Асеева, а впоследствии и Ник. Тихонова в разной мере и разными путями преследовала одну и ту же главную цель расшатывания канонической строфы, перевода всего строя русского стиха из закоряченных ритмико-строфических границ в общий ритмический строй интонационной речи, главным связующим законом которой являлось ее звуковое строение в соответствии с тем смысловым и логическим силовым ударением, которое делило ее на фразы и периоды, в свою очередь определявшие строфику стиха». ¹

Каменский в разработку свободного стиха внес свою лепту. Его стихи ориентированы на произнесение, на эстраду, рассчитаны «для голоса». Выразительность интонации, то повышающейся до выкрика, то переходящей в песенный распев, не стеснена рамками метрики. Вместе с тем самый стих Каменского сплетается с песенными интонациями, со всей образной системой, метафорами, эпитетами фольклора:

Угощай, Казань,
Мужика-казака,
Тебя это дело касается:
Отворяй-ка ворота
Подобру-поздорову,
Покуда медведь
Не сцарапал корову.
Ага! Бьешь набат!
На тревогу!
Лезешь в ад.
Не пускаешь к острогу.
(«Емельян Пугачев»)

7

26 марта 1933 года отмечалось 25-летие творческой деятельности Каменского. В большом зале Московской консерватории в этот день состоялся юбилейный вечер под председательством Луначарского, заместителями председателя юбилейной комиссии были В. И. Качалов и Л. В. Собинов. Вечер начался со «слова» о Каменском Луначарского. В пригласительном билете перечислены были участники вечера — поэты Н. Асеев, Э. Багрицкий, С. Кирсанов,

¹ Николай Асеев, Дневник поэта, Л., 1929, с. 103.

Б. Пастернак, С. Третьяков и другие. В концерте приняли участие артисты А. В. Нежданова, А. Г. Коонен, М. П. Максакова, И. С. Козловский. 16 июля юбилейный вечер состоялся в Баку, а 5 августа — в Перми, на родине поэта. В честь юбиляра один из пароходов Камского пароходства назван был «Василий Каменский» и до самого года смерти писателя плавал по Каме.

Вспоминая о встречах с Каменским, Луначарский рассказывает о характерном эпизоде, когда Каменский выступал на плотках перед плотогонами на Каме, будучи послан для поэтической агитации от союза водников. «Посредине плотов кольцом стоим довольно густая толпа. А внутри кольца человек в красной рубахе и без шапки... Все пароходное население, — рассказывает Луначарский, — на палубе, и все на одном борту. Пароход накренился на сторону. Капитан кричит: „Гей, плотовщики! Это что же у вас такое?“ Какой-то мужчина на плоту делает рупор из своих здоровенных ладоней и кричит: „Стихотвор тут у нас, стихи нам читает! Очень интересно!“»¹

Автору этих строк приходилось слышать выступления Каменского в начале 30-х годов в Ленинграде. Поэт выступал вместе с С. Кирсановым, также превосходным чтецом. Каменский читал стихотворение «Шпалы», отрывки из «Степана Разина», читал великолепно, то выделяя голосом каждый звук, то переходя на распев, то на молодецкий выкрик, завершая чтение разбойным свистом. От него так и веяло весельем, здоровьем, жизнерадостностью.

Помимо исторических поэм Каменский в 30-е и 40-е годы написал еще несколько больших поэм: «Медвежий ров» (1927) — о коллективизации деревни, поэму-роман «Могущество» (1939) — о советских летчиках, «Партизаны» (1942) — о подвигах партизан во время Великой Отечественной войны. Однако эти поэмы во многом уступают по своему художественному качеству исторической трилогии Каменского. Кроме того, Каменский — автор ряда небольших поэм: «Юность Маяковского», «Максим Горький», «Пушкин», «1905-й», «Встреча с миром», поэм, посвященных Уралу и Каме («Север», «Урал», «Поэма о Каме», «Камстрой» и другие), написанных в 30-е годы.

«Юность Маяковского» явилась откликом на смерть поэта, так же как и вышедшая вслед книжка воспоминаний («Юность Маяковского», 1931). В поэме Каменский стремился передать не столько

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности». — «Известия», 1933, 26 марта.

конкретно-биографический портрет Маяковского, сколько обобщенный поэтический образ поэта-гражданина:

Я знал его юность —
Она горячо
Изливалась из горла-вулкана.
А страсть его к жизни —
Крутое плечо —
силой была великана.

В этом же плане написаны и поэмы о Горьком и Пушкине. Впечатление от этих поэм ослабляется тем, что Каменский злоупотребляет в них слишком общими, хорошо известными формулами, стертыми декларативными фразами.

Особо следует выделить автобиографическую поэму «1905-й», в которой поэт рассказывает о своем участии в революционных событиях тех лет. Она отличается своей мемуарной документальностью. Поэма Каменского напоминает боевые песни первой русской революции (кстати, в ней они обильно использованы). Это поэма-хроника, воскрешающая события прошлого, бурную юность самого поэта:

«Отречемся от старого мира!» —
Э-ей, первомайские,
Май приказал:
Иди с марсельезой
На митинг — вокзал.
Рабочих-то
На улицах
Черным-черно.
Гудящая лава.
«Ненавистен нам царский чертог».

Одна из излюбленных тем Каменского, проходящая через все его творчество, — тема молодости. Еще в 1924 году поэт написал «Гимн 40-летним юношам», в котором прославлял молодость, непосредственность восприятия жизни, кипение сил: «Куда девать вам силы, — волнует кровь стихийный искромет», — восклицал поэт, влюбленный в жизнь.

В годы строительства социализма Каменский воспевал успехи индустриализации страны. Но его стихам не доставало конкретности и ясности понимания происходящих в стране процессов: они чаще всего примитивны и прямолинейно-плакатны. Таковы и его поэмы «Медвежий ров», «Родина счастья», «Юность советская»,

«Встреча с миром», отдаленно напоминающая разговор Маяковского с солнцем (в «Необычайном происшествии»).

Органичнее, сильнее Каменский как певец Урала, певец Камы. При всей своей скитальческой жизни он неизменно сохранял верность Уралу, своему гнезду на Каменке. В 1931 году Каменский передал свой хутор в колхоз и принимал активное участие в колхозном строительстве Пермско-Сергинского района Уральской области. Эта связь с родным краем сказывается не только в биографических фактах, но и во внутренней близости, в том обостренном чувстве уральской природы, которое передано в его стихах.

О своей жизни на Каменке поэт написал в книге «Лето на Каменке» (1927), рассказав в ней о рождении новой советской деревни и ее людях. Стихотворения «На тяге», «Охотник», «Каменка» — это поэтический дневник деревенской жизни, состоящий из точных и лиричных зарисовок простой жизни охотника. Каменский продолжил в них традицию С. Т. Аксакова — его «Записок ружейного охотника» и «Записок об ужении рыбы». Охотничьи радости и невзгоды, переживания страстного рыболова — все это передано с такой искренностью и непосредственностью, которая оправдывает простые, бесхитростные подробности охотничьей жизни, подкупает чувством братства с природой:

Стою на березовой горке с центральной.
Возится жук под ногами.
Пищат комары.
Сова на сушине присела гадалкой.
На травинке улитка с рогами.
Туман у горы.

(«На тяге»)

Ему дороги и близки раздолья Камы, ее утренний «кисейный» туман, восходы и закаты над рекой, когда от утреннего солнца розовеют окна кают, а берега вырастают «лесо-лиственной гривой». Он неоднократно исповедуется в своей любви к красавице Каме, к Уралу. И это не декларации, которые нередко мешают его творчеству, а давняя, проверенная жизнью любовь:

Люблю Урал
За эту мощь крутую,
За металлическую был
Еловых гор,

За кровь камней,
За жилу золотую,
За смоляной, сосновый бор. . .

(«Урал»)

Кама и Урал — это та животворная среда, которая давала внутреннее наполнение творчеству Каменского. Под впечатлением уральской природы и возникали его лучшие стихи, вбивавшие лесные запахи Урала, раздольную ширь Камы, говор уральских крестьян, «величайшую, незыблемую, земляную любовь к земле, к природе, к деревне. . .»,¹ как он сам писал об этом.

В «Поэме о Каме» он передал суровую красоту могучей северной реки. Как и большинство стихотворений Каменского, названная поэма автобиографична: это и песня об уходящей молодости, и выражение восторга поэта перед красавицей рекой:

Мать Кама синеокая,
Как вороная сталь,
Блестит, зовет широкая
На пароходы вдаль.

И я, послушный сын реки,
Призывностью горя,
Изведал с легкой той руки
Все суши и моря.

Каме и Уралу Каменский посвятил не одно стихотворение. Да и поэмы о Пугачеве и Ермаке, действие которых в основном происходит на Урале, дают право назвать его певцом Урала.

Начало Великой Отечественной войны Каменский встретил патристическими стихами, полными веры в победу («Час испытаний — тяжелый год», поэма «Партизаны»). Последней крупной работой Каменского явилась драматическая поэма «Ермак Тимофеевич», над которой он работал до 1944 года.

Годы войны Каменский провел в селе Троица, на реке Сылве.

В июне 1943 года автор этой статьи попал в Пермь. На конференции писателей Урала, там состоявшейся, я увидел после многолетнего перерыва Каменского. Он был в форме капитана речного флота, в фуражке, черной флотской куртке с золотыми пуговицами. Он пригласил после конференции приехать к нему в село Троица, обещая показать рукописи Хлебникова.

¹ В. Каменский, *Лето на Каменке*, Тифлис, 1927, с. 3.

Каменский встретил меня и провел наверх, в свой кабинет. В этой обширной квадратной комнате поражали необычайная пестрота и разнообразие предметов и мебели. Посередине стояла круглая железная печь, выкрашенная в черный цвет с яркими рисунками, изображавшими каких-то птиц и цветы. Больше всего мне запомнилось стоявшее перед письменным столом высокое, золоченое кресло с подлокотниками и спинкой, завершавшейся какой-то короной. Оно было украшено пучком павлиньих перьев, торчавшим из-за спинки. Оказалось — это кресло принадлежало ранее какому-то архиерею.

После обеда внизу в столовой мы снова поднялись наверх. Василий Васильевич принялся в поисках рукописей рыгься в ящике, стоявшем под письменным столом, и вспоминать прежние годы свою поездку на конгресс воздухоплателей в Англию, первые выступления футуристов. Рассказывал он увлекательно, сам оживляясь от нахлынувших воспоминаний. Я напомнил ему свои впечатления от его выступлений в Ленинграде. Василий Васильевич снял со шкафа старый граммофон с огромным ратрубом, такой, какой я запомнил со времен раннего детства, обтер с него пыль, нашел пластинку и, заведя эту машину, подпер голову рукой и вместе со мной внимательно слушал свой задиристый голос тех лет, когда он во всю силу легких напористо читал знаменитую «Сарынь на кичку!». Правда, в трубе иногда что-то хрипело и шипело, но все же явственно слышался молодой, звонкий голос, удалая, бесшабашная интонация. Когда голос умолк, Каменский остановил пластинку: «Вот теперь так я уж больше не могу!» — сказал он мне, вытирая платком глаза.

Мы посидели еще с полчаса, когда под окнами послышались смех и юные девичьи голоса. Василий Васильевич сразу как-то встряхнулся, помолодел, схватил гармонь и быстро выбежал на балкон, отпуская шутки и комплименты по адресу местных красавиц. Однако я скоро увидел, как сильно и серьезно он болен.

Еще во время войны, в 1943 году, Каменский поехал в Тбилиси, родной поэту и дружеский город, где ему сделали первую операцию. Последние годы его жизни были годами тяжелой болезни и жестоких страданий, которые он со свойственной ему силой духа преодолевал. В 1944 году поэт возвратился в Пермь, в село Троицу. Состояние его здоровья все ухудшалось. С 1945 по 1947 год он жил в Сухуми. В апреле 1948 года по приезде в Москву с ним сделался удар, приковавший больного на тринадцать лет к постели. Умер он 11 ноября 1961 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Каменский остается для нас поэтом радостного утверждения жизни, пылким энтузиастом, влюбленным в родную природу, мастером больших стихотворных полотен, ярко повествующих о прошлом народа, его извечном стремлении к борьбе с угнетателями.

Стихи Каменского сыграли заметную роль в становлении советской поэзии 20-х годов. Каменский выступал с самого начала Октябрьской революции в одном строю с Маяковским, Асеевым, Хлебниковым, способствуя утверждению новых поэтических принципов. Восторженным приятелем революции, романтическим пафосом своих стихов Каменский участвовал в общем развитии советской поэзии. Революционный накал и энергия его стихов, их ритмическое разнообразие, словесная расцветченность обогатили современное поэтическое искусство.

Открытия Каменского чувствуются и в раздольной удали «Улялаевщины» И. Сельвинского, и в яркой живописи «Соляного бунта» П. Васильева, и в ряде других произведений советской поэзии.

Следует напомнить слова Луначарского о Каменском: «Никак нельзя сказать, чтоб он не был оценен. Но достаточно ли он оценен? Достаточно ли понято, какого веселого, талантливого, яркого, громозвучного друга-певца имеет в нем наша страна, какого даровитого, бодрого, в даль зовущего песельника перед рядами нашей общетрудовой армии имеет она в этом своем сыне?»¹

Стихи и поэмы Василия Каменского не стали лишь достоянием истории, не покрылись архивной пылью. Бурный поэтический темперамент, самобытная многоцветность его творчества, зычный, ушкунический голос поэта — и сегодня находят отклик у читателей. Лучшие его произведения продолжают жить в советской поэзии.

Н. Степанов

¹ «В. В. Каменский. К 25-летию литературной деятельности», — «Известия», 1933, 26 марта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. В КАБАКЕ

Душно. Накурено. Пестрые звуки
Праздно-болтливых гостей
С музыкой пошлой безумства и скуки
Дико сплелись... Ах, скорей,
Только б скорей облегчить эти муки...
Жизнь — тоска!
Пей...

Тусклые лица, сухие, измятые,
В волнах табачных горят.
Громко смеются тоскою объятые,
Весело все говорят.
Все об одном, как слепые, заклятые:
Жизнь — тоска!
Пей...

Женщин холодные, пошлые ласки,
Скорбь в искаженных чертах,
Пьяные слезы, дешевые краски,
Правда на лживых устах.
Всё здесь слилось в вихре огневой пляски.
Жизнь — тоска!
Пей...

<1908>.

2. МОГИЛА

Знаю: есть в этом городе улица,
Улица — радость земная...
Город-могила, скажи:
Где она? где?
Улица светлая, к солнцу прямая...

Знаю: есть в этом городе девушка,
Девушка — греза живая...
Город-могила, скажи:
Где она? где?
Девушка близкая, сердцу родная...

Знаю: есть в этом городе жизнь моя,
Жизнь моя — песнь золотая...
Город-могила, скажи:
Где она? где? ..
Жизнь моя вольная, дерзко святая.

<1968>

3. ЖИТЬ ЧУДЕСНО

Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы —
О, не жалея недовиденного сна —
И вытащат взглянуть
На розовое, солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
Свежими глазами
Взгляни на луг, взгляни!
Огни! Блестят огни!
Как радужно! Легко!
Туманом розовым
Вдохни. Еще вдохни.
Взгляни на кроткие слезинки
Детей — цветов.
Ты эти слезы назови:
Росинки — радостинки!
И улыбнись им ясным утренним приветом.

Радуйся! Они для тебя.
Жить чудесно! Подумай:
В жаркий полдень
Тебя позовут гостить
Лесные тени.
На добрые протянутые
Чернолапы садись и обними
Шершавый ствол, как мать.
Пить захочешь —
Тут журчеек чурлит —
Ты только наклонись.
Радуйся! Он для тебя.
Жить чудесно!
Подумай:
Вечерняя тихая ласка,
Как любимая сказка,
Усадит тебя на крутой бережок.
Посмотри, как дружок
За дружочком отразились
Грусточки в воде.
И кивают. Кому?
Может быть, бороде,
Что трясется в зеленой воде.
Тихо-грустно. Только шепчут
Нежные тайны свои
Шелесточки-листочки.
Жить чудесно! Подумай:
Теплая ночь развернет
Пред тобой синетемную глубину
И зажжет в этой глубине
Семицветные звезды.
Ты долго смотри на них.
Долго смотри.
Они поднимут к себе,
Как подружку-звезду,
Твою вольную душу.
Они принесут тебе
Желанный сон о возлюбленной.
И споют звездным хором:
Радуйся! Жизнь для тебя.

1909

4. ЗЕЛЕННЫЕ ДЕДЫ

Всё шамкают, шепчутся
Дремучие старые совины.
Густо сомкнулись.
Высокие зеленые стрелы
В небо направлены.
Точно стариковские брови,
Седые ветви нависли
И беззубо шепчутся.
По-стариковски глухо
Поскрипывают, кашляют.
И всё ворчат, ворчат
На маленьких внучат.
А те, еще совсем подростки,
Наивно тоже качаются,
Легкодумно болтая
Тоненькими веточками,
Да весело заигрывают
С солнечными ленточками,
Что ласково струятся
Сквозь просветы.
Ах, какое им дело
До того, что строгие деды
По привычке шепчутся,
Да всё — беззубые — ворчат.
Какое шалунам дело!
Им бы только с ветерком
Поиграть, покачаться,
Только б с солнечными
Ласковыми ленточками
Понежиться, посмеяться.
А деды зелеными головами
Только покачивают,
Седыми глазами
Смотрят на шулунов-внучат.
И всё ворчат. Ворчат.

1909

5. ВЕЧЕРОМ НА ДАЧЕ

Перед балконом в мусоре
Заалело от бутылки донце,
Отразившись стрелами
В розовом оконце:
Потянулось спать
Вялое солнце
За колючий лес,
За дымные горы.
Тише. Покуда
Не бренчите посудой:
Телеграфист в ударе —
Поет «Разлуку»,
Держа важно руку,
Подыгрывает на гитаре
Грустно. Вдруг,
Как бес,
Пробежала шальная собака
Мимо.
В ухо залез
Пискляк-кусака.
Замотался.
Где-то за речонкой
Утка проскрипела
Кря-кря...

Нищая девочка подошла
С протянутой ручонкой —
Запела:
«Родной мой отец
Сгорел от вина.
Мать на столе холодна.
Я, сирота, голодна...»
Нежный телеграфист
Неловко смолк:
Может быть, оттого,
Что две слезы неожиданно
На гитару скатились...
Унесли чайную посуду,
Хлопнули стеклянными дверями.
Лампу зажгли.

Серые занавески опустились.
Я не буду сегодня больше
Сидеть на балконе
И не пойду гулять.
Нет, не пойду.
Как красный уголь,
Затлело в мусоре
От бутылки донце:
Уткнулось спать
Вялое солнце
За колючий лес,
За дымные горы.

1909

6. СКУКА СТАРОЙ ДЕВЫ

Затянулось небо парусиной.
Сеет долгий дождик.
Пахнет мокрой псиной.
Нудно. Ох, как одиноко-нудно.
Серо, одноцветно-серо.
Чав-чав... чав-чав...
Чав-чав... чав-чав...
Чавкают часы.
Я сижу давно — всегда одна
у истертого, привычного окна.
На другом окошке дремлет
одинокая, как я,
сука старая моя,
сука — Скука.
С ней всю жизнь мы просидели
у привычных окон.
Всё чего-то ждали, ждали,
не дождались. Постарели.
Так всю жизнь мы просмотрели:
каждый день шел дождик...
Так же нудно, нудно, нудно.
Чав-чав... чав-чав...
Чав-чав... чав-чав...
Чавкали часы.

Вот и завтра это небо
затянется парусиной.
И опять запахнет старой
мокрой псиной.

1909

7. РУССКИЙ ЗВЕНИДЕНЬ

Звени, Солнце! Копья светлые мечи,
лей на Землю жизнедатные лучи.
Звени, знойный, краснощекий,
ясный-ясный день!
Звенидень!
Звенидень!
Пойте, птицы! Пойте, люди! Пой, Земля!
Побегу я на веселые поля.
Звени, знойный, черноземный,
полный-полный день.
Звенидень!
Звенидень!
Сердце радуйся и пояс развяжись!
Эй, душа моя, пошире распахнись!
Звени, знойный, кумачовый,
яркий-яркий день.
Звенидень!
Звенидень!
Звени, Солнце! Жизнь у каждого одна,
лучезарная, бегущая волна.
Звени, знойный, разудалый,
русский алый день.
Звенидень!
Звенидень!

<1910>

8. ПОЛДЕНЬ

В знойный полдень
Голубые колокольчики

В небе разливаются.
Стройный замер лес.
Ягодницы-девушки
В кустах перекликаются.
Белокрылые ангелы
Смотрятся с небес.
Белокрылые ангелы
На белых парусах
В бирюзовом озере
Катаются.
Струйкой поцелуйной
Струится ветерок.
Над бирюзовым озером
Зеленые грусточки
Истомно качаются.
С цветочка на цветок —
Взлетает бабочка:
Разласкивает ласки...
Эти ласки-сказки
Никогда не кончаются.

<1910>

9. РАЗВЕСНИЛАСЬ ВЕСНА!

В. Хлебникову

Развеснилась весна!
Распахнулись ворота весенние,
Голубые, высокие-высокие, —
Неба выше!
А солнце-то! Солнце светит
Жаркой, первой любовью.
Голубятся голуби на крыше.
Целуются. Топчутся.
Аг-гурль... аг-гурль...
Согретые голуби. Счастливые.
Вот хорошо!
Эх, побегу я сейчас
За тем вон беленьким платочком
К пушистым ивам.
Я тоже буду счастливым.

Я тоже буду голубочком.
Буду жарко миловать,
Как это солнышко!
Буду громко распевать:
Аг-гурлы! .. аг-гурлы! ..

<1910>

10. ЧУРЛЮ-ЖУРЛЬ

Звенит и смеется,
Солнится, весело льется
Дикий лесной журчеек,
Своевольный мальчишка:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!
Звенит и смеется.
И эхо живое несется
Далеко в зеленой тиши
Корнистой глуши:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!
Звенит и смеется.
Отчего никто не проснется
И не побежит со мной
Далеко в разгулье:
Чурлю-журль,
Чурлю-журль!
Смеется и солнится,
С гор несет песню,
И не видит: лесная лесинка
Низко нагнулась над ним,
И не слышит цветинка
Песню ответную,
Еще зовно зовет:
Чурлю-журль,
А чурлю-журль!

<1910>

11. ГОССТАПЬ

Быть хочешь мудрым?
Летним утром
встань рано-рано
(хоть раз да встань),
когда тумана
седая ткань
редеет и розовеет.
Тогда ты встань
и, не умывшись,
иди умыться
на росстань.
Дойдешь — увидишь
там два пути:
направо — путь обычный;
на нем найти
ты можешь умывальник
с ключевой водой,
а на суку —
прямой и гладенький сучок —
висит
холщовый утиральник
и на бечевке гребешок.
Раз приготовлено, так мойся,
утрись и причешишь,
и богу помолишь.
И будешь человек «приличный»
и далеко пойдешь всегда,
когда на правый путь свернешь.
Помни! Это ведь — не ерунда.
А вот налево — путь иной:
налево не найдешь
ни умывальника, ни утиральника;
там надо так:
коли свернул ты на левянку,
беги во весь свой дух
на росную, цветистую полянку.
Пляши, кружись и падай.
И целуй ее, целуй,
как верную, желанную милянку.
И опять пляши, кружись!

Снова падай!
Чище мойся!
И не бойся:
солнце вытрет сухо
мокрое лицо.
Только вытряхни из уха
муравьиное яйцо.
Только выплюнь
(а то подавишься)
колючую сенинку,
а душистую травинку
на здоровье
съешь.
Быть хочешь мудрым?
Летним утром
встань рано-рано
(хоть раз да встань),
и, не умывшись,
иди умыться
на расстань.

<1910>

12. СЕРЕБРЯНЫЕ СТРЕЛКИ

Серебряные стрелки, серебряные стрелки!
В полдень,
на речушке Извивушке,
на дощатом плотике,
под зелеными грусточками,
схоронившись от жары,
я лежу.
И, прислонившись
носом к самой воде,
я гляжу на зеленое дно,
и мне всё ясно видно.
Вот из-под плотика
выплывают две остроглазые
рыбки и,
сверкнув серебром, убежали.
Из-под камешка

вдруг выскочили пузырьки,
бусами поднялись наверх
и полопались. Кто-то
прошмыгнул в осоку
и оставил мутный след.
Где-то булькнуло.
И под плотик пронеслась
стая серебряных стрелок.
Успокоилось.
Рука течения снова
спокойно стала гладить
зеленые волосы дна.
На солнечном просвете
сквозь кусты в воде
что-то — не видно что —
беленькое, крошечное,
заиграло радужными лучами,
как вечерняя звездочка.
У! Из-под плотика выплыла
целая туча рыбешек.
И вот потянулись вперед,
рассыпались, зашалили,
точно только что выпущенные
школьники из школы.
Ужо подождите учителя —
старого окуня,
или учительницу —
зубастую щуку —
они вам зададут!
Ого! Все разбежались.
То-то. Кто куда?
Потом все — откуда?
Снова столпились
и побежали дальше.
Над головой веретешко
пролетело, за ним кулик.
Ветерок подул,
Закачались кроткие,
зеленые грусточки
над речушкой
Извивушкой.
Хлюпнула вода под плотиком.

Стрельнула серебряная
быстрая стрелка
и запуталась в шелковых
ленточках осоки.
Ну, вот... Ах ты! ..
Вот напугала дикая:
чуть не в нос стрельнула
шальная стрелка.
Я даже отскочил.

<1910>

13. ЖДУ

Я стою на снежно-солнечной
На высокой бор-горе,
Улыбаюсь сердцем радостным
Раннеутренней заре.
Я смотрю в милу сторонushку,
Насмотреться не могу.
Скоро ль свидимся, желанная,
На желанном берегу?
Солнце выйдет свежее, —
Обласкает грудь твою, —
Помни, в этот час, любимая,
Песни я тебе пою.
Я стою на снежно-солнечной
На высокой бор-горе,
Улыбаюсь сердцем радостным,
Жду на утренней заре.

<1913>

14. НА ЛЭРОПЛАНАХ

Бирюзовыми
Зовами
Взлетая и тая
В долины лучистые
Покоя земли,

Раскрыляются крылья,
Быстрины взметая, стаи —
Цветистые птиц корабли.
Воздухом —
Духом
Душа изветрилась,
Будто не хочется
Знать о земном.
Крыльями воля
Людей окрылилась, — дни
Океанятся
Звездным звеном.
Тегеран и Бомбей,
Москва и Венеция —
Крыловые пути
Людей-лебедей.
Каир и Париж,
Берлин и Туреция
Перекинулись
Стами устами.
Из крыльев мостами
Разлет развели
Стаи — цветистые
Птиц корабли.

1913

15. РУССКАЯ ЗИМА

Алексею Ремизову

Тканая скатерть
Морозницей-вицей —
Рождественна ель
На горе-серебре.
Распушенная звездно
Узорами-взорами
За горами хрустальными
Льдами стальными —
На хвойной заре
За реками — озерами
В замке из заячьих шкур —

Горностаев —
Жемчужин — топазов
Опалов — алмазов —
Из инея сияют
Вершины-венцы.
По синей дороге
Бегут бубенцы,
Ломко в сердце.
И звонко звеня,
Дни — веселые песни
Обнимут меня.
Кудри русские вскинь
И разгульно встречай —
Бесшабашных и пьяных
Качай — укачай.

<1914>

16. НОЧЬ

Блещут
Вещие
Зарницы-
Озорницы
За рекой-
Рукой.
Огонь
В темнице
Огонится.
Конь
Конится.
Пасутся
Звезды,
Гнезда
Гроз,
Скитаний,
Молний,
Таяний,
Отчаяний
Обоз.

<1914>

Перед беременными львицами
 Я грязь за когтем,
 Я пахну дегтем,
 Зевая локтем волосатым,
 С невинными девицами
 Из кирпичей любви
 Построил башню вавилонскую.
 Голубем египетским
 На север прилетел,
 Палевый, по ночам гурливый.
 Теперь с чумными псами
 Скитаю одиночество
 И сплю в дырах
 С обрюзгшими усами
 Смердящих скотобоен.
 Мычу, спокоен
 Перед убоем.

<1914>

18. НЕБОВЕСНУЮ ПЕСНОПЬЯНЫЙ

На ступенях песнепьянствуют
 песнянки босиком
 расцветанием цветанствуют
 тая нежно снежный ком
 визгом смехом криком эхом
 расплесканием с коней
 утро ранним росомехом
 на игривых гривах дней
 со звенчальными звенчалками
 зарерайских тростников
 раскачают укачалками
 грустнооких грустников
 небовеснит манит далями
 распыляя сок и мед
 завивая завуялями
 раскрыляет мой полет
 путь беспутный ветроветущим

к песнянкам босиком
я лечу солнцаедающим
таю нежно снежный ком.

<1914>

19. ТАНГО С КОРОВАМИ

Х. Н. Славоросову

Жизнь короче визга воробья.
Собака, что ли, плывет там
На льдине по весенней реке?
С оловянным веселием
Смотрим мы на судьбу.
Мы — Открыватели Стран —
Завоеватели Воздуха —
Короли апельсиновых рощ
И скотопромышленники.
Может быть, выпьем
Чарку вина
За здоровье Комет,
Истекающих бриллиантовой кровью.
Или лучше — заведем граммофон.
Ну вас — к черту —
Комолые и утюги!
Я хочу один — один плясать
Танго с коровами
И перекидывать мосты —
От слез
Бычачьей ревности
До слез
Пунцовой девушки.

<1914>

20. ТИФЛИС

О, солнцедатная
Грузинских гор столица,
Оранжевая мечта теплиц,

В твои загарные востока лица
Смотрю я, царственный Тифлис.

Здесь всё — взнесенно, крыловейно.
Как друг —
Стремительная Кура
Поет поэту мне песню лейно,
Что быть стремительным пора.

Ты в час,
Когда восходит солнце,
Взгляни с горы Давида вниз
И улыбайся всем в оконца,
Где розовеется Тифлис.

И сердцем, утром уловленным,
В сияньи горного экстаза
Останься
Вечно удивленным
Перед столицей Кавказа.

Пусть кубок,
Полный кахетинским,
В руках моих — орла Урала —
Звенит кинжалом кабардинским
И льется Терекон Дарьяла.

Пусть кубок,
Полный южной крови,
Для гостя северного — хмель.
Мне так близки востока брови,
Как мне понятна в скалах ель.

Урал, Кавказ —
Родные братья
Одной чудеснейшей страны.
Стихийно всем готов орать я
Стихи под перепень зурны.

Тифлис, Тифлис,
В твоих духанах
На берегах крутой Куры

Преданья жуткие о ханах
Живут, как жаркие ковры.

Легендой каждой, будто лаской,
Я преисполнен благодарий, —
Я весь звучу
Струной кавказской, —
Звучи ударно, сазандарий.

Играй лезгинку!
Гость Тифлиса,
Я приглашаю в пляс грузинку.
Со стройным станом кипариса
Сам стану стройным. Эй, лезгинку!

Играй лезгинку!
В развесели
Я закружился виноградно.
В грузинской дружбе-карусели
Кровь льется в жилах водопадно.
Таши! Генацвале!

1914

21. КРЕСТЬЯНСКАЯ

В. Маяковскому

Дай бог здоровья себе да ко́ням!
Я научу тебя землю пахать.
Знай, брат, держись, как мы погоним,
И недосуг нам будет издыхать.
Чего схватился за поясицу?
Ишь ты — лентяй — ядрено ешь, —
Тебе бы к девкам на колесницу
Вертеться, леший, на потешь.
Дай бог здоровья себе да ко́ням!
Я те заставлю пни выворачивать.
Мы с тобой силы зря не оброним,
Станем кулаками тын заколачивать.
Чего когтями скребешь затылок?

Разминай-ко силы проворисе,
Да сделай веселым рыжее рыло,
Хватайся — ловись — жми задорнее.
Дай бог здоровья себе да коньям!
Мы на работе загрызем хоть кого!
Мы не сгорим, на воде не утонем,
Станем — два быка — вво!

<1915>

22. ВЕЛИКОЕ — ПРОСТОЕ

*И. Е. Репину. Это когда я встречался
с Вами за чаем.*

На поляне рыжий ржет жеребенок,
И колоколят колокола,
А я заблудился, Поэт-ребенок
Приехал к морю в Куо́ккала.
На берег вышел — утро святое,
Волны сияли — звали играть,
Море такое было простое,
Даль ласкала, как будто мать.
И засмеялся, и странно сердцу
Было поверить в весну зимой.
Я наугад открыл какую-то дверцу
И веселый пошел домой.
А вечером совсем нечаянно
Встретил простого старика, —
За столиком сидел он чайным,
И запомнилась у стакана его рука.
Всё было просто — нестерпимо,
И в простоте великолепен,
Сидел Илья Ефимо-
вич великий Репин.
На поляне рыжий ржет жеребенок
И колоколят колокола.
Я стал ясный ребенок,
Благословленный в Куо́ккала.

1915 (?)

23. ДЕВИЧЬЯ

Цветенок аленький,
Цветенок маленький,
 Душистый мой.
Снежок таленький
На тай-проталинке,
 Весенний мой.
Дружок даленький,
Ты где, удаленький,
 Ласканный мой.
Я на завалинке
Сажу у спаленки
 И жду домой.
Ты где?

<1916>

24. СОЛОВЕЙ

Соловей в долине дальней
Распыляет даль небес.
Трель расстрелится игральной,
Если строен гибкий лес.
 Чок-й-чок.
 Цинть-цивью.
 Трллл-ю.

Перезвучалью зовет: Ю...

Отвечает венчалю: Ю.

Слышен полет Ю.

И я пою Ю:

Люблю

Ю.

На миланном словечке,
На желанном крылечке
Посвистываю Ю:

Юночка
Юная
Юно
Юнится,
Юнами

Юность в июне юня.
Ю — крыловейная, песенка лейная,
Юна — невеста моя.
Ю — для меня.

Песней,
Соловей,
На качелях ветвей,
Лей струистую песню поэту.
Звонче лей, соловей,
В наковальне своей
Рассыпай искры истому лету.
Чок-й-чок.
Циаць-а-а-а-а-а-а.
Чтррррь. Ю-йю.

Я — отчаянный рыжий поэт —
Над долинами зыбкими
Встречаю рассвет
Улыбками
Для...

Пускай для — не всё ли
равно.

Ну, для Ю.
Для нее и пою.

Ветерок в шелесточках
Шелестит про

Любовь
Мою
Ю.

Слушай, Ю,
Душу запевную, звонкую, —
Я — песнебоец —
Из слов звонкую.

Солнчень лью соловью
В прозвучальный ответ.
Нити струнные вью,
Утروزарью одет
Перед Ю.

Сердце — чистое, четкое,
звучное, сочное.
Сердце — серны изгибные вздроги.
Сердце — кроткое
море молочное.

Сердце голубя —
сердце мое.

У дороги.

Звенит вода хрустальная,
Журчальная вода.
Моя ль река кристальная
Устанет мчать года.

Я жду забот
венчающих —

Невесту стерегу.

Сажу в ветвях
качающих

На звонком берегу.

Ю-цивь-цивь.

Ю-цивь-цивь.

Чок-й-чок.

Верную дверцу
Пойду отворю, —
Любимому сердцу
Доверю зарю.

Она ведь поймет
Мою песню могуче.
Она ведь — как мед —
Густа и пахуча.

Ций-лий-лю.

Чок.

Я люблю.

А любишь ли ты
жарчей?

В шелестинных грустинах
Зовы песни звончей.
В перепевных тростинах
Чурлюжурлит журчей.

Чурлю-журль.

Чурлю-журль.

В солнцескате костер

Не горит — не потух.

Для невест и сестер —

Чу! — свирелит пастух!

Люблю... .

Ю-уи-ю-ую.

Вот еще один друг
Проницательный звучно
Созерцательный круг
Бережет неразлучно.
Каждый свою.
Ю-уи-ю-ую.

И расстрельная трель.

Чок-й-чок.
Чтррррр. Ю.

И моя заревая свирель.

Лучистая,
Чистая,
Истая.
Стая.
Тая.
Ая.
Я.

Кто я?

Жаворонок над полями
Созревающих дней.

Пою и пою.

Всё о ней и о ней — о Ю.

Певучий пастух,
Соловей-солнцелей,
Песневестный поэт,
И еще из деревни
Перекликный петух,
Рыбаки,
Чудаки,
Песнепьяницы.
И много таких у реки, —
Кто никогда не оглянется
На вот что:

Удивительно мир устроен —
Каждый несет звучаль,
И все упоительным строем
В песнях рожают
Любовь и печаль.

Прислушайся:
Весь мир преисполнен
 песен.

Радость жизни —
 звучальна.

Мир окрылен, поднебесен,
Если песня венчальна.

В чем мудрость — чья?
Голубель сквозь ветвины.
В перезовах — молчаль.
Все сошлись у журчья.
У на горке рябины.
Раскачает качаль —
Расцветится страна, —
Если песня стройна,
Если струйна струна,
И разливна звучаль,
И чеканны дробины.

В чем мудрость — чья?
Зоркий пастух
Жизнедатному солнцу
Над вселенной долинами
Обнажает свой дух
На свирели разливами.
Мир поймет пастуха, —
Его песня гиха,
Но расцветна глубинами.

Эй, соловей, полюби пастуха —
Позови его трелью-расстрелью.
А я — поэт, песнебоец стиха —
Опьяню тебя вешней апрелью.

Как я свою Ю, —
Каждый в слове «люблю»
Чует истину цели. Я и кую,
Песнебоец, для Ю.

Ю — для меня — только песня поэта.
Ю — невеста — мечта — бирюзовь.
Ю — легендами счастья одета.
Ю — извечная зовь.

<1916>

25. СОЛНЦЕНЬ — ЯРЦЕНЬ

(Застольная)

Солнцень в солнцень.
Ярцень в ярцень.
Раздувайте паруса.
Голубейте, молодые,
Удалые голоса.
Славьте жизнь
Привольно-вольную,
Голубинную приволь.
Пойте здравицу
Застольную,
Бесшабашную раздоль!

Солнцень в солнцень.
Ярцень в ярцень.
Для венчального дворца
Растворяйте — распахните
Души — алые сердца!
Пусть указан путь
Да будет —
Хоровод звучальных дней!
Друг про друга
Не забудет,
Кто пьет чару
Всех полней!

Солнцень в солнцень.
Ярцень в ярцень.
В песнях, пьяных без вина,
Разгадайте смысл чудесный:
Нам ли юность не дана?

Пойте крылья огневейные,
Взгляд бросая в небеса.
Славьте дни разгульно-лейные,
Раздувайте паруса!

Солнцень в солнцень.
Ярцень в ярцень.
Закружилась карусель.

Быстры круги,
Искры други,
Задружилась развесель.
Хабба — абба — хабба — абба
Ннай-ннай-ннай!
Эй, раскаччивай!
И — ювь.
(свист в четыре пальца).

<1916>

26. Я ВЕСЬ В КРЫМУ

М. П. Чеховой

Я весь в Крыму,
В горах у моря.
Я весь в лучистых даленях.
Я весь к нему —
К раздолью гор я —
В цветисто-звонких зеленях.

Я — избалованный ребенок,
Кричу, смеюсь и трепещу,
Как на поляне жеребенок,
Я сам не знаю, что ищу.

Мой вольный бег,
Мой путь привольный, —
Где солнце и где май.
Вчера — Казбек,
Сегодня — волны,
У моря Черного мой рай.

Я весь в Крыму,
В горах расцвета,
Я весь к нему —
К привету лета —
Солнцекачающий Поэт.

<1916>

27. СЕРДЦЕ ДЕТСКОЕ

Н. Балиеву — для юности.

И расцвела
Моя жизнь молодецкая
Утром ветром по лугам.
А мое сердце —
Сердце детское — не пристало
К берегам.

Песни птиц
Да крылья белые
Раскрылились по лесам,
Вольные полеты смелые
Приучили к небесам.

С гор сосновых
Даль лучистую
Я душой ловлю,
Нагибаю ветку, чистую
Девушку люблю.

И не знаю, где кончаются
Алые денечки,
И не верю, что встречаются
Кочки да пенечки.

Жизнь одна —
Одна дороженька —
Доля молодецкая.
Не осудит
Ясный боженька
Мое сердце детское.

<1916>

28. ДЕВУШКИ БОСИКОМ

Алисе Коонен

Девушки босиком —
Это стихи мои,
Стаи стихийные.

На плечах с золотыми кувшинами
Это черкешенки
В долине Дарьяльской
На камнях у Терека.

Девушки босиком —
Деревенские за водой с расписными
Ведами — коромыслами
На берегу Волги
(А мимо идет пароход).

Девушки босиком —
На сборе риса загарные,
Напевно-изгибные индианки
С глазами тигриц,
С движеньями первоцветных растений.

Девушки босиком —
Стихи мои перезвучальные
От сердца к сердцу.

Девушки босиком —
Грустинницы солнцевстальные,
Проснувшиеся утром
Для любви и
Трепетных прикосновений.

Девушки босиком —
О, поэтические возможности —
Как северное сияние —
Венчающие
Ночи моего одиночества.

Все девушки босиком —
Все на свете —
Все возлюбленные невесты мои.

<1916>

29. ЦЫГАНКА

*Вс. Эм. Мейерхольду — Твоему
раздольному темпераменту.*

Воля — расстегнута.
Сердце — без пояса.
Мысли — без шапки.
В разгульной душе
Разлились берега.
Дров две охапки.
Ружье. И олени рога.
И шатер. И костер.
И остра острога.
Я — охотник.
Ты на ловца
Заблудилась овца.
Пляши и кружись!
Ешь траву,
Падай! Целуй!
Подари мне
Дырявую шаль.
Возьми мою шкуру медвежью.
Приходи еще ночевать —
С песнями кочевать.
Жизнь — воскресение.
Глаза твои — головни.
Губы — вишни раздавлены.
Груди — землетрясение.

<1916>

30. КИСЛОВОДСК

Эльзе Каган

О Кисловодск, мечтательный, в долине
Лежит, как будто в гамаке,
В лазурно-нежной пелерине
Вдоль по Ольховке по реке.

Вдоль по Ольховке — в стройном парке,
Где изумрудны так аллеи,
Где гости, радостны и ярки,
Гуляют, стаями белея.
И будто все поют хрустально,
Немного модно и устально:

Углекислые ванны Нарзана,
Исцеляя недужных людей,
От министра до просто пейзажа —
Воплощают людей в лебедей.

А когда в аметистовый вечер лирический
У белоснежных кофейни колонн
Проиграет оркестр симфонический —
Все пойдут на курзальный поклон.

Все пойдут галереей нарзанной,
Все в мечтах о иных небесах,
Что-то там — за далекой Лозанной,
Что-то там — в австралийских лесах.

Алая роза в петлице приколотая
Северной девушкой Иркутской губернии.
А сам я — Уральских стран золота,
И мне, поэту, приятны и розы и тернии.

В курзале за столиками весело-шумно.
Действует бодро курортный нектар.
Маэстро играет то танго, то Шумана,
То для меня: «Ту-степ», «Тре-мутард».

Дамы нарядны. Напыщены франты.
Движенья изысканно-нежно легки.

Сияют опалы, рубины, брильянты.
Цветет Кисловодск у Ольховки-реки.
И будто все поют хрустально,
Немного модно и устально:

Углекислые ванны Нарзана,
Исцеляя недужных людей,
От министра до просто пейза —
Воплощают людей в лебедей.

<1916>

31. ПЬЮ ЗА КАВКАЗИЮ

Эй, невесты — девушки — сестры,
Братья — друзья — женихи,
Поднимем бокалы за вольную молодость —
Выпьем вино за стихи!

Я весь в ароматных симфониях
Расцветающих роз,
Я весь среди злата акаций
У заветно-приветных мимоз.
Тайра — тайра,
Тайра — тарамм!
Сердце звенит полнозвучно.
Тайра — тайра,
Тайра — тарамм!
Песни со мной неразлучно.
И я от земли далеко —
Мне легко.
Я на небо смотрю —
Мне легко.

Эй, невесты — девушки — сестры,
Братья — друзья — женихи,
Поднимем бокалы за вольную молодость —
Выпьем вино за стихи!

И будем петь, и будем нежны,
Цветы и птицы любят нас,

Пусть наши души утроснежны,
И путь венчанный — на Парнас.

И будем прѳсты как растения,
И станем радостно расти,
И славить мудро расцветения
Благословенное — прѳсти!

А если я — Поэт поющий —
Взобрался легким на Парнас,
Но я весной — для всех цветущий,
И мне тоскливо жить без вас.

Эй, невесты — девушки — сестры,
Братья — друзья — женихи,
Поднимем бокалы за вольную молодость —
Выпьем вино за стихи!

<1916>

32. МОЯ КАРЬЕРА

Всегда настроенный для песен,
Всегда для всех я верный друг,
Я весь безоблачно небесен,
Я горизонтный мирокруг.

Поэт-мудрец и авиатор,
Художник, лектор и мужик,
Я весь изысканный оратор,
Я весь последний модный шик.

Звенит, как сонная аорта,
Мой наркотический лиризм —
Я от деревни до курорта
Провозглашаю футуризм.

В горах рожденный на Урале,
Рожден я яростным орлом,
Не знаю я иной морали,
Как только — Вольно на Пролом.

Пусть тридцать третий год в исходе,
И я виновен в сумасшествии,
В экспрессе я иль в пароходе —
Я неизменно в путешествии.

То Волга — Кама — горный Терек,
Эльбрус — Казбек — Кавказа цепь,
То Черноморский виден берег,
То вдруг — таврическая степь.

И всё вперед и всё — без края,
Душа смятения полна,
И жизнь влечет, — в мечтах сгорая,
Для песен, женщин и вина.

О ты, судьба моя Поэта,
Искусства русского артиста,
Ты слишком оперно воспета,
Моя карьера футуриста.

Скитаясь в Англии, во Франции
И у турецких берегов,
Метался в диком, пьяном трансе я
И без друзей и без врагов.

И всюду и во всех возможностях
Высот я много превзошел,
Но в рисках и неосторожностях
Я утешенья не нашел.

И всё же я остался верен
Футуристическим безумствам:
В своих талантах я — безмерен —
В своих затеях — вольнодумством.

Из жизни создал я поэмию,
А из поэмии — стихи,
И стал подобен солнцегению
И композитором стихии.

Быть может, Первый в Современности
Из мастеров я сам Московский, —

И даже тают в удивленности
Давид Бурлюк и Маяковский.

Но от тщеславия далекий,
Я ближе к дружбе и к стихам,
В скитаньях рыцарь одинокий,
Невестам — друг и пастухам.

Живу на свете, как растение,
Великий в мудрой простоте.
Я весь — весеннее цветение,
Слагаю гимны красоте.

И все завидуют взволнованно —
Недосягаемая роль —
Я без короны — коронованный,
О поэтический король.

Король, не признанный в отечестве,
В необразованной Перми,
Отсталой в вольном молодечестве,
Живущей где-то за дверьми.

Но я не жалуясь на Пермь свою:
На Каме трудно жить культуре.
Ведь всё равно я первенствую
В российской литературе.

Я, «Стеньку Разина» создавший,
«Землянку» и «Танго с коровами» —
Всем навсегда свое сказавший:
Духовно будьте все здоровыми.

И будьте звонкими ребятами,
Любите громче жизнь и жарче,
Резвитесь гордо жеребятами
И созерцайте песни ярче.

Сердцами, полными веселий,
Живите духом на распахнутость
И славьте площадь каруселей,
И колокольте в бесшабашность.

Любите всё и всё примите,
Как принял я — как я любил, —
И радость творчества поймите,
И всех, кто пил и кто не пил.

Заздравный кубок поднимая,
Не вспомните ли футуриста,
На пароходе во дни мая
Гулявшего сверх-карьериста.

И эти строки переливные
Когда по свету разольются,
Настанут дни такие дивные,
Что даже камни рассмеются.

И дни настанут упования
У голубиных душ — людей,
Восторжествует дядя Ваня,
Гоняя триста голубей.

Моя карьера и с дядей Ваней
Желанно связана добром,
С Алешей, Петей мы над баней
Держали голубей втроем.

А жили на буксирной пристани —
На чалках весело качаться —
И были близки к Каме — к Истине,
Но Соня выросла и вот печалится.

И пишет Соня письма грустные,
И плохо верит в уверенья —
Не помогают ей искусные
Мои стихотворенья.

Но я Поэт и мудро вижу,
Что всё исправится чудесно,
И снова будем к счастью ближе,
И жить безоблачно-небесно.

Ну, а пока поэма льется,
Пусть жизнь свободная цветет,

Гнездо на Каменке пусть вьется,
Хозяйство хлебное растет.

И ты расти, моя карьера,
Я не устал еще чудачить.
А кончу тем, что для примера
Я от людей уйду рыбачить.

И где-нибудь в шатре на Каме
Я буду сам варить картошку,
И, засыпая с рыбаками,
Вертеть махорочную ножку.

<1916>

33. НА ВЕЛИКИЙ ПРОЛОМ

На крыльях рубиновых,
Оправленных золотом,
Я разлетелся Уральским орлом,
В песнях долиновых
Сердцем приколотым
Я лечу на Великий Пролом.

Будет — что будет.
Что воля добудет,
Всё в этой жизни
Я выпью вином.
Рай или каторга,
Разгул или старость —
Благословенье в одном:

С чарой хрустальной
В руке неустальной
Горноуральским орлом,
Душой солнцевстальной,
Чеканно-кристальной
Я лечу на Великий Пролом.

Будет — что станет.
Судьба не устанет

Встречать чудесами
За песнями,
С песнями.
Под небесами
Видеть друзей
Крыловейными стаями —
Вот мои радости детские,
Дни молодецкие.
Встречать и кричать:
Эй, рассердешные,
Друзья-открыватели,
Искатели вечные,
Фантазеры-летатели,
В стройных венчалностях
Душ и сердец
Давайте построим мы
Стройный Дворец —
Для единой семьи,
Для бесшабашных затейщиков.
Давайте внесем
Свои легкие головы
На отчаянное Высоко.

За песнями,
С песнями.
Рай или каторга,
Разгул или старость —
Благословенье в одном:
Океанским крылом
Взмахнем по земле
И полетим
На Великий Пролом.

Будет — что сбудется.
Земное забудется,
Если на радугах
Будут раскинуты
Палатки из девичьих кож
Для нас —
Пролетальщиков.

1916

34. ИРОНИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Комитрагический
Моей души вой
Разливлен, будто на Каме пикник.
Долго ли буду
Стоять я живой —
Из ядреного мяса памятник.
 Пожалуйста,
Громче смотрите
Во все колокола и глаза, —
Это я — ваш покоритель
(Огонь рожал в устах),
Воспевающий жизни против и за.
 А вы, эй, публика,
Только всегда капут
Пригвождали на чугунные памятники,
Сегодня иное —
Живой гляжу на толпу.
Я нарочно приехал с Каменки.
 Довольно
Обманывать великих поэтов —
Чья жизнь
Пчелы многотрудней,
Творящих тропическое лето
Там,
Где вы стынете от стужи будней.
 Пора
Возносить песнебойцев
При жизни на пьедестал:
Пускай таланты утратятся, —
Чтоб каждый из вас —
Чудом стал.
 Я знаю,
Когда будем покойниками,
Вы удивитесь нашей
Изумительной скромности.
А теперь обзываете разбойниками —
Гениальных детей современности.
 Чтить и славить
Привыкли вы мертвых,
Наворачивая памятники с галками

(Пусть, мол, садятся галки),
А живых нас —
Истинных, вольных и гордых —
Готовы исколотить скалками
Без смекалки.

Какая вы, публика,
Злая да каменная —
Будто у всех внутри зима.
Но, Поэт — один пламенный я —
Разожгу до весны футуризма.

Какая вы, публика,
Странная да шершавая.
Знаю, что высотой
Вам наскучу.

На аэроплане
Летавший в Варшаве, я
Часто видел внизу
Муравьиную кучу.
И никому не было дела
До футуриста-летчика.
Толпа на базарах, в аллее,
У кофеен галдела
Или на юбилее
Заводчица.

Разве нужна
Гениальность наживам,
Бакалейно-коммерческим клубам?
Вот почему
Перед вами живым
Я стою одиноким Колумбом.

Жизнь —
Поэма моя —
Это призрак на миг,
Как на Каме пикник
Иль звено пролетающей птицы.

О, пусть
Из мяса и песен мой памятник
Только единой
Любимой приснится.

1916

35. СОЧИ

В сочной зелени сочного Сочи,
Где бананы укрыли меня,
Я средь звездно-опаловой ночи
Тишиною прибрежной обнят.

В 18-м номере
Я живу в Гранд-отеле, —
Недавно приехал из шумной Москвы.

О, теперь я — Поэт!
И пою — в самом деле —
Для весенней, цветущей листвы.
Море стало мне близким,
Откровенным и дружеским.
Сердце сразу ответило волнению волн.

Из-за гор утром солнце
Вышло голым и мужеским, —
Мир вокруг стал здоровья полн.

Утро здесь —
Будто девушка знойная
На пляже раскинула косы.

А небо, как юноша,
Могучее, стройное,
И ноги его бирюзовые босы.
Жить волшеббно в стране,
Где магнолии, пальмы,
Кипарисы, бананы,
Цветы и цветы.

И на парусных
Яликах
Улетевшие в даль мы
От городской суеты.
Улетевшие в песнях
К горизонту на сказки, —
Там встречает апрель —
В море солнечный зодчий,

А в долинах кавказских
Пастушья свирель
Возвращает на берег нас
К сочному Сочи.

Мне ль не понять,
Мне ли — северной птице —

Из окна эти гимны
Из тысячей гнезд,
Воспевающих южность
На заре-зарянице,
Даль морей — субтропический тост.
И пусть я, и пусть вы,
Гости дивных возможностей,
Все сердца в одно море сольем,
Чтобы знать впереди
Только ширь бездорожностей,
Только волн сокрушительный взъём.

1916 (?)

36. НЕ МОГУ БЕЗ ТИФЛИСА

Приехал и рад.
Тифлис, вокзал.
В улицах встретила мысль...
Куда-то взглянул,
что-то сказал.
Улыбкой окинул высь.
Странная вещь.
Северный, русский,
Уральский, ну — хоть напоказ.
А вот, поди ж, —
мир кажется узким,
Если не видеть Кавказ!
Будто грузин,
не могу без Тифлиса, —
И я упоительно горд.
Верно, для сердца
живая теплица
Здесь — среди мудрости гор.
Вечность сиянья!
Крылья орла, —
Полет навсегда поднебесен.
Нет! на зимнем Урале,
где кровь замерла,
Не найти огневеющих песен.

А я ведь поэт —
перелетная птица,
Путь прямой горизонт отольет!
Это мне по ночам
беспокойно не спится,
Когда птицы зовут на отлет!
И так каждую осень,
и каждый раз,
Крыльями в даях белея,
Улетаю с Урала,
лечу на Кавказ,
Сюда, где жить теплее!
И стал этот край
родным гнездом —
Меткости снов прелестней.
Здесь благодатный,
причальный дом,
Здесь неисчерпные песни.
Огороженный солнцем,
стражей хребта,
Я готов свет и дар нести,
Чтоб никогда
не грустить, не роптать
Над долинами дней утрозарности.
В этом — суть,
приехал и рад:
Тифлис улыбается новью.
Жизнь сочна,
как во рту виноград,
Жизнь преисполнена зорью!

1916 (?)

37. ЗАЯЧЬЯ МИСТЕРИЯ

*(Музыка создана Алексеем Архангельским
во славу молитвенного созерцания)*

О вы — расцветающая Принцесса,
Чья гибкостройность — весна Песнянки.
Вы еще не знаете жизни леса —
А в лесу живут Леснянки.

Будто испуганный заяц в неволе —
Я прижался в бегущий угол авто.
И снова замечтал о снежном поле
В своем изнеженном пальто.

Прощай, Москва. Вокзал — сквозняк.
Вагон. Колесный гул.
И пассажирская возня.
С гармоньей песня — вдруг разгул
Пронесся, праздником дразня.

Мой праздник — северные рождестволи
В горах на Каменке в снегу.
Ах, радости еще не зачерствели,
Жить по-московски не могу.

Я только Заяц — белый и пушистый.
Мои дворцы — поляны и сады,
И лунный лес — таинственный и мшистый,
И кроткие мои следы.
Мне ничего не надо. Хрупкий и усталый,
В елках я найду покой —
Только лишь бы проще стало:
Сам я — простой такой.
Поэт до последней мудрости —
До святого Чуда — пророчества —
Я утомился от своей златокудрости,
От талантов и одиночества.
Вот и понял суету зрямотаний
И гордо зову себя Зайцем —
Как бы от всяких скитаний
Поздоровилось отвязаться.
Вырыл бы нору в сосновых горах,
Да бегал по ночам на гречиху.
И на первых счастливых порах
Нашел бы себе Зайчиху.
Ух и тепло жилось бы, торжественно,
В горнолесной и ветвинной глуши:
Ведь так совершится божественно
Переселение души.

Ясный и мудрый. И знаю многое,
Потому что Поэт, —

О судьбе спросил раз у бога я
И навеки получил совет.
Мне ничего не надо. Хочу по-заячьи
Приноровиться к норе,
Пускай елки удивляются, чьи
Новые зубы появились на коре.
Буду звонким мячиком прыгать
По всему, что меня касается,
Во имя призывного рыка
Прибегут ко мне в гости Зайцы.
Все станем по-детски рождественски
Звезды развешивать по кустам:
Пускай отдохнут путешественницы
На снежных полянах, пожалуйста!
И тогда о друзьях я подумаю грустно,
Что томятся напрасно в больших городах,
А у Зайцев — у нас жить привольно и вкусно
И раздольно качаться на лесных бородах.
И тогда всем друзьям напишу очень искренно
На полянах в снегу по складам:
Приезжайте ко мне убедиться воистину,
Побегать со мной по веселым следам.
А когда вы Поэта увидите Зайцем,
Безмятежно пушистым и белым — святым,
Вы должны откровенно признаться,
Что Заяц чудесней Москвы-суеты.
Ах, люди — друзья — братья — сестры,
Давайте пойдем мудрецов и детей:
Их желанья глубинны и просты,
Их глаза — у небесных ветвей.
А мне ничего не надо. Хрупкий и усталый,
В елках я найду покой.
Только лишь бы проще стало:
Сам я простой такой.

О вы — расцветающая Принцесса,
Чья гибкостройность — весна Песнянки.
Вы еще не знаете жизни леса —
А в лесу живут Леснянки.

<1917>

38. ПОКУРИМ, ЧТО ЛИ?

Эй, дни-денечки —
Тарелка с ягодами,
Ядри вашу паренечки,
На полянах девки,
Жаворонки-певки,
Женатый с женой,
Хлебушко ржаной.
Ешь!
Пей!
Гуляй!
Взвесели поля!
Кончили работу — раз.
Отдохнуть желаем — два.
В полное удовольствие — три.
Раз.
Два.
Три.
Плюнь да разотри.
Гармонист, думай.
Приглашаю!
На берегу — свечерочки.
С подружками лужайки.
Звенят дни-денечки,
Песни-проводжайки.
Приглашаю.
Ожидаю вашей воли.
Гармонь! Махорочка! Пенечки!
Девки, паренечки!
Эх! Покурим, что ли?

<1917>

39. ВЕЧЕР НА КАМЕ

*А. П. Радомской-Спиридоновой. Мои
стихи в ваших устах — поющие Птицы.*

Кто-то грустинный, когда всколыхнет
Туманно — руками —
Это крыльями вечер дохнет,

Вечер на Каме.
И странной покажется близость прибрежная,
Синяя дымь за кустами,
И станет вдруг Кама светло безмятежная,
Устанет устами.
Перекликнутся чайки, и утки протянут,
Кбростель чуть заскрипит,
Где-то цветенья дневные завянут,
И тайна свой смысл укрепит.
Притихнет — приляжет — прогреется ласка
На берегу у костра рыбака,
Вечерняя просто расскажется сказка
Какого-нибудь чудака.
А позже, едва промелькнет голубенне
От глаз пролетевшей совы,
Почудится ясным найти сновидение
В гостях у травы.
И будет раздольное сердце в сиянии
Слитно с веками —
С вечерним течением в звездном сиянии —
Вечер на Каме.

<1917>

40. В КРЫМУ КОФЕ

На берегу над морем
В кофейне Черибан
Сижу я с черным горем,
Пью черный кофе — жбан.
А рядом весь взъерошенный
Бродячий музыкант,
Сидит, как гость непрошенный,
И смотрит на стакан.
В стакане зелье странное —
Качается крыльцо —
На руке трехгранное
Рубинное кольцо.
Мы оба молчаливые:
Одной судьбой живем.
И каждый день, тоскливые,

В кофейне кофе пьем.
Под нами море морится
В лазурных даленях,
А в сердце горе горится —
Как солнце в зеленях.

<1917>

41. ПЬЮ

*О. В. Пилацкой —
во имя отдыха с друзьями!*

Пью тебя, Солнце, как чарку вина,
Закусывая облаками.
А чарка вторая — восходит Луна
Неизменной дорогой, веками.

Что наша жизнь — перелетная стая
Дней-голубей в чудеса?
Сегодня цветешь, молодецки блистая,
А завтра уйдешь в небеса.

Что наша жизнь — луговое цветение,
Ветер — трава — и песок —
Поэма — случайность — видение,
Шелковоалый кусок.

Ах! — не всё ли равно — чарку третью
Выпью я за врагов — за друзей,
И улыбнусь перед смертью,
И поступлю в Колизей.

Что моя жизнь — или буду крапивой,
Или журчьем истекая журчать —
Сердце ответит вселенной ретиво:
Дело мое — отвечая — рычать.

<1917>

42. СЛОВА И СЛОВА

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою — и слова — и слова.

Весь талант мой — моя гибкостройность
Из напевных и творческих слов
И моя небовая покорность
Перед Чудом чарующих снов.

Мой талант — мое детское сердце —
Солнцевейное сердце стихов.
Мое счастье и крест страстотерпца,
Посох мой — у друзей-пастухов.

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою — и слова — и слова.

Весь талант мой — из слов симфонический
Перезвонный к сердцам. карнавал.
Кубок мой навсегда фантастический
Я навеки в словах пировал.

Зимний вечер пушистый и хрусткий,
И скользит и блестит санный путь;
Полумесяц, лимонный и узкий,
Собирается в звездную муть.

Мой талант футуриста-Поэта —
Удивлять вознесением слов,
Жизнь пройдет — пронесется комета,
И останется тайна основ.

И останется тайна томлений,
Песнянных легенд волшебства,
Да останется рыцарский гений
Для любви, для мечты — божества.

Зимний вечер синеюще-белый,
Будто как у любимой боа.
А я парень застенчивый, кроткий, несмелый,
Ей пою опьяненно слова.

<1917>

43. НАСЛЕДСТВО РЖАВОЕ

На утроутесе устья Камы
Серебропарчовой —
Чья раздолится отчаянная голова?
А стой и слушай:
Это я в рубахе кумачовой
Распеваю песни, засучив рукава.
На четыре вольностороны.
Чаятся чайки.
Воронятся вороны.
Солнится солнце.
Заятся зайки.
По воде на солнцепути
Веселится душа
И разгульнодень
Деннится невтерпеж.
Смотри и смей,
За поясом кистень
Из Жигулей.
За голенищем нож —
Ржавое наследство
Стеньки Разина.

<1917>

44. ПОЮ

*Эленьке Григорьевой —
приезжай на Каменку летовать.*

По тропинке по утрянке,
По росистым зеленым,
Босиком бежит зарянка

В красном, белом к деревьям.
Я ведь тоже парень мудрый,
Двухсердешный. И стою
На тропинке, солнцекудрый,
И ору, кричу, пою:
Коли чуют сердцем песни —
Отзовись, невестница, —
Для тебя цветет чудесник —
Будь моей, чудесница!
Вот и всё.
И лестница.

<1917>

45. КОСАРСКАЯ

*Пете. Мы еще с тобой
покосим на Каменке.*

Утровые травы косятся
Косарями по росе,
Песни алые разносятся
О девической красе.

Ветки, сквозь излученные,
Манят в сетчатую сень,
Встретить души разлученные,
Расцветить звучально день.

Пусть огромный мир покажется
Детским в запахе травы —
Всё неясное расскажется
У журчальной бор-горы.

И эх ты, жизнь наша косарская —
Из веселья в грусть!
Доля — воля красная,
Луговая Русь.

<1917>

46. БУРЛИ, ЖУРЧЕЙ

*В. В. Холодной —
Вашей стремительности.*

Чурли, журчей, бурли, журчей,
И как свинец
Ты Солнце плавь.
Гори жарчей, люби жарчей
Лесную явь,
Лесной игрец.
Не жди. Не стой.
Звени и пой,
Всею изменяй.
И снова пой.
Не стой.
Чурли, журчей, бурли, журчей,
С скалистых глыб
Вались со смехом
И в чернолапах
Диким эхом
Пугай бегущих рыб.
Беги и пой, разгульно пой,
Зови с собой
Играть с Судьбой.
В край неизвестный —
Там туман.
Тот край чудесный —
Там Океан.
Разгульно пой. Бурли, журчи
И солнцепадом
Буди сердца,
Гори жарчей, люби жарчей.
Быстрины жизни
Пусть помнят ярко
Журчесь — чурля — игреца.

<1917>

47. НА КАМСКОМ ПАРОХОДЕ

*Борису Григорьеву — жду из страны
Картинки твой корабль.*

На белом камском пароходе,
Когда стою я на посу,
Я чую — в плавном мерном ходе
Свое взнесенное несу.

Над головою чайки снежат,
От солнца крыльями тень,
И нежно мысли мудро нежат,
Как ветки Троицына дня.

На берегах костры дымятся —
Рыбацкий то зовет приют.
Сердце хочет вдруг подняться,
Найти душе святой уют.

Направо горы — луга налево,
А перед нами путь вперед.
Кругом разливные напевы,
Кругом Российский наш народ.

Деревни, села и посады,
Часовни и монастыри,
И мнятся Разина засады
И дружны песни исстари.

И я свой кубок поднимаю
И улыбаюсь друзьям — врагам,
Куда я еду — сам не знаю,
К каким пристану берегам.

Ведь всё равно, сколь ни проси я,
Судьба случайностям верна.
Кругом мой дом — моя Россия —
Моя стихийная страна.

<1917>

48. ГРУСТИННИЦА

*А. Коонен — Вашей
пластической солнцевейности.*

О, не грусти, грустинница,
У грустного окна, —
В небе льет вестинница,
Весенится луна.
Цветут дороги бросные,
Качаются для гроз —
Твои ресницы росные
Венчаются для слез.
А розы в мае майные
В ветвинностях близки,
Желанья неутайные
Девинности тоски.
Пойми покой томительный
В мерцании огней —
Вино свирели длительно
Перед лампадой дней.
В твою ли девью келию
Мне грешному войти —
Ведь всё равно к веселию
Мне не найти пути.
О, не грусти, грустинница, —
Я тоже одинок.
Томись и спи, невинница:
Жених твой грустноок.

<1917>

49. КАТОРЖНАЯ

Лесная падь зовет:
Ой, зачем покинул!
Сибирские лишайники и мхи
Тоскуют:
Ой, зачем покинул!
Синей дымью задернулась тайга:
Ой, зачем покинул!
Вывороченные пни

Во рвах колоды
Почернели:
Ой, зачем покинул!
Таежные дороги
След твой ищут:
Ой, зачем покинул!
И девушка, дочь кузнеца,
Из рудников грустит:
Ой, зачем покинул!
Байкал нахмурился —
На берегу большого нет костра:
Ой, зачем покинул!
Березки вдруг собрались —
Из слез скопили озеро:
Ой, зачем покинул!
С болью пою за покинутых
Эту песню тебе:
Ой, зачем покинул!
Знаю, ты вернешься к Земле,
Сам заплачешь:
Ой, зачем покинул!
Когда, осиротелый, пойдешь
Искать потерянную душу,
Зайди за мной —
В горах в лесу сосновом
Домик мой.
(Старый филин на
Сушине по ночам
ворчит:
Ой, зачем покинул!)

<1917>

50. ОВЕЧКА У ДОМИКА

Мой часовенный домик стоит на горе,
На горе на сосновой,
Мой простой домик построен из бревен,
Высокий и новый.
Жить легко в нем. Смолистым покоем
Золотит тишина.

Целый день живет солнце
И звенит у окна.
Взгляни — и просторно. В долине играет,
Будто девочка, речка —
Бежит меж кустов и цветы собирает.
Белеет овечка.
Небокрай голубится, а из рощи березовой
Льются песенки дня.
Кто-то ласково-близкой любимой рукой
Гладит меня.
Кто? Я давно одиноч. Друг единый —
Домик мой.
Да пою о земле — за любовь на земле —
Это счастье со мной.

<1917>

51. ПЕРСИДСКАЯ

*О. Гзовской —
мое творческое удивление.*

Из желтых скуластых времен
Радугой возрождения
Перекинулась улыбка ушкуйника
И костлявой шеи медный загар.
Горячие пески
Зыбучи и вязки,
Камни приучили к твердости.
Линии очерчены сохой.
Чарн-чаллы-ай!
Персидские ковры в гаремах.
Султан лихой
В червонном шелке.
Золотые нити и смоль волос.
Глаза — колодцы. Едина бровь.
И губы — кровь.
Рук змеиных хруст.
Рисунок строгий
В изгибе уст.
Чарн-чаллы-ай!

Отдай —
Возьми.
Саадэт —
Черибан —
Рамзиэ¹ —
Всё равно.
Будь неслышным
Кальяном!
Тай!
Дай!
Спроворишь, —
Бери.
Чарн-чаллы-ай!

<1917>

52. ЦИА-ЦИНТЬ

Циа-цинц-цвилью-ций-
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю —
День-деньской по березнику звонкому,
Как у божиих райских дверей
Или как у источника радостей,
Слышны пташек лесных голоса.
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю!
Сквозь густых зеленистых кудрей
Голубеют глаза-небеса.
Я лежу на траве. Ничего не таю,
Ничего я не знаю — не ведаю.
Только знаю свое — тоже песни пою,
Сердце-душу земле отдаю,
Тоже радуюсь, прыгаю, бегаю.
Циа-цинц-цвилью-ций.
Над моей головой
Пролетел друг летающий мой.
«Эй, куда?»
И ответа не жду я — пою.

¹ Собственные женские имена (перс. и арабск.).

Солнце алмазными лентами
Грудь мою жжет.
Доброе солнце меня бережет.

<1917>

53. МАЯКОВСКИЙ

Радиотелеграфный столб гудящий,
Встолбленный на материке,
Опасный — динамитный ящик,
Пятипудовка — в пятерике.

И он же — девушка расстроенная
Пред объяснением с женихом,
И нервноколкая, и гибкостройная,
Воспетая в любви стихом.

Или капризный вдруг ребенок,
Сын современности — сверх-неврастеник,
И жрущий — ржущий жеребенок,
Когда в кармане много денег.

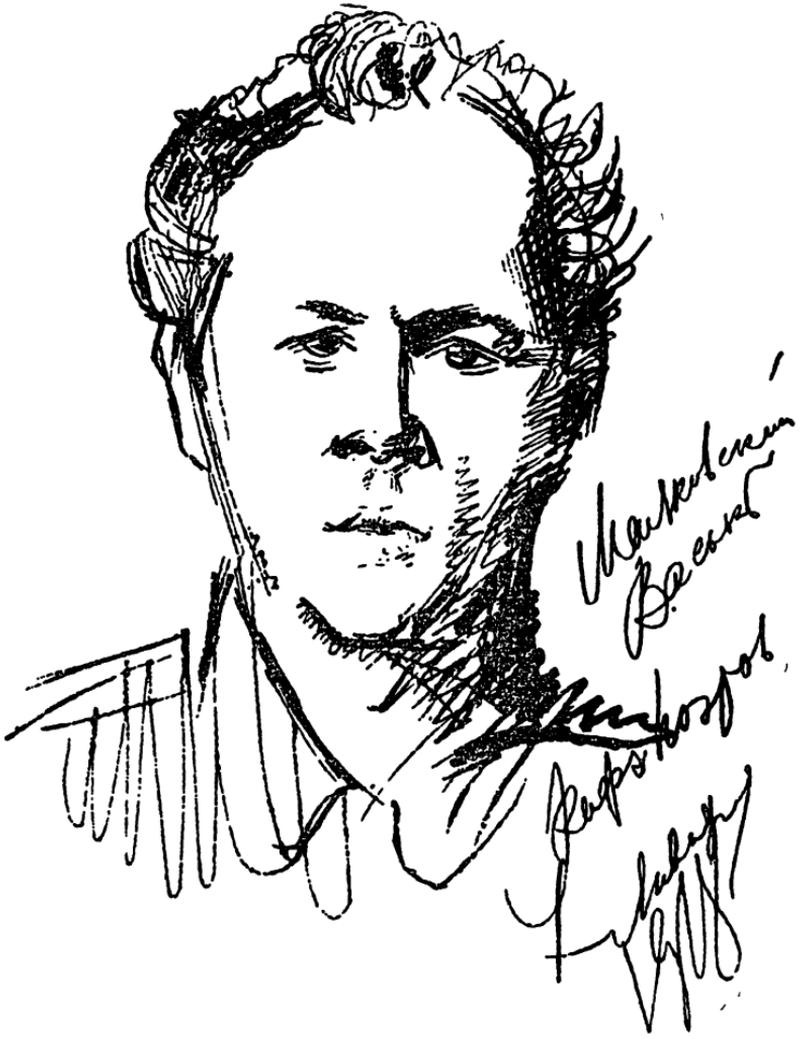
И он — Поэт, и Принц, и Нищий,
Колумб, Острило, и Апаш,
Кто в Бунте Духа смысла ищет —
Владимир Маяковский наш.

<1917>

54. ЧУДО-РЕСПУБЛИКА — РОССИЯ

Настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят.
И я рвусь.
Да строится новая Русь,
Человеческая Чудо-Республика.

Я, весенний, кую
И весенне пою:

Звени, весенняя Россия,
Цвети, венчальная страна,
Цвети, встречальная свобода,
Звени, звучальная струна.

Как ярко-радостные дети,
Мы все ликуем и зовем,
И торжествуем марсельезно,
И революцию куем.

Мы стали вдруг навек друзьями,
И каждый волен и здоров,
И каждый творчески настроен,
Семья одна — единый кров.

Какое счастье быть Поэтом,
И сердцем чутать солнцевсход,
И слышать, как цветет расцветом
Освобожденный наш Народ.

Какое счастье быть Поэтом
И гражданином в эти дни,
Когда на улицах приветом
Горят рубинами огни.

Живи, Народ. И песни пой,
И грудь открой заставой.
Краснознаменную Судьбу
Покрой на счастье славой.

Ведь настало заветное:
На улицах публика,
Флаги как маки горят,
И я рвусь.
Да строится новая Русь —
Человеческая Чудо-Республика.

1917

55. ДЕКРЕТ

О ЗАБОРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, О РОСПИСИ УЛИЦ,
О БАЛКОНАХ С МУЗЫКОЙ, О КАРНАВАЛАХ ИСКУССТВ.¹

А ну-ко, робята-таланты,
Поэты,
Художники,
Музыканты,
Засучивайте кумачовые рукава!
Вчера учили нас Толстые да Канты, —
Сегодня звенит своя голова.

Давайте все пустые заборы,
Крыши, фасады, тротуары
Распишем во славу вольности,
Как мировые соборы
Творились под гениальные удары
Чудес от искусства. Молодости,
Расцветайте, была не была,
Во все весенние колокола.

Поэты!

Берите кисти, ну,
И афиши — листы со стихами.
По улицам с лестницей
Расклеивайте жизни истину, —
Будьте перед ней женихами —
Перед возвестницей.

Художники!

Великие Бурлюки,
Прибивайте к домам карнавально
Ярчайшие свои картины,
Ташите с плакатами тюки,
Расписывайте стены гениально,
И площади, и вывески, и витрины.

Музыканты!

Ходите с постаментами,
Раздавайте ноты-законы,

¹ В первые дни советской власти этот мой декрет был расклеен на заборах по всей Москве.

Влезайте с инструментами
Играть перед народом на балконы.
Требуется устроить жизнь —
Раздольницу,
Солнцевейную, ветрокудную,
Чтобы на песню походила,
На творческую вольницу,
На песню артельную, мудрую.

Самое простое и ясное дело:
Рабочих дней шесть, и я
Предлагаю всем круто и смело
Устраивать карнавалы и шествия
По праздникам отдыха,
Воспевая Революцию духа
Вселенскую.

1917

56. ВСТРЕЧАЙТЕ УТРО РЕВОЛЮЦИИ

Встречайте приветно друг друга улыбками,
Сердцем венчайте цветы,
Расцветно мечтайте над детскими зыбками,
Где на розовых лентах сияют кресты.
Будьте поэтами дней неустальными
И утренними в крови,
Бросайте от сердца словами хрустальными
В сердце любви.
Летайте привольными звонкими птицами,
Вейте гнезда на розах зарéни,
Весенними, ясными, юными лицами
Улыбайтесь в сирени.
Пойте, как солнце, стихами лучистыми,
Колокольте днями веселий,
Звоните, играйте, ребятами чистыми,
Живите для новоселий.
Какое раздолье сердцу нечаянно
Чудесные встретить напоры,
Революцию славьте раскатно, отчаянно —
Пускай удивляются горы.

Между 1917 и 1919

57. РАСКАЧИВАЙ ДАЛЬШЕ

Искристые чары налейте в сердца
Весеннего солнца полнее
И волей лихого навек молодца
Славьте раздолье пьянее!
Я песни пою. И вы пойте песни.
Человечья Семья запоет не звончей ли?
Рожай урожай. Пропади или тресни.
Качайтесь-качайтесь, качели.
С земли и на небо, и соколом с неба
Размахнись, широта, без ущерба.
Достанет нам зрелищ, работы и хлеба —
Наших сил никому не исчерпать.
И весенний ручей всех зовет не жарчей ли,
Эй, качайтесь-качайтесь, качели.

Между 1917 и 1919

58. ВОЛЖСКИЕ ВОЛНЫ

1

Эй, сермяжный народ, гольтьба!
Распахни нараспашку сердца:
Вся в руках удалая судьба
Постоять за себя — молодца.
Эй, сучи рукава!
Враг дождется невольге —
Затрещит голова
Во разгульи на Волге.

2

Эх, ну и пропадай ты, башка кумачовая,
Счастье мое за друзей пропадать,
Не золото любим мы — душу холщовую,
Да чтоб червонная была борода,
Да кистень, да печеночный ножик,
Да песни за чаркой застольницы.
И будем пластаться — на черта похожи —

Пока братская сила у Вольницы...
Эй вы, гусяры, заводи голоса!
Грянем мы песню раскатом,
А ты, рулевой, распускай паруса, —
Будь нам другом веселым и братом!
Знай раскачивай — обозначивай,
Ух и вот на — налей вина —
Инна-инай-и-на!

Между 1917 и 1919

59—68. ПАРОВОЗ ОКТЯБРЯ

1

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Мускулы у нас — железные,
Сок — жизнедатной лóзы.
Работнички полезные,
Мы строим паровозы.

И видим результат труда —
Стального интереса, —
Как превращается руда
В двигатель прогресса.

Мы очарованы борьбой:
Социализм воочию,
Завоевали всей гурьбой
Затеюшку рабочую.

На, возьми! Борцы ядреные
Не боялись злой угрозы, —
А теперь навек мудреные
Строим паровозы.

Солнцем души серебря,
Наши силы льются:
Паровозы Октября
Гоним Революции.
Даешь работу! По «Ноту»!

ЗАКЛЕПКИ И ГАЙКИ

Мы, заклепочки-заклепы,
 Все сознательно живем:
 У нас цепкие заботы —
 Мы листы стальные шьем:
 Клеп — клеп!
 Клеп — клеп,
 Клеп — клеп.

А я — гайка-завертайка,
 Завертаю винт в борьбе.
 Паровозик, отгадай-ка,
 Что желаю я тебе?

Ты скажи мне: ну-ко, гайка,
 Нам работу надо гнать.
 Ты давай-ка, помогай-ка,
 И я буду помогать:
 Гай-гай,
 Гай-гай,
 Помогай.
 Кррр...

УГОЛЬ КАМЕННЫЙ

Мы — уголь каменный, —
 Рожая жар,
 Разносим искры.
 В приют твой пламенный
 Нас кочегар
 Бросает быстро.

Мы — уголь каменный, —
 Глубокий пласт
 Земли-зари.
 На красном знамени
 Искрится глаз
 И говорит: гори.

Мы — уголь каменный, —
Мы слышим в празднике
Колес шаги:
На зов твой праведный
Пришли чумазники, —
Бери нас, жги.

4

ШПАЛЫ

Пролетарские амбалы,
Наши массы — впереди.
Все мы, вкопанные шпалы,
Держим рельсы на груди.
Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
Шпалы — мы.

Прочно путь умеем штопать, —
Миллионы всюду шпал.
Прискакали мы на копать
Посмотреть на алый бал.
Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
Шпалы — мы.

Густо путь усеян нами.
И на благо всем семьей
Развернулись мы волнами,
Окружили шар земной.
Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
 Шпалы — шпалы,
Шпалы — мы.

Средь болот, степей и леса
Мы — как красная звезда,
Стали ребрами прогресса,
Пропуская поезда.

Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — мы.

5

МАШИНИСТ

Я — машинист паровоза Союза,
Я — капитан корабля «Социал»,
Навезу всем энергии — груза,
Чтобы каждый в Союзе снял.

Вы смотрите: стихийно кругом
Мы живем на заре жизнедательства, —
Это наш солнцeveющий дом
С золотыми воротами братства.

Голубейтесь, глаза, на дороге идей:
У нас руки стальные и ноги, —
Мы раскинули сад первоцветных затей
И живем, как железные боги:

Вдруг размахнемся — вырастет стая
Паровозов — авто-лебедей.
Вдруг размахнемся! И завтра, блистая,
Выйдет эскадра морских кораблей.

Вдруг пожелаем! И на площадь Труда
Воздвигнем строений Монбланы.
Вдруг пожелаем! И примчатся туда
На митинг аэропланы.

Что нам еще? Целый мир в нашей власти, —
Легенда из алых, взывающих роз.
Строй и крепи свои жильные снасти.
Радио! Тракторы! Жизнь — Паровоз!

Всё — с нами и в нас. Ребра — шпалы
из кедра.
Нервы — рельсы. Кровь — карусель.

Недра духа — земли красной недра.
Всё — единое сердце. Всё — единая цель.

Солнцем души серебря,
Наши силы льются:
Паровозы Октября
Гоним Революции.

1919

64. ОХОТНИК

Сияй сияньем звездным, небо,
И к солнцу раннему зови.
Мне бы только — краюшку хлеба,
Чуть удачи и чуть любви.

Охота — жизнь моя вахлацкая.
В перьях, в чешуе рука.
Подруга — лодочка рыбацкая,
А Кама — мать моя, река.

Еще собака — лайка серая,
Верна, чутка, дружна и зла.
Я отвечаю той же мерою, —
Мы оба два, как два весла.

Наш мир — леса непроходимые.
Наш дом — под деревом шатер.
Мы целый день — неутомимые,
А ночью греет нас костер.

Куда как весело, задорно
И метко бьет мое ружьишко.
Хожу, брожу, слежу проворно.
В охоте — славное житьишко.

Охота — радость нашей силы,
Смекалка, ловкость и борьба.
Охота — солнечные жилы
И взбудоражная пальба.

1920

65. НА ТЯГЕ

Я стою на поляне, смотрю на закат:
Опускается солнце над лесом,
Где золотится опушка.
Мир вечерней звучально богат.
Под изумрудным навесом
Кукует кукушка.

Ку-тку.

Ку-тку.

Стою на березовой горке с централкой.
Возится жук под ногами.
Пищат комары.
Сова на сушине присела гадалкой.
На травинке улитка с рогами.
Туман у горы.

Жду.

Курю.

Вдалеке на горе голоса на местах,
А кругом просеки свежие —
Новые грани:
Это первые люди вселились сюда,
И зевают, как лешие,
От трудов хуторяне, —

Будто

Рожают.

Весело биться сердцу в груди:
У каждого нынче Емельки —
Труды широки,
Урожайны надежды, успех впереди.
Так на помещицкой «бывшей» земельке
Здесь живут батраки.

Хорх-хорх.

Хорх-хорх.

Чу! Хорхаёт вальдшнеп.

Централку к плечу.

Весь — напряженье.

Вскидка.

Прицел.

Трах!

Эхо в горах,
на парах,
в хуторах.

С неба свалился вальдшнеп.
Пал у берез долгонос.
Жду-поджидаю
Дальше.

Кукушка гадает,
Подружка гадает:
Ку-тку.
Ку-тку.

Я знаю — года ведь,
Я верю — года ведь
Сами судьбу без гаданья соткут.
Вот опять
Из-за гор:
Хорх-хорх.
Хорх-хорх.

Чу. Сердце стучит:
Тук-тук.

Сюда — не сюда? Чуй.
Воля — натянутый лук.
Сюда! Централку к плечу.
Трах! Бух!

Выстрел дублетом.
И дым, как пух,
Разбух.
И только — дым. Ясно — промазал.
Нет, на охоте нельзя быть поэтом:
Мешают восторги.
Но восторги мне дороги, —
Для меня вся охота —
Специальный восторг.
Промах — не пытка.
Здесь — не Госторг, —
От промахов тут не бывает убытка.

Чу. Опять чуй.
Хорх-хорх.
Ружье к плечу.
И сразу — ббах! —
Готово. Не промазал.

Второй у ног вальдшнеп.
И еще в стороне
Слышится хорханье дальше.
Много их тут,
Но немного мне надо.

Синей шелковой шалью
Закрылась земля.

Прохлада.

Мир спокоен ночной.

По тропинке речной возвращаюсь домой.

В ягдташе — долгоносы.

Шагаю. Курю.

Лег туман кружевной каймой.

Оросились покосы.

Смотрю на зарю.

Подслушиваю.

Кует соловей:

Чок-й-чок —

В кустах.

Поет соловей:

Жизнь ковать —

Не устать,

Не устать.

Так кует соловей —

Золотые уста.

1920

66. ЖОНГЛЕР

Згара-амба

Згара-амба

Згара-амба

Амб.

Амб-згара-амба

Амб-згара-амба

Амб-згара-амба

Амб.

Шар-шор-шур-шир.

Чин-драх-там-дззз.

Шар-диск
Ламп-диск
Брось-диск
Иск-иск-иск-иск.
Пень. Лень. День. Тень.
Перевень. Перемень.
Пок. Лок. Док. Ток.
Перемок. Перескок.
Рча-рча
Амс.

Сень. Синь. Сан. Соп.
Небесон. Чудесон.
Словолей. Соловей аловей.
Чок-й-чок.
Ей. Лей. Млей. Милей.
Чу сверчок.
Взгам-бара-лязг-взмай.
Ам-ара-язг-май.

Раскину ласкину из амбара слов
И в шатре ало-шелковой айзы,
Где мое детство чудесно росло,
Пропою барбала-баралайзы.
Эль-лѐ-лѐ.

Наденет тонкое трико
Поэт (уста — свирели)
И станет в ритме над рекой
Бросать золотострели.

Бросай — лови
И барчум-ба.
Лови и згара-амба.
Осой-ови и арчум-ба
Зови икара амба.
Пой песню, смейся и сияй
Бессмысленным глиором.
Поэтом будь — зайли-заяй,
Будь истинным жонглером.

Бросай — лови.
Дороже струй
Блеск вскинутого слова,
Осанна вий.
И торжествуй
В час звонкого улова.

Событий яркий горизонт
 Мы претворим в пунцарий.
 Гори — озон,
 Греми — грозон —
 И молнепронзь гонцарий.
 Мудрец — я верю тайнам чар —
 Волшебным перезовам,
 И кольцам сказочных вещар,
 Запястьям бирюзовым.
 Певец — я жажду пенья птиц
 И северных сияний;
 Игру играющих зарниц,
 Судьбу словослияний:
 Пророк — провижу грань вселен
 Грядущей гениэмы,
 Когда весной в цветах зелен
 Взойдут без слов поэмы.
 Жонглер — я точен барчум-ба
 В бессмысленности айзы:
 Бросая диск на чарум-ба,
 Пою всем баралайзы.
 Искусство мира — карусель,
 Блистайность над глиором
 И словозвонная бесцель,
 И надо быть жонглером.
 Верь: станет стень стеной —
 Бродячий словокант
 Зайдег во двор с цинной
 Сыграть устами мант.
 И в розовом трико ниам,
 Жонглируя словалью,
 Он вскинет на престол фиам
 Дурманной чаровалью.
 И всяк поймет, что словоцель
 В играйне блеска-диска,
 Искусство мира — карусель —
 В зарайне золотиска.
 Сияй сиярч. Буби бубенч.
 На тройке трой в триоле.
 Пусть чуют все, что словозвенч —
 Есть истина на воле.
 Лети в разлет на тихостан.

Стихийностью биарма
И ловистан —
И бросайстан —
Словольность — жонглиарма.
 Я-арамба пронзить сердцаль
 Готов до звезд-вселента.
 Моя поэма — созерцаль,
 Бряцальная словента.
Поэт — я верю в барчум-ба —
Чин-драх
Тар-чари-амба,
В загар чумбай
Славчин в горах
Брианта загорамба.
Эль-лѐ-лѐ.
Начинаю.
 Згара-амба.
 Згара-амба
 Безгранара-бесконцамба.
 Цалипара.
 Там-тара-тра
 Ца-цап.

<1922>

67. ПРИВОЙ В СУХУМЕ

Н. Н. Евреинову

Берег — письменный стол.
Море — чернильница.
Каждый камень — престол.
Моя песня — кадильница.
Пой в прибой,
Прибивай перевейпостью,
Волно-взвихренной лейностью.
Перевей волю амбра.
Моревун морегамбра.
Ббах и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

Берег — бисер ковер.
Море — синяя ткань.
Каждый камень — звукор.
Моя песня — звукань.
Пой в прибой,
Прибивай пальмотрепетом,
Волно-взвинченным лепетом.
Перебурль волю амбра.
Моревун морегамбра.
Ббах и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш —
Берег — дом в Генуэзском.
Море — воздух — вино.
Будто память о детском,
Здесь живет Евреинов.
Пой в прибой,
Прибивай мудрокнижием.
Удивляй сценоближием.
Перекрась театр амбра.
Моревун морегамбра.
Ббах и ашрр.
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.
Берег — красная цель.
Море братство вравне.
Наша жизнь — карусель
В Кумачовой стране.
Пой в прибой.
Прибивай разудалое
Знамя буйное алое.
Передай миру амбра.
Моревун морегамбра.
Ббах и ашрр.
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

<1922>

68. СЕНОКОС

Ты гуляй, литовочка,
По шелковой траве.
Ты коси, литовочка,
Зеленые луга.
Сенокос шумит
В крестьянской голове, —
Знай растут
Душистые стога.
Ты направь, правилочка,
Стальное острие,
Обточи литовочку —
Железного зверька,
Ты со всех сторон
Осмотри ее
И пусти, как молнию,
Сверкать.
Размахнись ты,
Здоровенное плечо, —
Положи траву
Послушную ковром.
Солнце ярим зноем
Сушит горячо.
Ветерок поможет
Веющим добром.
Взглянь кругом
На изумрудную раздоль —
Сенокосят всюду
Дружно косари.
Нам ли горы золотые
Счастья, что ль,
Не сулит расцвет
Хозяйственной зари!
Так метайте
Выше сено на стога, —
Копны пышные
Еще пышней припрут.
Так метайте,
Чтобы новых дней луга
Нас в один спаяли
Всесоюзный труд.

<1924>

69. ГИМН 40-ЛЕТНИМ ЮНОШАМ

Мы в 40 лет —

тра-та —

Живем, как дети:

Фантазии и кружева

У нас в глазах.

Мы всё еще —

тра-та-

та-та —

В сияющем расцвете:

Живем три четверти

На конструктивных небесах.

В душе без пояса,

С заломленной фуражкой,

Прищелкивая языком,

Работаем,

Свистим.

И ухаем до штата Иллинойса.

И этот штат

Как будто нам знаком.

По детской географии за прыжкой.

Мы в 40 лет —

бам-бум —

Веселые ребята:

С опасностями наобум

Шалим с судьбой-огнем.

Куда и где нас ни запрятай, —

Мы всё равно не пропадем.

Нам молодость

Дана была не даром

И не зря была нам дорогá:

Мы ее схватили за рога

И разожгли отчаянным пожаром.

Нна!

Ххо!

Да!

Наделали делов!

Заворотили кашу

Всяческих затей.

Вздыбили на дыбы

Расею нашу.

Ешь!
Пей!
Смотри!
И удивляйся!
Вчерашние рабы —
Сегодня все —
Взъерошенный репей.
Ей, хабарда! ¹
На головах, на четвереньках,
На стертых животах ползем.
С гармошкой в наших деревеньках
Вывозим на поля назём.
Фарабанста!
Мы в 40 лет —
ой-ой!
Совсем еще мальчишки:
И девки все от нас
Спасаются гурьбой,
Чтоб не нарваться в зной
На буйные излишки.
Ну, берегись!
Куда девать нам силы, —
Волнует кровь
Стихийный искромет:
Медведю в бок шутя
Втыкаем вилы,
Не зная, куда деть
40-летний мед!
Мы,
Право же, совсем молокососы.
Мы учимся,
Как надо с толком жить,
Как разрешать хозяйские вопросы:
Полезней кто — тюлени аль моржи.
С воображеньем
Мы способны
Верхом носиться на метле
Без всякого резона.

¹ Сторонись (тюркск.).

И мы читаем в 40 лет
В картинках Робинзона.
И это наше *детство* — прелесты!
И это наше счастье — рай.
Да! В этом наш Апрель есть.
Весна в цветах —
 Кувыркайся!
 Играй!

 Эль-ля!
 Эль-лѐ!
Милента!
 Взвей на вольности!
Лети на всех раздутых парусах, —
Ты встретишь впереди
 Таких же,
У кого
 фантазии
 конструкции
 в глазах.
 Эль-ля!
 Эль-лѐ!

Мы в 40 лет —
 юнцаи —
Вертим футбол,
 хоккей,
 плюс абордаж.
А наши языки
Поют такие бой-бряцаи, —
Жизнь
 за которые
 отдашь!
 Эль-ля!
 Эль-лѐ!

1924

70. ВЕСНА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Солнце! Солнце!
Весна развеснилась.
Высоко облака-соболя.

Снова нам
Урожайную милость
Обещают поля.

Реки вскрылись,
Полны половодьем,
Всем лугам насыщенье несут.

И над каждым
Крестьянским угодем
Разгорается зуд.

Так и хочется
Врезаться в землю
Иль с разбега в раздолье бирюзы.

Я стихийному голосу внемлю,
Я иду
На весенний призыв.

Так и хочется
Взяться за дело
И отдать свои силы стране,

Где живется мне
Радостно, смело,
Где со всеми мой труд наравне.

Солнцем
Сердце мое растревожено:
Всюду вижу работы межи.

Нам ли ныне
Без дела возможно
Хоть минуту прожить!

Эй вы, кровью
Вспененные песни,
Научите шагать веселей,

Чтобы наши поэмы
Воскресли
В урожайности тучных полей.

Доля наша —
Отныне заветная:
Быть в сиянии — Ленина знать,
Вот отчего
Жизнь советная —
Неотцветаема весна.

1925
Каменка

71. КАМЕНКА

Дом как дом.
Крыша как крыша.
Труба.
Дым.
И вообще — разные мелочи по хозяйству.
Вейлка.
Жатка.
Плуг.
Борона.
Сеялка.
Разумеется: лошадь, коровы, овцы, свиньи, куры.
Многополье.
Луга.
Огород.
Речка.
Лес.
Одним словом — ядреное деревенское раздолье,
Алеша пашет.
Маруся боронит.
Ребята играют.
А я?
О несчастный, я целые дни пишу да пишу
Романы.
Пьесы.
Рассказы.
Стихи.
Письма.

Проработаю, товарищи! Впрочем, вечером
Я — рыбак.
Налимы.
Щуки.
Окуни.
Ерши.
Пескозобы.
Честное слово: почти каждый день едим уху,
Если,
Конечно,
Нет
Дождя.

А если да — отличная погода. На Сылву!
Сылва-река —
Посыл рыбака.
Так бы и жить в шалаше.
В шалаше — хорошо.
Тишина в шалаше
Не мешает душе хорошеть.
В омуте плёско.
Кинута блестка.
Поставлены уды
На щук.

Клюнет и — дерг —
Ко дну и — дерг, —
Я подсекаю, ташу.

Уважаю рыбачить с толковым усердием мастера.
Вся эта история
Продолжается до
1-го августа, до
Открытия охоты.
А раз — охота, эх, черт возьми, тут — жизни!
Хлеб в котомку.
За пояс чайник.
Позвал собаку —
И айда! С ружьем!

Куда? Понятно, на дикие озера к уткам.
Шагаю трактом.

Тракт.
Тракт.
Тракт.

Верст двенадцать
Надо гнаться.

Так.

Так.

Так.

Мимо:
Избы.
Люди.
Кони.
Лес.
Поля.
Луга.

Топ.

Топ.

Топ.

Ага!

Топ.

Стоп.

В лоб.
На месте!
Пожалуйте.
Ждут.

Озеро, как в колыбели,
Спит в голубой голубели.

Камыши — сторожа.
Камыши не дрожат.

Тишина такая — будто и нет никого, ничего.

В камыши
Утянулась
Собака.
Булькает.
Ищет.

И вдруг — это самое — сырое и нежное в воздухе
Кре-кре-кре.

Тррах!

Шлеп.

Пиль.

Вот.

Собака плывет.

Собака в зубах выносит на берег утку.

Снова — буль-буль.

Снова кре-кре.

Снова пальба не на шутку.

Кончено.

Солнце село в лес густой.

Месяц в небе звезды стер.

Я — под липой, на постой.

Греет чайник друг-костер.

Дремлет пес.

А мне не спится:

Я бы мысли дымом нес

К облакам,

Как колесница.

Всё бы думал,

думал,

думал.

Всё бы слушал тишь.

Стал бы озером без шума

Слушать ночь, камыш.

Да, удивительно жить в этом мире, черт подери!

И без озер

Я — фантазер,

А тут — капут.

Развесил по кустам портяночки, как флаги

На параде,

И воображаю,

Что весь мир

Живет

Меня ради.

Подумаешь — какой главнокомандующий. Ого!

А в сущности, не зря,

Серьезно говоря,

Не вижу разницы

Между собой

И пеом и той совой,

Что в одиночестве лесов выкрикивает признак свой.

Так вот, раздумывая

У костра,

Пишу я другу:

Да, жизнь пестра.

Но Каменка —

Мой философский

Угол.

Что — Каменка?
Еловый дом.
Еловая и крыша.
Но гордость мудрости тут в том,
Что под еловой кровлей,
Под этой деревенской крышей
Живет

Американских небоскребов выше
Организованная бодрость бытия.

Да, мы бедны —
В библиотеке мыши,
А все-таки Советской
Прекраснее страны,
Где каждый день раздолью дышит,
Нет на свете, нет!

Нет, не потому, что я — поэт
И фантазер
Среди озер,
А потому, что только
В простоте и бедности
Можно истин свет нести.

Иду на откровенность, как ни сер:
Будь я богат,
Не был бы —

Поэтом,
Рыбаком,
Охотником
И гражданином СССР.

И никакой бы
Солнечный закат
Меня не привел на этот приозерный скат.

И главное:
Будь я — Морган,
Меня бы снес
Октябрьский
Ураган.
Моргал бы я
В подвале.
И так дале.

А теперь — ххо-хо!
Вот царствую под липой
С ружьишком у костра.

Не жизнь, а — рай.
Сделай одолженье —
Выбирай,
Как говорится: либо — либо.
Да, жизнь пестра.
Привольно и тепло
Чаевничать под липой.

Пес спит.
Озеро спит.
Ночь — малахит.
Туманы — опал.
Рубин — на заре.

Слышится крик в мокре:
Кре-кре.

Р. С. С 1931 года мы с Каменкой в колхозе.

1925

72. ТОПОР

В глухом лесу стучит топор,
В глухом большом лесу.
С недавних, лишь советских пор
Здесь люди жизнь несут.
 Руби, топор,
 Руби, руби,
 Звени и строй. Труби.

Звенит топор весь день-деньской.
Идет в деревне стройка.
Несется шум. Язык людской
Бубнит, как мчится тройка.
 Руби, топор,
 Руби, руби,
 Звени и строй. Труби.

Поет топор. По бревнам гул.
И песнь его ясна:
Пришел черед, пришел разгул —
Строительства весна.

Руби, топор,
Руби, руби,
Звени и строй. Труби.

Совет топор: руби, чеши,
Ты строй за домом дом.
Пускай бедны мы — малыши,
Мы вырастем потом.
Руби, топор,
Руби, руби,
Звени и строй. Труби.

Пришла в советский новый бор
Счастливая пора!
Так говорит, рубя, топор.
Растет колхоз-гора.
Руби, топор,
Руби, руби,
Звени и строй. Труби.

<1927>

73. МОСКВА В ОКТЯБРЕ

Москва в Октябре,
Как зима в серебре,
Как зима,
Распушенная звездно,
Когда выйдешь на улицы —
Хруст на ковре,
Белизна искровет морозно.
В воздухе — юность!
От снежной волны
Мысли в разумность
Разбега полны:
Хочется жить
На хрустящем ковре,
Хочется жить,
Как Москва в Октябре,
В алом празднике звезд,

В карнавале знамен,
Чтобы жизненный мост
Был на славу умен
От великих имен
Солнцеликих голов,
Кто, как снег,
Стойких слов
Разостлал нам ковры
Для счастливой,
Победной поры.
Слава вождям!
Шире пусть разольются
Дела их в путях
Мировой революции.
Оттого и светло
От снегов в серебре,
Оттого и Москва
Хороша в Октябре.
Улицы в празднике.
Юность наскаками
Брызжет
Со всех концов:
Между домами
Балконно-высокими
Сыплются
Стаи юнцов.
Их барабаны
Да кудри вразлет
Вихрем задорным
Простор разольет.
И будет Москва,
Как зима в серебре,
Хрустко звенеть
От шагов на ковре,
От рабочих шагов
В Октябре.
Так бы и жить
Да работать бы в дым,
Чтоб навеки остаться
С Москвой молодым.
И расти б в высоту,
Как растут этажи.

Так бы и жить —
Насыщать красоту
Новью дней и огней,
Новью лет, новью зим.
Мы в разбеге
Весь мир поразим!
Как столицу свою
За пятнадцать годин
Перестроили заново вдрызг,
Так бы жить и сиять:
Победим! Победим!
Разгоримся
От солнечных искр.
Не устанет Москва,
Как зима в серебре,
Вместе с нами
Нести
Торжество в Октябре.
Не устанем и мы
От великой зимы,
Когда славное слово
«Пятнадцать»
Открывает простор
На горячий восторг —
До конца
За победами гнаться.

1932

74. НОЧЬ ЛЕСНАЯ

Серебряным лебедем
Солнце всплывало
По глубокому озеру
Синих небес.
Утро, туманное
Сняв покрывало,
Шло гулять на поля
И в проснувшийся лес,
В зелень-блеск.

А в лесу птичий свист
Переливно-лучист.
И в алмазах росы
Блестит трепетный лист
Изумрудной
Прозрачной красы.
Утро любит своей
Тишины полосу,
Хорошо в эту пору
В лесу:
Зачарован покой
Хвойных
Плавных гирлянд.
Глянь — повис голубой
На цветке бриллиант.
Слухом душу
Наполни, согрей —
Звуки тайны несут:
Много птиц и зверей
На Урале в лесу.
Там, где тень,
Сядь на пень
И тихонько вникай —
Что сулит
Обещающий день.
Жуй малину свою.
Наблюдай и вдыхай
Ароматов струю
И будь мудр —
Пей с любовью красу.
Думай: много ли
Солнечных утр —
Ты увидишь в лесу?
А ведь тут
Звуки жизни
Симфонию ткут.
Пей с наслаждением
День по глотку.
Только лишь
Тишь —
Слышь:

Мышка лазит в норе
У самых ног,
Где мох.
Жук ползет по коре
У самых глаз.
Будто для ласк.
Муравьи —
На игольной горе.
Кто им помог?
Бабочки —
В лётной игре.
Рыжая белка,
Как свечка, зажглась
На сосновом суку.
Вздумалось власть
Проявить барсуку:
Заботливо роет
Зверюга лесной
Ход запасной.
Ястреб летит
По-над лесом,
Планирует бесом,
Птички в тревоге:
Враг на дороге.
Эй, берегись!
Тишь.
Слышь:
Клёст кривоклювый
Поет, будто
Трель мандолины.
Где-то дятел
Стучит
И кричит из долины.
Где-то рябчик
Вспорхнул
У пунцовой малины.
Где-то заяц,
Ушастый красавец,
Сучок обломил.
Заяц серенький мил:
Видно, бродит лисица
(А серый боится),

И за нею следит
Осторожная птица.
Подает другим весть —
Кто-то страшный тут есть.
Снова только лишь
Тишь.
Слышь:
Где-то хрустко
Мнет ветвь
Иль куница,
Иль медведь,
Или рысь. Чуй.
Или лось.
Много звуков,
Тайных стуков
В тишине лилось.
День-деньской
Так до зари,
Когда смолкнут
На осинах глухари.
Когда вяхирь
Перед сном
Проворкует
О лесном
Закате дня,
Ко сну маня,
Ночь под синей
Шалью мглы
В лес войдет
Во все углы.
Тихо.
Только пробежит
Прохладный ветер,
Чуть раскинет
Листьев веер,
Чуть потреплет
Сон гирлянд.
И теперь
Уже на небе
Заиграет бриллиант.
И еще другой...
Кругом краса.

И теперь уж
 Россыпь звезд —
 Самоцветная роса.
Или будто
 Блесткий зуд —
Светлячки
 Небес ползут.
Снова тишь.
 Летает мышь.
Будто тихо.
 Нет, не верь —
Где-то рыщет,
 Ищет пищу
 Лютый зверь —
Коварный волк
 Или медведица —
Ой, в кого-то
 Нюхом метится.
Всё возможно.
 Ночь лесная
На Урале —
 Это сказка-быль тайги:
Там, где мышки
 Днем играли, —
 Ночью шкуру береги.
Там, где утром
 Пели птицы, —
Филин перья
 Рвет синицы.
Там,
 Где бегали зайчата, —
Землю роет
 Лапа чья-то.
И опять — чу,
 Треск сухой:
Кто-то
 Крадется лихой.
Но не страшно.
 Ночь пестра.
Хорошо спать
 У костра,

В котелке
 Чаёк варить,
С другом нежно
 Говорить,
И под чарочку винца
 Хрумять
 Сочность огурца.

<1939>

75. ЗИМА

Урал в снегу.
 Одна лишь белость.
Лебяжьим пухом
 Жизнь оделась.
Сковала льдами
 Пруд, реку
 Студеная зима.
Пушистой ватой
 Засыпала
 Дорогу рыбаку.
Придвинула
 Все горы ближе.
Охотника
 Поставила на лыжи —
Иди, кружись
 И покажи нам
Эту жизнь,
 Где бегают
 Зверюги по вершинам.
Бери ружье
 Да лайку,
Хлыст, топор,
 Махорку, рукавицы.
 Закуривай. Айда!
В затишьи гор
 Ждут белки
 У еловых шишек.
Смотри, уж мнится —
 Это след куницы.

Поглядывай.
Будь четок.
Вот снегирей,
Чечеток
Стан.
Покажутся — жди —
Горностаи.
А на снегу, смотри,
То рябчики,
То глухари,
То косачи поодиночке,
То заячьи следы
В три точки.
А то лисицы —
Ямки ниткой.
По снежной карте,
Как по книге,
Умей прочесть
В охотничьем азарте —
Кто где живет
И что жует,
Ушел куда
Не без следа.
Прочти, обдумай,
Вновь айда.
Пусть лает лайка —
Не беда:
Она на белку злится.
Скорей свисти.
Зови. Гляди
На след —
Прошла куница.
И ну за ней —
Идет грядой.
Снег сыплет
Белой бородой.
Гони, как черт!
Гони! Поверь, —
Пушнина первый сорт
И важный зверь.
Гони неутомимо.
Угнал охотничек.

Не видно.
 Тишь. . . Бах-бах!
 Авось, не мимо.
В зимнем лесу
 Видишь снежную
 Сказку-красу,
Завороженность тайн
 Логовищ, и следов,
 И сугробов, и нор,
Голубое молчанье
 Хвойных
 Кряжистых гор.
Тишине не верь.
 Снег спадет —
 Поднимется ветвь.
Помни —
 Где-то спит медведь:
Над берлогой
 (Зверь во сне)
Ветви
 Сбрасывают снег —
От его тепла.
 Всё — значенье,
 Смысл и толк.
Чу! Там стук —
 Сломался сук.
Помни — где-то
 Бродит волк.
Будь начеку
 И храбр, как лев.
Ты на охоте,
 Клыки преград
 Преодолев,
Наверно, будешь
 Страшно рад
 И мужеству, и силе,
Что по горам
 Охотника носили,
Что видел дивный
 Снежный лес
И с наслаждением
 В уют домашний влез.

СТЕПАН РАЗНИ:

Фронсайт берега,
Бережут берега,
Скережут рога
врага
Ага!

У.
У.

врагов -
куйцов, князей, бояр
или робудем парчу,
золотой да саболий
товар.

У.

Едут!

Меж крутых берегов
Среди гор-стариков

Зима уральская —
Нарядная зима.
Всегда затейница,
Пушистая сама,
В алмазный
Блеск снегов
Оденется,
И ну — гулять
В день солнечный
По улицам в селе.
И сердцу веселей.
И праздник прост:
Ах, сколько на щеках
Пунцовых роз
В мороз.
Сколько рубиновых
Улыбок
Стройных модниц —
В сиреневых платках,
Приветных
Разговорчивых колхозниц.

<1939>

ПОЭМЫ

76. СТЕПАН РАЗИН

ДРОЖАТ БЕРЕГА

Дрожат берега,
 Берегут берега,
 Стерегут рога

Врага.
 Ага.
 Чу.
 У врагов —

Купцов, князей, бояр —
 Мы добудем парчу,
 Золотой да соболий

Товар.
 Чуй.
 Едут.

Меж крутых берегов
 Среди гор-стариков

Атаман
 Прогремел
 В барабан:

Меж крутых берегов
 Стая быстрых стругов

Окружает
 Большой
 Караван.

Ночь — темна.
 Кровь — хмельна.
 Жизнь — вольна,
 Да неволит на Волге
 Волна:

Эй, сермяжники,
Беритесь за привычку —
Дорогих гостей встречать.
Эй, гуляй —
Сарынь на кичку!
Наворачивай сплеча.
Драли,
Жали
Бары
Долго
Крепостную гольтьбу.
А теперь —
Бунтует Волга
За сермяжную судьбу.

СВИСТИ, КИСТЕНЬ

Дрожат берега.
Раскатилась река.
Раззудилась рука
казака —
Степана
Свет Тимофеича
Разина.
Сарынь на кичку!
Мрази, на!
Разуваживай гостей,
Эй, глуши,
Свисти,
Кистень,
По царевым медным лбам.
Бам!
Бам!
Бам!
Бацк!
Буцк!
Лязг!
Мызг!
Хряст!
Хруст!
Ряск!
Вдрызг!

Бам!
Вам!
Дам!

Чеши,
Мотай,
Откалывай.

Вяжи,
Хватай,
Размалывай!

А вот чивай!
Да вот чивай,
Да чаще брагой
Потчевай.

Ишь, боярские пузы
Разжирели
На холопских хлебах.

Жрут
Пироги,
Щи,
Арбузы,

А мы — на бобах.
Ббах!

Что их жалеть, —
Когда нас за скотов
Держат в конюшнях,
Баранами.
Расправа их — плеть,
Помещицья
Плеть.

Мы же за то
Потешим себя
Караванами.
И пока наша доля сермяжная
Разобижена
Палачами, —

Берегись
Ты,
Отродие княжное,
Обожравшее нас калачами.
И пока
Наша доля-раздольница

Чует слезное

Горе батрацкое, —

Ты бунтуй,
Понизовая вольница,
За житье наше братское.

И СЕКУТ ГОСПОДА РАБОВ

Ночь — как смола,
Бедой полна.
Ночка смела,
За волной — волна,
Ноченька буйная.
Спать пора:
Ватага ушкуйная
Скрылась в горах,
В норах!
В дырах!
Страх!
Ах,

Какой *страх*
Кровавый
Грозой над землей повис:
В Жигулевских горах оравой
Бунтует
Холопский низ.

Этот страх
На Москве живет —
На престоле
Царя Алексея:
Царь с князьями
Спасает живот,
Мечь в конюшнях
Дворянскую сея.
И секут
Господа рабов
До остатной
Предсмертной боли,
Не жалея
Крестьянских горбов,

За думы
 О разинской воле.
Потому
 И бегут
 По дорогам, как волки,
Бедная,
 Беглая,
 Серая рвань,
Чтобы там —
 На уютной
 Кормилице-Волге —
Встретить
 Вольности
 Первую рань.
Потому и
 Текут
 Быстротечно ручьями
В людской
 Океан
 Удалого кольца,
Чтобы
 Упиться,
 Как брагой, речами
И волей
 Степана,
 Атамана-отца.
Ой, времечко настало дивное —
Дивные вершить дела.
Лейся, песня переливная,
Закуси, конь, удила.
 Ходу!
Ой ли, молодчики,
Соколики ясные,
 Все мы на Волгу
 Направим пути, —
Знай лети
Да лети,
 Не сворачивай!
 Х-хэй!
Времечко приспело спелое —
Выросла в лугах трава.

Размахнись ты,
Удаль смелая,
Отчаянная голова.
Выравнивай.
Держись
За жизнь.
Хха-вва!
Чох — на ветер.
Вражью кожу — на шест.
Мясо — собакам.
Кости — в ров.
Степан Тимофеич,
Будь здоров!

ЧУГУННОЕ ЖИТЬЕ

Эй, борода.
Слышь, он —
Разин
Берет города:
Царицын,
Камышин.
Радуйся,
Ратуй:
Казань,
Самару,
Саратов
Разин возьмет,
Как мед.
Ох, пусты
Господские пороги, —
Ох, густы
Сиротские дороги,
Ох...
Стой!
Стан!
Стыны!
Смотри!
Стой, ба!
Стой,
Голытьба!

Мы и впрямь
 Дошли до толку, —
 Мы и впрямь
 Глядим на Волгу:
 Ширь.
 Ярь.
 Гладь.
 Тишь.

Кто
 там,
 чуй,
 слышь:

Сидит
 человек
 на сосне
 с кистенем, —

Поет
 человек
 о своем
 соловьем:
 «Чугунное житье!
 Ношу кривой
 Татарский нож,
 Индейское копье.

Раскинул —
 Ловок и хитер —
 Я на сосне
 Шатер
 И хохочу.
 Хочу —
 кричу,
 точу
 топор
 грачу.

И жгу смолье —
 Мое
 Жилье.

В четыре пальца просвищу —
 Шарахнется сова,
 Забьет крылом —
 Веслом в пролом.

Людей
Не вижу,
Не ищу...»

И выплюнул слова:
«М-м-мы-чу —
Ядреный вол лугов.
Морковное жрать!»

Повесил
На рога врагов.
Шершавый ствол —
Старуха мать.

Пошел —
Жую рябину —
Сучье ломать.

Ядрена мать — земля,
Чугунное житье.

Теперь —
Ого! —
Возьми
Его.

Не трожь,
А то — ббах —
Весь просвистень.
Нож —
В зубах,
В лапах —
Чугунный
Кистень.

Этому надо глазеть
Во все стороны, —
Этот зверь
Теперь — озорный.

Зорко распялил
Глазища.
Рыщет:

Не едет ли
чище
пища?

Не везут ли
товары
бары?

Ждет — не пора ли,

Чтоб все заорали:
«Други,
На
Струги.
Айда!»
Да.

А там —
По местам,
В дырах,
В горах
Серые люди.
Нет им числа.
Люди —
Сермяжная рать.
Воля-Волга
Сюда принесла
Этих людей
Умирать
За таких же
Людей-лебедей.
За таких же,
Нуждою раздетых
Да плетью испоротых,
О, где ты,
И скоро ль ты,
Голытьбина —
Расейская голь,
Отомстишь за себя,
Чтоб враздоль
И во веки веков
Снять железо оков
С батраков?

А ты,
Волюшка-Волга,
Сохрани, сбереги,
Собери на бивачки:
У тебя —
У матерой реки —
Хватит волн
Для раскачки.

САРЫНЬ НА КИЧКУ!

А ну, вставайте,
 Подымайте паруса,
Зачинайте
 Даль окружную,
Звонким ветром
 Раздувайте голоса,
Затевайте
 Песню дружную.
Эй, кудрявые,
На весла налегай —
 Разом
 Ухнем,
 Духом
 Бухнем,
 Наворачивай на гай.

Держи
Май,
Разливье
Май, —
 Дело свое делаем, —
 Пуще,
 Гуще
 Нажимай,
 Нажимай на левую.
На струг вышел Степан —
 Сердцем яростным пьян.
Волга — синь-океан.
 Заорал атаман:
 «Сарынь на кичку!»

Ядреный лапоть
 Пошел шататься
 По берегам.
Сарынь на кичку!
 В Казань!
 В Саратов!

В дружину дружную
 На перекличку,
 На лихо лишнее
Врагам!
 Сарынь на кичку!

Бочонок с брагой
 Мы разопьем
 У трех костров,
И на привольи
 Волжском вагой
Зарядим пир
 У островов.
 Сарынь
 На
 Кичку!
Ядреный лапоть,
 Чеши затылок
 У подлеца.
Зачнем
С низовья
Хватать,
Царапать
 И шкуру драть —
 Парчу с купца.
Сарынь
 На кичку!
Кистень за пояс,
 В башке зудит
 Разгул до дна.
Свисти!
 Глуши!
 Зевай!
 Раздайся!
Слепая стерва,
 Не попадайся! Вва!
Сарынь на кичку!
 Прогремели горы.
Волга стала
 Шибче течь.
Звоном отзвенели
 Острожные затворы.
Сыпалась горохом
 По воде картечь.

Струги-стаи
 Налетали —
 Брали города.
Други-стаи
 Помогали
 Битву коротать.
Третьи стаи
 Набегали —
 За ордой орда.
А вся стая —
 Русь босая —
 Скоро та
Одолела,
 Завладела
 Волгой сирота.
Вольница шумела:
 «Волги мало нам, —
Мы из Астрахани двинем
 В море по волнам,
Двинем в Персию — туда,
 Где восточная звезда
Нам сулит
 Ковры-дары.
 Айда!
 Айда!
 Айда-а-а-а-а-а!»
Будь что будь!
Снарядились да грянули
 В путь да путь.
Ветер морской
 Парус раздул, —
Возле берега
 Чайками мчал.
Не думал персидский
 Султан Абдул,
Какой его
 Ждет причал.
Ветер морской —
 Лихой борец,

Да мудреный,
Ядреный,
Осиновый,
Сам не свой,
И зову:
Эй, Мейран,
Чуду приспело
Родиться недолго —
Струги легки
И быстры.
Со славой-победой
Увезу я на Волгу
Зажигать удалые
Костры».
При янтарной игре
Полумесяца,
Когда звезды любви
Поднебесятся,
Отвечала Мейран:
«Ай,
Хяль бура бен,¹
Аббас,²
Селям, селям,³
Степан».
Затуманился парень...
А султан
Сдвинул брови:
Захотелось ему
Изведать
Ушкуйничьей крови.
Стража султанская
Решила врасплох
Загубить понизовых гостей.
Да не тут-то было.
Крепка голова атаманская,
Глаз дозорных не плох,
Да за поясом верен кистень.
И знакомо султаново рыло:

¹ Я здесь (турецк.).

² Собственное имя (перс.).

³ Здравствуй (тюркск.).

Не объедешь на кривой, —
С князем встреча не впервой.
С князем встреча —
Это сеча,
Это рвани смертный вой.
А раз так —
Сарынь на кичку!
Не жалея
Врагов костей.
А раз так —
Вали на стычку!
Опп да в лоб!
Просвистел кистень гостей.
Ну и пир!
Не пир — гора.
Реки льются серебра:
Сабли — востры,
Персы — пестры,
Кровь — узорнее
Ковра.
Ну и пир!
Не пир — гора.
Разгулялась вольница
Во дворе султана,
Нагрузилась гольница
Золотом-добром,
И снялась застольница
Соколиным станом, —
Понеслась раздольница,
Как весенний гром.
Из заморских тех стран
Победитель-чудесник
Степан вывез Мейран
Под гусярские песни.

КАМНЕМ ЛЮБОВЬ ЗАЛЕГЛА

Ветер морской
Паруса раздул,
Возле берега
Чайками мчал.

Прощай ты, переидский
 Султан Абдул,
 Да запомни
 Сермяжий причал.
 Ветер морской
 Паруса вскрылил.
 Залетным вином
 Разлились разговоры.
 Лихо неслись
 По волнам: корабли
 Домой —
 В Жипулевские горы.
 А на ковре атаманском,
 На тегеранском ковре,
 На заре,
 Шею Степана обвив,
 Пела Мейран о любви:
 «Ай,
 Хяль бура бен,
 Аббас,
 Селям,
 Джам-аманай,¹
 Джам-аманай.
 Ай,
 Пестритесь, ковры, —
 Моя Персия.
 Ай,
 Чернитесь, брови мои,
 Губы-кораллы,
 Чарн-чаллы.
 Ай,
 Падайте на тахту
 С ног, браслеты.
 Я ищу —
 Где ты?
 Ай,
 Золотая, звездная
 Персия.
 Кальяном душистым

¹ Возлюбленный (перс.).

Опьянилась душа,
Под одеялом шурша.

Ай,

В полумесяце жгучая
Моя вера — Коран.

Я вся —

Змея гремучая, —
Твоя Мейран.

Ай,

Всё пройдет,
Все умрут.
С знойно-голых ног
Сами спадут
Бирюза, изумруд.

Ай,

Ночь —

В синем разливная,
А в сердце ало вино.
Грудь моя — спелая, дивная.

Я вся —

Раскрыто окно.

Ай,

Мой Зарем,
Мой гарем,
Моя Персия».

Слушал Степан
Зачаруйный дурман,
Слушал Степан
Эту песню Мейран,
Слушал, как пьян
От любви, атаман.

Жмурился:

Персиянка
Хвалена —
Любовница
Смелая.

Две любви:

Мейран
да
Алена, —

Лебедь черная,
Лебедь белая.

Не много ль любви?
 Алена — донская,
 А эта — заморская.
 Не много ль любви?
 Да и след ли —
 Атаману
 В тумане бродить!
 Будто глаза
 Ослепли
 И камнем любовь
 Залегла в груди.
 Будто впрямь
 Потерял высоту, —
 Заблудился
 На склоне осиновом
 Да запел:
 «Не живать мне в саду,
 Не бывать в апельсиновом».
 Волга для вольницы
 Счастьем течет, —
 Отцу Тимофеичу
 Знатный почет:
 От края до края
 Холопская голь
 Власть свою правит
 По Волге в раздоль.
 Победы разгулом,
 Весельями дразнятся,
 Да только огулом
 Ругаются разинцы:
 «А ну ее к рожну —
 Персидскую княжну!
 В Волгу дунь ее,
 Колдунью.
 Не до баб нам, атаман,
 Когда с войском караван
 От царя идет в заимку.
 А ты с бабой спишь в обнимку.
 Слышь?
 Дуны!
 Кипь!
 Бросы!

А то
сердце
с нами
врозь.
Брось!»

УТОПИЛ КНЯЖНУ

И вот,
Груди гордые выправив
В ожидающем трепете,
Струги стали на выплави,
Как на озере лебеди.
Тишь.
Жигулевские горы
Солнце вечера режет.
Устремились гор взоры
На густеющий стрежень.
Ждали.
На струг вышел Степан
Из шатровой завесы,
А в руках — гибкий стан
Извивался принцессы.
Взмах!
И брызги алмазные
Ослепили глаза.
Песни бражные, праздные
Разлила бирюза.
Прощай!
Степан, как в бреду,
Воем выл псиновым:
«Не живать мне в саду,
Не бывать в апельсиновом»,
Там,
На зыбкой стремени,
Затихла песня горская, —
В любви погибли две жены —
Донская да заморская.
Ой, Мейранушка,

Ой, Аленушка,
Болит ранушка
У дитенышка.

Да болит не столь —
Не кричи, не лазь, —
Лишь бы серая голь
Не кручинилась.

Васька Ус — есаул —
На помин затянул:
«Катись ее имечко
На высоких облаках,
Вспоминай ее вымечко
За брагой в кабаках.

Ой, да взгорю я на гору,
Взлезу на ель высоченную,
Раскачаю вершину,
Раздую брюшину,
Засвищу, заору,

Исцарапанной мордой
Зачураю свою нареченную:

Чур,
Чур,
Чур!

Последнее дело
Возиться с бабьем.
Первое дело —
Дубасить дубьем.

Я — Васька Ус,
Охотник до царских пуз,
Дрался множество раз,
А вырвали только
Ус да глаз.

Вот и зеваю
Голодным медведем,
Будто за коровами
Едем.

Натерпелись по барским
Острожным мешкам, —
Эх, дать бы им всем
Кистенем по башкам.

Захурдачивай да в жордупту,
По зубарам сыпь дубинушшом.

Расхлобьсть твою, ой, в морду ту,
Размочардай в лоб рябинушшом.

А ишшо взграбай когтишшами
По зарылбе взыбь колдобиной,
Чтобыш впрерь зуйма грабишшами
Балабурдой был, худобиной.

Шшо да шшо! Да ненашшоками,
А впроползь брущиной шшай:
Жри ховырдовыми шшоками —
Раздобырдывай лешша».

ВЕРШИННЫЙ ЗАВЕТ

Чуял Степан,
 Как чесался руки,
Как пир побед
 На простор хлебосолон.
Видел Степан,
 Как вздымались струги
На груди
 Разметавшихся волн.
Восходил атаман
На высокий утес
Думать думы свои наяву, —
 Там на крыльях он нес
 Свой вершинный завет —

Голытьбинный

поход

на Москву:

Не для того ли
 Затеи задумные
На утесе
 Рожаем высоком,
Чтобы наши
 Победушки шумные
До Москвы
 Докатились наскоком?

Ты запомни, утес,
Нашу
Реченьку
Слез.

Не для того ли мы,
Кровью забрызганные,
Голой ратью
Идем напролом,
Чтоб сиротские души,
Измызганные,
Встрепенулись
Полетным крылом?
Ты запомни, утес,
Нашу
Реченьку
Слез.

Не для того ли мы
Головы буйные
Раскачали
В была не была,
Чтобы наши
Разбеги ушкуйные
Перелить
В славу-колокола?
И ты помни, утес,
Нашу реченьку слез, —
Отпусти, снаряди
В час грозовья.
Ты поведай, утес,
Как бунт волю развез
С понизовья.

За народ обездоленный, бедный,
Да за Русь за сермяжку свою
Я о том,
Что изжито-изведено,
Со слезами о воле пою.

Для меня воля вольная слаще
И пьянее любви и вина, —
Лишь бы жизнь молодецкая чаще
Была дружбой единой сильна.

Я для дружбы родился
Могуч и ядер,

Чтобы мой жигулевский
Разгул стал мудрен.
Эх, и гордая
Удаль моя —
Вдовушка.
День мой —
Ретивый и горячий
Конь в бою.
Я ли да не знаю,
За что свою головушку
Буйным бурям отдаю.

ПАЛАЧИ СТЕРЕГЛИ

Дрожат берега,
Берегут берега,
Стерегут рога
Врага.
А
Вражьей силы не счесть, —
Вся дворянская честь
Службу царскую несть
Собирается люто:
Мечь!
Мечь!
Мечь!
Злоба вражья сильна:
У врагов и казна
И стрельцов стена.
Война!
Вой!
На!
На беду — на войну —
Зимовать на Дону
Разин с вольницей
Тронулся в путь,
Чтоб весенней порой
Всей сермяжной горой
На Москву двинуть
Буйную грудь.
Да не так-то, эхма!

Всем сулила зима
Зло предательства —
 Долю обмана:
На казацком Дону —
У себя, на дому —
Палачи стерегли
 Атамана.
Дворянской стеной
За стрельцовой спиной,
Шкуру барскую
 Жадно спасая,
Ощегиненной ратью,
Чернояростной татью
Налетела псов
 Царская стая.
Нежданно для сердца
Захлопнулась дверца:
Взяли Степана,
 Как малолетку, —
К тяжкому дню
Он попал в западню.
Посадили Степана
 В железную клетку.
Говорят, что земля
В этот час роковой
Согрелась
 От сермяжных слез, —
Взвыли избы, поля
 Над отцом-головой,
Вздрыгнул гневом
 На Волге утес.
Говорят, будто Русь
В этот час вековой
Затаила
 Сиротскую месть,
Чтобы после, когда
 Грянет день боевой,
Эту месть
 На врагов перенести.
Так —
По грязным
Ухабам,

На посмешище жабам,
По московской — ямской,
По дороге лесной
Да звериной
Войска
Повезли
Атамана весной —
Перелетной весной —
До Москвы
Топориной.
Степи, долины,
Трава и цветы —
Весенних надежд
Разлились океаном.
А он, кто делами,
Как солнце, светил,
Он и в клетке
Сидел атаманом.

КАВЪНЬ СТЕПАНА

И вот —
В день июньский
Да солнечно-ясный
На площади Красной
Царской Москвы —
Эшафот.
Место Лобное пусто.
Возле —
бояре,
стрельцы
и народ.
Густо.
Люди да люди —
реки людские
Стеклись в человечесий поток.
Волнуются груди,
Как волны морские,
Смотрят глаза на восток:
Это оттуда

На грязной телеге
Пыльные кони везут
Атамана Степана
На помост кровавый,
Везут
На палаческий суд —
На расправу.

Гул.

Стон.

Вой.

Рев.

Смерть замыкала кольцо.

Жуть.

Страх.

Боль.

Кровь.

Блестели секиры стрельцов.
Все бились плечами,
Кричали грачами:
«Навеки с холопами буды!»
Не славой-речами,
А слезы ручьями
Текли на чернеющий путь.
Ближе телега.
Каждый калека,
Каждый боярский холоп,
Каждый ватажный,
Каждый сермяжный —
Падали наземь, на лоб,

Чтоб

В этот час вековой

Навеки проститься

С отцом-головой.

Ближе телега —

Гуще возни.

Везут человека

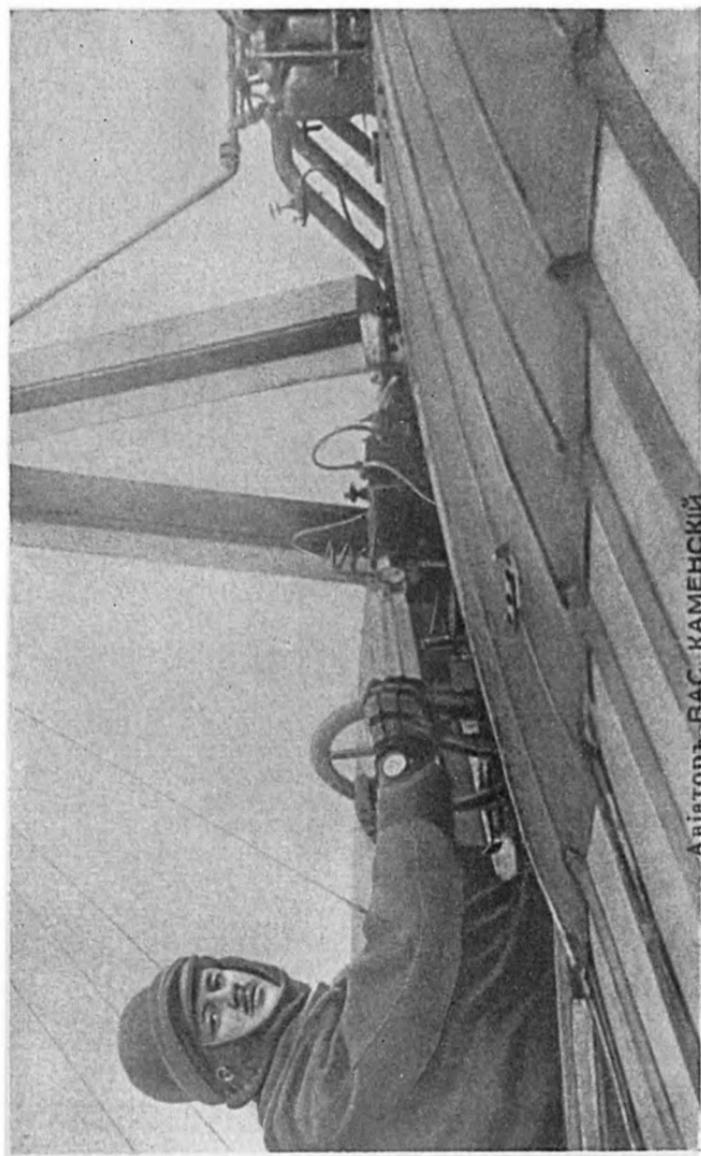
На плахе казнить.

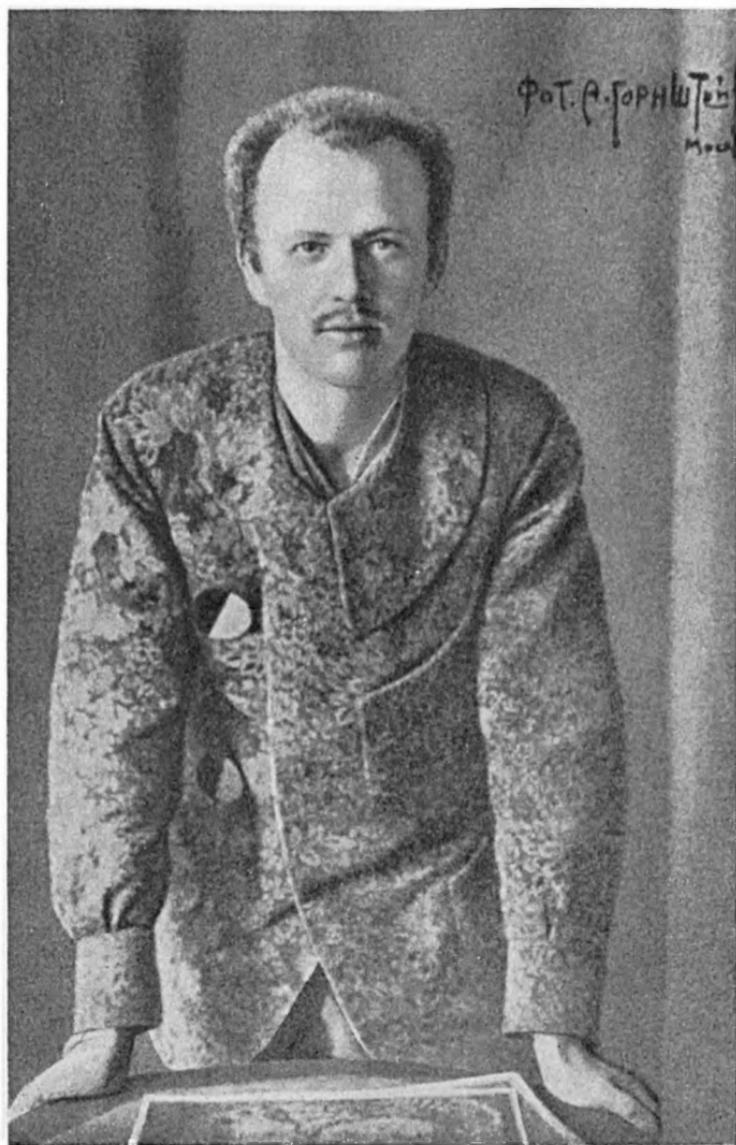
А он — хоть бы что —

Стоит, улыбается,

Будто смерть его

И совсем не касается.

Он стоит —
 Ко столбу
На железо прикован.
Кровь прилипла
 Ко лбу.
Бровь согнулась подковой.
 Человека нет выше,
 И высок его взор иной.
 Грудь открытая дышит
 Под рубахой разорванной.
И не слышны слова его
 В гуще рева страшного:
Глушит звон с колокольни
 Василья Блаженного.
Да не столь перезвонны
Колокола,
Сколь в сердцах перезовны
Былые дела.
 Эх, Степан,
 Золотая отрада,
 Удалая твоя голова,
 Тебе каждая
 Ласточка рада
 Принести утешенье-слова:
Не забудет голодная рать
Тебя в этом
 Истерзанном рубище, —
Будет легче, отец, помирать
 На глазах тебя любящих.
Стала телега
 У смертного места.
 И вот —
 Эшафот.
Густо.
 Шумно.
 Грудно.
 Тесно.
Рев да стон,
Да божий звон —
Всё смешалось в гул земли.
 Сняли цепи со Степана.

Повели.
Сам поднялся по ступеням,
Как всходил на струг.
Атаманским взором кинул,
Оглядел вокруг:
Будто впрямь
Не видел долго,
Не стоял на берегу.
Будто впрямь
Смотрел на Волгу,
На людскую на реку.
То же — солнце.
Те же — волны.
Но не слыхан плач:
Люди тяжким
Горем полны.
За спиной палач.
Воевода — из старших.
Плаха.
Топор.
Дьяк патриарший
Читает царев приговор:
«Бла-го-сло-ве-ни-ем
Церкви святой,
По-ве-ле-ни-ем
Царя православного
Для спасения трона
И веры той,
Стеньку —
Разбойника главного,
Вора присущего,
Крамолу несущего,
За грехи злой резни
Круто
На плахе казнить,
Бесовское рыло,
Дабы впредь неповадно
Другим
Злодейничать было.
Яко всяка душа
Властям предержащим
Повинуется строго.

Несть бо власти, аще
Не от бога.
Анафеме смерть.
Аминь».

Воевода взглянул
На палача на страшного.
Глушит звон с колокольни
Василья Блаженного.
Пьяный палач
Заблестел топором.
Дикий, яростный плач
Раскатился, как гром.
А он, кто на плаху
Свою голову нес,
И в предсмертный час видел:
Там, на Волге,
Высокий утес
Затаил думу в кровной обиде;
Будет время —
Сермяжная рать
Отомстит разом вскачь она.
Эх, красно и легко
Умирать,
Когда дело навеки раскачено.
Так Степан
Взглянул спокойно
На людской густой простор
И без страху
Лег на плаху
Под сверкающий топор.
Казнь свершилась.
Солнце скрылось
За грозовой тучей,
Чтобы гневом
Не на милость
Грянуть местью круче.
Помня волжскую привычку,
Грянуть кличем:
«Мрази, на!
Нна, возьми —
Сарынь на кичку!
За Степана Разина!

Станем помнить
Солнце-Стеньку:
Мы — от кости Стеньки кость.
И, пока горяч,
Кистень куй,
Чтоб звенела молодость».

1914—1918, 1927--1928

77. ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

ПОВЕГ

Бом! Бам!
Бом! Бам!
Загудел казанский храм.
Бом! Бам!
К нам! К нам!
Звал к обедне божий храм.
К нам!
Потянулись богомольные
Помещики,
Дворяне,
Купцы,
Военные,
Народ
Помолиться всем святым,
Всем угодникам седым,
Чтобы шел дым
От ладана, от свеч,
Чтобы с дымом бог помог
Унести грехи, отсечь.
А грехов — помилуй, господи!
Прямо — помело спади:
Что ни шаг,
То порка, плеть.
Сладко барам
В церкви млеть,

Да не сладко
Только тем,
Кто под звон колоколов,
Под иконой божьей матери
Бьет поклонами голов
На чугунной паперти.

Бам!

Бом!

Звон.

Стон.

В перезвон

Бейся лбом

Под слезный пот, —

Авось вымолишь

Копейку

У господ.

— А подайте, ради Христа,

Милостыню убогому,

Испортому, изувеченному,

Голодному, безногому,

Рабу искалеченному,

Из многих многому,

За грехи иссеченному.

— А подайте, ради Христа,

Копеечку темной — слепой,

Богом обиженной,

Людьми униженной

Господской дворовой —

Без хлеба, без крова.

Каюсь, была бы послушней,

Не выкололи бы глаза

На барской конюшне.

— А подайте, ради Христа,

Страннику натужному,

Разутому, раздетому,

Человеку недужному,

Ветрами отпетому,

Холопу в толпе тому,

Кто не складен холопом бысть,

Не прилажен собакой в жисть,

Неприсвоен, невыгоден

На помещичьем выгоне.

— А подайте, ради Христа,
Острожнику шалому,
Бродяге Емеле, хожалому
По местам по казанским,
По степям по казацким.
Подайте на милость,
Воскресения из мертвых ради. —
Густо набилось
Тут нищенской братии.
Бом! Лбом!
Бом! Лбом!

В звоне

Под медный галдеж
Никак не поймешь,
Кто о чем стонет,
Кто чего ищет.

А дело простое:

Тут, среди нищих —
Колодник-буян,
Пугачев Емельян

Христарадничает.

Таскают его караульные
Из острога на праздник
Просить подавания.

Да откормишь разве корками,
Когда кормят больше порками.

Ох, не любит Емелюшка
В остроге сидеть:

Тверда ему постелюшка,
Не по нраву плеть.

То-то он зверем глядит
Из подрылья,

Страшный на вид,
А слова — будто крылья:

«Слушайте, нищие:

Быть тут буче —

В рваной куче

Верных десять человек
Заготовили побег.

Господи,

Благослови на возню,
На помещичью резню.

Русь босая,
 Голодная рвань,
Не люди — овечки,
Рвань-человечки,
 Голь без клыков.
А я эту Русь
 Люто берусь
Переделать в волков.
 Я ведь таков,
Из таковских буян,
 Из донских казаков —
Пугачев Емельян.
 Слушайте, нищие:
Чую толк в пище я,
А пища ждет бражная,
 Ежели наша ватажная
Холопская рать
 Станет, бродяжная,
Добро отбирать
 У дворян, у помещиков,
 У купцов, у монетчиков.
Добро — серебро,
Воля — золото.
 Гулять будем в золоте,
 Как пиво на солоде.
Не гляди на ноженьки,
Что закован в цепи.
 Погляди в дороженьки —
 Ожидают степи.
Степь ты моя —
 Мать ты моя,
Кони вороны!
 Земля ты моя —
Мать ты моя!
 Зуб от бороны я.
Слушайте, нищие!
 Не ради креста,
 Не ради Христа
Пугачев к вам пристал,
 А для сказу
 Без лишнего:

Покуда помещики
Славят всевышнего,
Дела поправимы;
Только как запоют
«Иже херувимы»,
Мы — оглашенный хлам,
Колодники-парни —
Запрем эту дверь во храм
На замок амбарный.
Настряпаем ангелам
Кромешный ад,
Пушай побеснуются
Под золотыми венчиками.
Запрем
Да ударим в набат.
А сами айда
На тройке с бубенчиками.
И караульные с нами.
Все на крови мы!»
Сказано — сделано.
И только запели
«Иже херувимы»,
Как Емельша —
Закованный зверь —
Разом запер
Церковную дверь
На амбарный замок,
На замочину-броню,
Чтоб никто бы не смог
Учинить за Емельшей погоню
По пяткам.
Ну и хватка!
Ну и хват!
Заперли молящихся,
Ударили в набат
Да крикнули:
«Спасайте, православные
Во храме сем
Горят!» Набат!
Горят!
Давай наряд!

Туши обедню!
 Все сподряд
 Угодники горят!
Эй, казанцы!
 Бей в набат!
 Бам-бам-бам!

Оборванцы
 Лезут в ад!
 К вам — к вам — к вам!

Всё смешалось!
Эка жалость —
 Корки в кузовке.
Всё смешалось!
 Эка шалость —
 Церковь на замке.

В дверь дубасят херувимы, —
 Им бы гнаться сгоряча
Вслед за криком:
 «На крови мы!» —
 За телегой Пугача.

Ну и хватка!
Ну и хват!
 Лихорадка бьет в набат,
 Бам-бам-бам!
 По вспотевшим
 Чешет лбам.

А там,
По казанскому тракту,
 На взмыленных тройках
 Вскачь
 Караульные с нищими.
И среди нищих —
 Колодник Пугач.

Емельян — голова!
Атаман — голова!
Бубенцы заливают слова,
 Да и что тут слова,
 Когда воля густа,
 Когда пыль целовать
 Не устанут уста,
Пока пыль да ковыль

Не улягутся в быль,
Пока степи вестей
Не возьмут от гостей,
Что настала пора собирать
Пугачевскую серую рать.
Знай кати, колеси
Мимо слезных трясин,
Что под каждой
Мужицкой избой
За холопыи труды
На голодные рты
Смерть оставил
Дворянский разбой.
Знай кати, колеси,
Погляди в поле-синь
На помещичий дом,
На избенки кругом,
Да задумайся круче
Грозвою тучей,
Да так, чтобы нищий
Полез за ножом в голенище,
Да задумайся так,
Чтобы огненным громом
Прогреметь
Над помещичьим домом.
Будет — что станет,
Воля-красавица,
Жизнь разжигай.
В бушующем стане
Буря вздымается —
Кровь мужика.
Мужиков-ухачей —
Как ночей,
Как грачей,
Несметная стая,
Как деготь, густая.
Чернехонькой стала
Земля ухачей.
Емельянушко строг —
Зря не бросит острог,
А раз бросил острог —
Вышел волюшке срок.

Слышь,
 Стучат копытами
 Кони под Казанью:
Воля
 Прет открытыми —
 В степь по приказанью —
Открытыми копытами
 В даль
 На удары!
Прет — не перечь! —
 Мужик на смелость.
Об этом и речь
 По Руси разгорелась.
 Долго ли, коротко ли
 Звенели бубенцы,
 Под людными воротами
 Галдели молодцы.
Крестьянский люд,
 Заводский люд,
 Голодная,
 Вшивая Русь!
Не трусь,
 А будь лют!
Зверя лютее
 Зуб наточи.
Пошли
 Бушевать, ухачи!
За горло помещиков!
 За горло заводчиков!
 За глотку дворянскую дрянь!
Выдумай — хлеще как,
Выдумай — ходче как,
Выдумай жару им, рвань,
 Жару с пожаром,
 Чтоб всем слепошарым
 Вдоволь понюхать беды
С потрохами,
 Вдоволь нажраться
 Изюмной еды с пирогами.
Угостим господ погуше,
 Ублажим блинами.

Каждой барыне толстущей
Будет сладко с нами.
В ихнем доме,
Барском доме,
Мягкие перины.
Того кроме,
В барском доме,
Как у Катерины:
Из золота пьют-едят,
Кормятся царской пищей,
В перинах родят ребят.
А мы только вшей ищем
Да чешем спину от боли
От соленых плетей.
Для нашей мужицкой голи
Барам не жаль смертей.
Мы ли, бараны ли, —
Им всё равно.
Недаром мы грянули
Бревном за бревно.
Не кори грабежом —
Красен долг платежом.
А долгов за помещиками —
Ой да ой,
Хоть волком вой.
Взыскать мудрено вины —
Не получить с них
Ни хреновины.
Раз дело таковское,
Сами взыщем.
Житье мужиковское —
Нищий на нищем.
Хуже не станется,
А нам невтерпеж.
Гуляй, холоп-пьяница,
Лезь на грабеж —
Свое же возьмишь.
Грабили нас господа же,
Не спрашивали даже,
И мы за ними туда же.
Чинили расправу —
И мы учиним, ухачи.

Нашу ораву
Этим делам не учи.
Знаем.
Научились
По рубцам,
По ссадинам,
По тюрьмам,
По перекладам.
Мало было гадинам,
Так подвешивали сзади нам
За грошовые грешки
Трехпудовые с песком мешки:
На, мол, сволочь, докажи
Свою верность нам, мужик.
Не докажешь — пропадешь.
Тут и кончился терпеж.
А теперь черед на славу
Учинить свою расправу.
Слева, справа,
Впрямь и вкось
По Руси мужицкой
Силы бунта
В гуцу брось
До страны Яицкой,
Где река Урал течет
Вольностью казачьей,
Уготован где почет
Вольности бурлачьею.
Там и лошади степные,
Кони — гривы золотые,
Легче ветра скачут в дух,
Станом краше
Молодух.
Ух и кони!
Кони — пух!
Ну и кони,
Кони там
Зверя гонят
По пятам.
Нам скорее бы добраться
До коней до этих, братцы.
В свист!

В гон!
В перегон
Табуном веселым
Разлетелись бы в зазвон
По мужицким селам.
Вот, мол, на —
Пошла волна,
На конях поехала.
В хлеть-расхлеть
На бар, мол, лезь,
А иначе — в пекло.
Кони есть, мол, —
Это раз.
Кровь на воле —
Это два.
Урожай на поле —
Три.
Эй, горазд, голова,
При!
При в глаз.
Пей квас.
Собирай избушки.
Конь — у нас,
Хлеб — у вас,
На заводах — пушки.
Чуй, смекай.
А в заводах бродит раж
По рабочим жилам:
По земле тоскует блажь, —
Воля встормошила.
Круто жить чумазым там,
На крутом Урале:
Смерть привесили ко ртам,
Чтобы не орали.
Приписные удалы
Дружные становья:
Плети,
Петли,
Кандалы
Их не остановят.
Чуй!
Смекай!

В бунте чохом будут ли, —
Минься в том негоже.
Пушки, знаем, будут лить,
Ну, и ядра тоже.
Один кровопиец,
Один у нас враг:
Заводчик,
Помещик,
Вельможа.
Всех перехлещем!
В могильный овраг
Рядом уложим.
Так-то, братушки-ребята!
Порешили бурей статьи!
Значит, будем жечь да хряпать
Сволочную супостать.
Порешили — в ход айда,
Вихрями развейся.
Раскалилася беда
В городах и весях.
Ох, не спится господам.
Стали ночи черны.
И не ночи — черный гам,
Прилетели вороны.
Каркают окаянные.
Шары таращат.
Варгают проклятые —
Черта страще.
Ищут, чумазые,
Свежую кровь,
Обсели нечистые
Помещичий кров.
Карк.
Стон.
Гул.
Вой
Над вдовой
Головой.
Под царицей-помещицей
Шатается трон —
От холопов-воров
Так смерть и мерещится.

А трон —
Только тронь —
Вместе с царицей
В пыль разлетится,
И дворянство приспешное,
Воровское, кромешное,
Жабье гнездовье,
Каткино вдовье, —
Чтоб оно сдохло
Словленным пленником
В бане под веником,
Под мужиком,
Под рабочим, —
Об этом хлопочем,
Об этом и стараемся
Изо всей мочи,
За это и бьемся
С утра до ночи,
За совесть правую,
Чтобы дать врагу
Баню кровавую.
Об этом и речь заводим
В каждой деревне,
В каждом заводе,
В каждой станице казацкой,
В каждой охране солдатской.
Знай
Приставай
Борода к бороде,
К мужицкой вороньей орде.
Дубинным скопом,
Рабочим валом,
Лошадиным скоком,
Старым да малым
Навалимся, напред —
Ага! —
На богатого врага.
Вот и аз, вот и сказ.
Бубетень в избушки!
Конь — у нас.
Хлеб — у вас.
На заводах — пушки.

Зачинаем бурю дней.
Запрягай скорей коней.
 Кони сыты — бьют копытом,
С нами рвутся в бой.
 Пой:
Долго ли, коротко ли
 Звенели бубенцы.
Под новыми воротами
 Сходились молодцы.

разговоры

Тот али не тот?
Петр али не Петр?
Врет али не врет?
Шепталися мухи
 По всякой причине.
Ползали слухи,
 Как вши по овчине.
Обидно:
Чешется, а не видно.
 Говорят, что Петр.
 Говорят, что мертв.
Говорят, что бредни.
Говорят, что третий.
 А сам говорит:
 Я — четвертый.
 Да и тот протертый.
Никак не поймешь:
Царь али вошь?
 Человек
 Как человек,
Борода —
 Мужицкая,
Очи —
 Стриженных овечек.
Походочка —
 Казацкая,
Повадочка —
 Яицкая.
По плечам — не малый,
По годам — бывалый.

По ногам — хожалый,
По ручищам — шалый.
 А как вытянет речь —
 Головы не сберечь:
Знай только действуй —
Весь тут.
Слово —
 Сабля из ножон,
Слово —
 Лезет на рожон.
 На земле —
 Как на седле,
 На седле —
 Как на крыле.
Ну и уродился человечисе!
Али — царь,
 Али — охотник,
 Али — косарь,
 Али — колодник.
Вот он, сердешный, какой:
Всё в нем есть —
В этом и честь.
 Брагу пьет.
 Пьет и мед.
 А пьяным не видали.
Разное болтают, праздное.
 Бывал в Пруссии, Польше.
Не то торговал,
 Не то воевал,
Не то — купец,
 Не то — генерал.
 И больше:
 Может — и царь.
Тот ли, не тот.
 Петр ли, не Петр.
 Врет ли, не врет.
А про всё на свете
 Знает, как ветер.
Мир пролетел,
Навиделся дел —
 Вольностью дышит отчаянно.

Да только царей
Не бывает таких. Даже нечаянно.
А все таки раз
С глазу на глаз
Пристали к нему казаки:
«Петр аль не Петр?
Толкуют, мол, — Петр.
Иные зовут Пугачевым».
А он как попрет:
«Что вы, да что вы!
Эх, дурачье!
Я — не Петр,
Емельян Пугачев,
Я — не царь,
А донской казак
Зимовейской станицы.
Прямо сказать —
Хлебопашец и воин.
Все мы — вольные птицы.
Я — на воле. Спокоен.
Ну, и в острогах бывал.
Да шибко я мал:
Прилетал с вороньем —
Улетал воробьем.
Я в степях — не в обиде.
А что дальше — увидим.
Война —
В разгаре.
Казаки —
В угаре.
Мужики —
На пожаре,
Помещиков жгут.
Вот и всё тут.
Кругом — война,
А военное дело я знаю.
За это берусь —
За крестьянскую Русь!
Тряхнем, что ли,
Эй, казаки!
Ну-ка, закинь,

Шире раскинь
Волю степную,
Пыль золотую.
Может, и выйдет чего.
Эй, голуби,
Даль — голубица.
Может, и выйдет,
Ежели биться
Всем горячо».
Вот он какой,
Емельян Пугачев.
Так все подряд
Казачи, мужики говорят.
Тот ли, не тот?
Петр ли, не Петр?
Может, и пьян,
А только таких
Не бывает на свете,
Как Емельян.
Ну, Пугачище,
Ядри его корень,
Прямо — бычище
Мычит на угоре.
Могуществом дразнит,
Прет на затырь,
Вроде как Разин —
Степной богатырь.
И тоже с Дону,
Того же звону.
Слово —
Сабля из ножон.
Слово —
Лезет на рожон.
Ну и народился человечисе!
Знай только действуй.
Весь тут.
Недаром в Яицком городке
Живется Пугачеву налегке:
Того гляди, взовьется вертуном
По степям со свистами,
Жизнь поставит кверху дном
Лапами бесистыми.

Недаром Яицкий городок —
Раскатистый уральский говорок:
 Разговоры запрягают, как коня,
 Шпарят духом чох.
Матушку-Расею встабунят.
 Дербалызнет Пугачев!

заводы

 Пролязгали годы,
 Как цепи, железом.
Дымились заводы —
 Копоть над лесом.
Синий чугун,
Красная медь
Будили тайгу
 На Русь прогреметь.
Будили, просили
Подняться от земли.
 Рабочие силы
Слух понесли.
Заохали, зачокали:
 Ой, да чо же эко, чо,
 Ну-ко чо?
 Объявился, появился
 Пугачев —
 Вот и чо!
Зовут его Емелюшкой.
Торгует он земелюшкой:
 Для помещиков — изъян.
Покупает, отбирает
 Землю для крестьян.
А поместья, вотчины —
Хлеб да жизнь заводчины.
Вот чего да вот чем
 Мужиков он потчует.
Чуй!
Ой, да чо же эко, чо!
Приписных рабов заводских —
 Наш спаситель Пугачев.
Погоди, не кричи,
Сами будем пугачи.

На господском на посаде
Сами сядем.
Наша земля-землица,
Овес, рожь, пшеница.
Пушай помещик позлится,
А мы желаем жениться,
На этой земле своей
Жить да рожать детей.
Ох, и жарко впереди!
Тише, тише!
Еще рано. Погоди!
Косматыми медведями
Залегли в берлогах
Заводы по Уралу на горах.
Под хвойными поветями
На крутых дорогах
Жил таежный страх:
Появился разбойник Хлопуша.
Слушай:
У Хлопуши
Отсечены уши,
Вырваны ноздри,
Рыжая харя в коросту,
А сам он саженого росту.
Голос медвежий —
Рявкий, тварина.
Или он леший,
Этот зверина?
Только известно одно
Про Хлопушку:
Как отольют новую пушку,
Все знают вперед —
Обязательно пушку в дороге
Хлопуша сопрет.
Взвалит на плечи — и в лес,
Кто бы за ним
В лес ни полез,
Не воротится.
Бес.
Сила лешачья.
Корова лежачая.
И на кой ему пушки —

Зверю игрушки
Играть на опушке.
Так ли, не так ли —
По-разному квакали.
А меж теми пересудами,
Растабарами да зудами
Было так. Слушай:
Вот.
Похаживал Хлопуша
С завода на завод.
Вот.
Работал он по части
Медноплавильных работ.
Вот.
Подбивал к бунтам речами
Всех рабочих для забот.
Вот.
Чтобы разом взбунтовался
Ядро-пушечный завод.
Вот.
Чтобы пушки ныне лить
На помещиков-господ.
Вот.
Только надо для порядку
Из рабочих сделать взвод.
Вот.
А фельдмаршал даст приказ, —
Пугачев Емельша тот.
Вот.
Когда стукнет бунтовать,
Всех Емельша позовет
На потребу взять завод:
Пушки стряпать для господ.
Вот в чем дело, да не всё.
Ныне в каждом заводе
Таких Хлопуш
Оставлено в взводе
По пяти душ.
Их и надо слушать
В военном деле.
А самый главный Хлопуша
Погнал по службе к Емеле.

Что касается того ближе,
Кто прет в лесу пушки,
Так это — свои же,
Приписные хлопушки.
Тақ-то, Ванька,
Топим баньку.
Жарко будет впереди. . .
Тише. Тихо.
Еще рано. Погоди.
Тише. Тихо.
Спят заводы
Тяжким сном цепей.
На прудах
Колышут воды
Ветры из степей.
Глушь лесная.
Спят заводы.
Спит Урал-векун.
Так текли
Литейно годы,
Плава медь, чугуи.
Горы горя.
Шахты-норы
Знают про людей —
Рудокопов,
Как их горы
Давят злом людей:
Потому что
Над горами
Строятся дворцы,
Потому что
Над ворами
Царские венцы.
Зреет время —
Сон рабочих
Превратится в явь:
Ждать недолго.
Срок короче —
Льется гневом плавь.
Пушки льются,
Ядра тоже.
Спешка горячей:

Бунт рабочих
Враз поможет
Делу пугачей.

А пока
Намнут бока,
Будет тверже бить рука.
Эй, кузнецы,
Рудокопы,
Литейщики,

Шибче работу гони:
Любят заводчики,
Генералы,
Помещики

Рабскую дань искони.
Уважьте, ребята, хозяев уважь,
Старайся, забойная штольня,
Пушай вельможная блажь
Будет довольна.

Ждите, чумазники,
Кедровых орехов на празднике.
Небось
Продырявят орехами
Насквозь,

Ежели постараемся в душу
Посадить им Хлопушу.
А ну, будет калячить,
Горнозаводские клячи!
Не рассусоливай:
Брысь!

За пешни, за кайлы, за тачки
Берись!
Пластайся!

Что пялишь шары, рыжая рысь?
За тачки! Разом!

Разве не знаешь, холопская гадь,
Хозяин не любит потачки
Давать
Черномазым

Копателям угля, руды.
А ну, за труды!
За пешни, холопы!

За кайло, рудокопы!
Эй!
Ты бей,
Ты бей
В грудь каменную, железушшую.
Ты бей,
Ты бей,
Ташши цепь проклятушшую.
Ой, да ой-е-ё.
Да ты разбей ее,
В стену бей глухушшую, —
Ты разбей ее —
Долю злюшшую.
Ты бей,
Ты бей,
Ташши,
Ташши.
Добывай, злодей,
На шши
Да на хлеб, на милость вашу —
На березовую кашу.
Получай, кроты, гроши.
Ташши,
Ташши.
Ты бей,
Ты бей
В грудь каменную, железушшую,
Ташши цепь проклятушшую.
Ой, да ой-е-ё.
Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает.
Работал Урал —
От железа дрожал.
Руда изливалась в печах.
Работал Урал —
Державу держал —
Чугун на рабочих плечах.
Золото, платина,
Самоцветы-каменья,
Железо и медь — для богачей,

В придачу им дадены
Рабы да именья
И перекладины для пугачей.
Жить бы да жить
Господам ввеселе,
В пирах забавляться на шалость.
Хороши барыши
На господском селе, —
Так бы и век продолжалось.
Работал Урал...
Да вдруг заорал:
«Пошел!»
Заорал по-железному —
Влязг хорошо:
«Пошел Пугачев,
Пошел!»
Руками,
Ногами,
Крылами
В полет,
Будто на Каме
Тронулся лед.
Пошел и пошел.
Захватил берега.
Двинулась гущей
Людская река.
Босой народишко попер.
Попер
В напор,
Попер
На сбор —
В топор.
Кто куда!
Айда!
Пропала рабья грусть.
На свадьбу ненароком!
Зашевелилась Русь,
Забрякала
Железом по дорогам.
Уральские заводы,
Рабочие разводы
Работали по дням и по ночам.

Уральские заводы,
Веселые заботы:
Пушки, ядра лили пугачам.
Уральские заводы,
Шахтерские своды
Тряслись от навороченной руды.
Уральские заводы
На яростные годы
Несли на бой рабочие труды.
Работали охотно приписные,
Старались про запас:
На землю торопились крепостные,
Пугачевский
Слушали
Указ:

НЫНЕ ВАМ

даже до последка
землями, водами, лесами,
жительствами, травами, реками,
рыбами, хлебом, пашнями,
денежным жалованием,
свинцом и порохом
ПОЖАЛОВАЛИ
на жизнь вашу,
и пребывайте так,
как степные звери,
в благоденьях и продерзостях.

Всех вас,
пребывающих на свете,
освобождаем от тягот
и ДАЕМ ВОЛЮ
детям вашим и внучатам
ВЕЧНО.

Медный, чугунный Урал
Работы такой не видал.
Не работа, а праздник.
Кровь — кипятилок.
Стукотня в молоток.
Каждый усердием дразнит.
Из Кунгура, из Ижевска,
С Егошихи, Авзяно-Петровского тож,
Изо всех заводов прочих,
Будто ливень-дождь,
Хлынул бунт рабочих.

Захватили чумазы взводы
В лапы заводы:
Пушки гонят, ядра льют —
Пугачеву шлют салют.
С Камы пригнавшие парни
Горланили радость-раздоль:
Варят теперь солеварни
Пугачевичам пермскую соль.
Любо глядеть, как по Каме
С дегтем и солью баржи
Плывут меж лесов берегами,
Да везут еще множество ржи.
Любо глядеть на людей,
Ну и зудят, лешаки:
Табунами своих лошадей
К Пугачеву свистят мужики.
С уральских заводов
Двинулся с пушками в риск
Литейщик Белобородов — артиллерист.
Этот докажет в лоб —
На отбой скуп, —
Как стреляет холоп
По генеральскому войску.
Этот сумеет поднять
Вороний да вещей гам,
Чтоб дать жарче огня
Генералам, помещикам.
За Белобородовым под Оренбург
Пошел и Овчинников —
Тоже рабочий,
Из выборных парень.
Малый, как брага, игрист
Да охочий в ударе.
И тоже — артиллерист.
Шлют на бой зачинников —
На ура Уралы.
Белобородов да Овчинников —
Чем не генералы:
Пушка за пушкой,
Ядро за ядром,
Дружка за дружкой,
За молнией гром —

Так и катятся в степи казацьи.
Хлебом-солью
Да бражным ведром
Их встречають отряды пугачьи
И сам Пугачев на коне вороном.
А слова Пугачева
Могут золотом течь.
Атаманская речь —
Мед и картечь:
Хмельно и грохотно.
Как услышишь — не уснешь:
Режет дума на ночь,
Будто в сердце
Ноет нож —
Емельян Иваныч.
Не слова — пословицы,
Сами славословятся.
Пугачев не скажет лишку.
Раз сказал — как взвесил хлеб.
На то будь своим умишком
Весел, креп.
Не слова делам нужны, —
Сабля острая в ножны
Да кормленный конь с угаром,
Чтобы службу нес недаром.
А уж ежели — слова,
Пусть кружится голова.
От всего, что стряпаем,
Будоражится молва.
Емельянову речь
Хлебно беречь:
Будто и впрямь на деле
Разбогатели
От встреч кругом
С богатым врагом.
Емельян гладил конскую морду,
Серьгой ухмылялся в бороду
Гордо:
Вот и пушки уральские, медные,
Ядра чугунные,
С порохом бочки —
Поповские дочки.

Вот и люди уральские, бедные,
Люди рабочие, пришлые прочие —
Вольные люди, короче.

Сами глядите в очи:

Степь широка,
Да шире рука
Мужика.

Как бы ловчее поймать
Лютотого зверя-врага,
Как бы Расеюшку-мать
Прибрать ко рукам;
Степью,

Горами,
Реками,
Лесами

Как завладеть —
Судите сами.

Солью,
Железом,
Пушнинной,

Лисами
Как завладеть —
Судите сами.

Мясом
Да рыбой,
Хлебом,
Возами

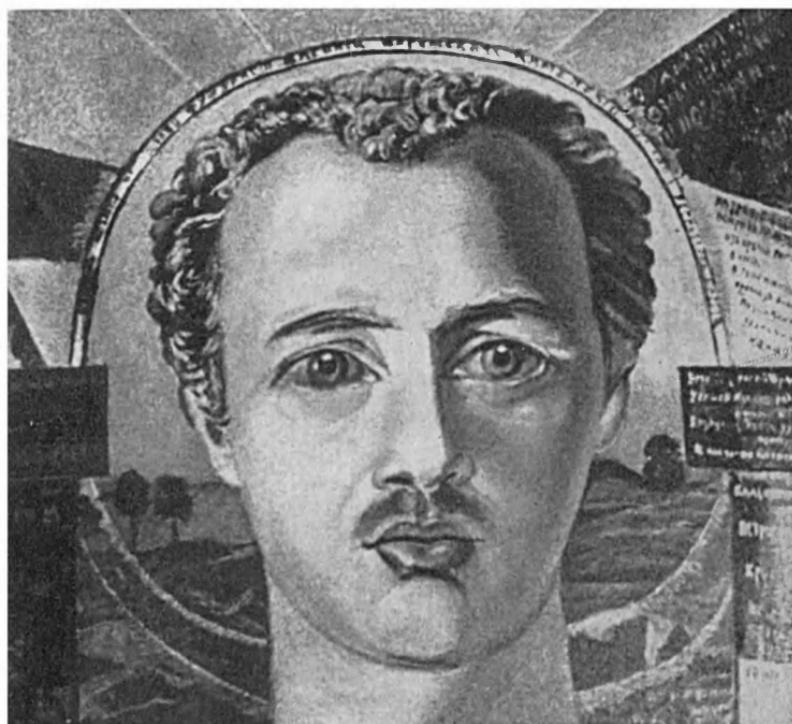
Как завладеть —
Судите сами.

Скотиной,
Домами,
Землей,
Чудесами

Как завладеть —
Судите сами.

Не мне вам про волю петь,
Про крепостные избушки.
Песнью пробухает медь,
Уральские пушки.

Не мне толковать про ладони
Голодных российских сирот.

Есть у нас порох, и кдни,
И обездоленный сброд.
Ну и дернем
В хряст напропалую,
Знай держись,
Лихая голова.
Господа, помещики
Нас ведь не балуют,
И мы их не станем баловать.
Накладывай ядра на возы.
Вези!
Укладывай пушки на возы.
Вези!
С порохом бочки —
На телеги!
Эй, шевелись!
Шарабары!
Егози!
Мы ли да не стали
Человеки!

СТЕПИ

Бурным,
Хлестким
Морем пург
Осаждали Оренбург.
Осаждали, боя ждали,
Да не принял город бой, —
За стенами городьбой
Трепетали в страхе дали.
Губернатор взаперти
С войском маялся внутри:
Как пошлет солдат на вылазь,
За ворота,
Смотрит — разом скрылась
Эта рота
К Пугачеву в рот.
Гоготал степной народ:
Ишь, кого нашел нам слать —
На медведицу посла,
А посол-то ведь — медведь.

Сам давно метится
Глазами можатыми,
Где гуляет медведица
С медвежатами.
Посылай, губернатор,
Оренбургских воинов,
Чтобы нашего брата
Было удвоено.
А то не хватает,
Хоть разорвись заплата,
Заправского с ружьем солдата.
Надо сюда, надо туда,
По всем крепостям, форпостам.
Тут беда, там беда —
Беды вдосталь.
Знай поворачивай жизнь,
Шибче держись.
Ну-ко, к примеру, голь, ну,
Втаскивай пушку
На божью колокольню,
Возьмем мету на мушку —
Да грохнем громом
По барским хоромам,
По вражеским мордам.
Всё одно — церковь зря пропадает
Вдовой под городом.
А вдова молодая
Стояла без дела,
Одинешенька.
А вот на — загудела,
Радешенька.
Колокол да пушка — соседи:
Супруга да муж — как оба из меди,
Оба разговорчивы
Медные особы.
А мы с божьей помощью
Подсобим.
Бух да бух!
В Оренбург!
С горем бух!
В Оренбург!
Бом да гром —

В дом ядром,
Дым кругом
Над врагом.
Лютый враг
Во сто крат,
Лютый враг
Сыплет град.
Сам не рад
У приврат.
Люди — черный виноград —
По стенам ползут, ползут.
Ух и баня!
В жилах зуд.
Не осада — страшный суд!
На рожон ползут.
Судят тех, кто за стеной,
За взъерошенной спиной,
В жажде крови зол, упрямя,
Грозит смертью бунтарям.
Судят ворохом, конем,
Судят порохом, огнем,
По заслугам барской чести
Судят гневом рабской мести,
Чтобы вымести из-под
Жита-быта
Крыс-господ.
Ишь, окаянные,
Расплодились на готовых хлебах.
Бах!
Ишь, брюхатая погань,
Засела в гнездо —
Оренбург.
Бух!
Не выживешь сразу заразу,
Черную немочь, ишь.
Слышь!
Поджидают их ноги
Царской подмоги,
А мы им накрéст —
Айда наотрез.
Измором возьмем губернатора.
Труби в трубы:

Гнать пора.
Ряды заряди!
Гони командирами.
Пугачев впереди
Гонит с башкирами —
Вихрь на груди.
Размашнее крыльев
Гривы коней.
С нами Перфильев,
Киргиз Джеменей.
Ветер навстречу,
И ветер впрок.
Айда, брат, на сечу,
Степной ветерок!
Встретилась ночь —
И та хитра,
Сможет помочь
Сохранить до утра.
Встретилась долинка —
Мед густой.
Сено — как былинка.
Тут — постой.
Тпррр-у-у!
Залегай!
Распрягай!
Ну и стога!
Ну и сено!
Ох, сенцо!
Будто девичье лицо:
Шелковое, чистое, без дуд.
Сам бы съел,
Да кони не дадут.
А сено-то, ребяташки,
Старшинское,
Ей-богу, крест святой,
Бес с водой,
Псалтырь со свечкой,
Верблюды с овечкой.
Сколь было сил —
Сам косил,
От старшины по наказу
Полсотни косили сразу.

Пугачев глаза скосил,
Спросил:
— Старшины которого?
— Да, знаешь, родного брата
Ваньки Творога.
— Была какая плата?
— У старшины один расчет:
Знай работой, черт,
За почет да за долги
Ему сено волокни.
Моя хата —
Не палата,
Мне и плата
Не богата.
Накосил да жив остался —
И за то благодарен
Парень. —
Пугачев прищурил глаз.
— А теперь такой наказ:
Все старшинские сена взять, —
Брат, аль сват,
Аль зять,
Кому доводится родней
Старшина любой, —
Взять!
Теперь у нас родня другая.
Погляди на Батыркая:
Никакие старшины
Ему больше не страшны.
Башкирских лисиц,
Башкирского меду,
Степных кобылиц
На оброчью угоду
Башкиры отныне не станут класть,
Да и киргизы тоже.
Вольная власть!
Ни меху, ни кожи,
Ни медной полушки
Оброк — за порог,
Чтобы дань не велась.
Кони да пушки —
Вот наша власть. —

Только, как к слову,
Заря поднялась —
Дай да подай —
Вылезло солнце —
Из печки каравай.
Первым вскочил
На коня Батыркой.
Урус! ¹ Казак! Юртым! ²
Ветром зыбучим,
Ветром крутым
Пригнали вестовые
В становище дым —
Донесли:
«С двух сторон
Прямо в яму
Ведем чернышевский эскадрон.
Чтобы легче управиться нам,
Разделили окаянных пополам.
В этой, мол, долине
Сена, мол, стога,
Пугачева, мол, в помине
Не видать следа.
Ну и поверили.
Трусят да спешат.
Шибко на майорах
Одежа хороша.
Ружья, сабли,
Кони, тесаки».
Гаркнул Пугачев:
— Айда на почет,
Живо на коней, казаки!
Чохом двинем
По первой половине.
Гей, бударма!
А другую возьмем задарма
В закрома! —
Тут и пошла кутерьма
Вперемать.

¹ Русский (татарск., башкирск.).

² Родина (башкирск.).

Только лишь вылезли
На горку, на трон,
Смотрим, как в гости
Идет эскадрон.
 Наше почтение!
 Уважай, уважай!
Хмельная брага — стол Пугача.
Эскадрон шарахнулся,
 Кони на дыбы!
Загремели ружья,
 Засверкали лбы.
Сцепились собаки —
 Никак не разнять.
На драке казаки —
 Веселая резня.
 Дело бывалое,
 Кровь не впервой.
 Шалая, алая
 Смерть над головой.
Никто о ней не думает,
Смерть — не урон.
Главное — взять бы
Скорей эскадрон.
 Врага зажимать
 Не устанет плечо.
 Степь — наша мать,
 Отец — Пугачев,
 Не выдадут детушек чох.
Ну и веселье!
 Опясывай вмах!
 Завей их кольцом!
Залей их свинцом!
 Трах-тарарах!
Майорам на страх,
 Генералам на крышку,
 Катерине на отрыжку
 От сладкого меду.
 В куль да в воду!
Каркай, ворона,
Созывай ворон:
 Не стало эскадрона,
 Сдох эскадрон.

Ххо-хо! Выходи, Оренбург, на дорогу,
Ожидай Чернышева подмогу.
Дождешься авось
Чернышева в траншее
С петлей на шее.
Видишь, в небе зажглось
От поминных костров
Зарево царских корон.
Будь здоров:
Это на помощь
Идет эскадрон,
Полк злодеев, бродяг и воров.
Жди даров!
Пугачев оглядел —
Сколько сделано дел,
Сколько уложено тел,
Подошел к Джеменюю:
— Эй, Джеменей,
Накорми лошадей,
Сам поешь свежей конины
За упокой на помины.
Поешь
Да с отрядом киргизов
Скачи
На хлопущевский вызов.
Слышь,
Хлопуша-егоза
Вызывает на Казань
Прочистить путь.
Там и будь.
Степями под луну,
Айда на Бугульму.
Охотник,
Ты следуй по лисьему следу,
Умеючи зверя гони.
Рыскай собакой по божьему свету.
Мы аль они!
Ежели мы — барыш великий.
Саям маликем!¹
А ежель они — враги мужика, —

¹ Мир вам (тюркск., арабск.).

Карачун башка.
Разумей, Джеменей,
Выбирай, Батыркай.
Для киргизов, башкиров,
Татар, калмыков
У князей-командиров
Хватит клыков,
Чтобы жрать вас да грызть
Во всю жадную жизнь,
Пока дань да оброки —
Последние крохи —
На кряжеский стог
Несет косоглазый восток.
Поняли, что ли,
Про дерзости воли?
—Якши¹ барыши! Якши!
Правда Емельянова —
Стрела насквозь.
Слово его — заново
В голову гвоздь.
Сказано — спето.
Угнал Джеменей
Рыскать по свету,
По темени дней.
Облаком пегим
Скитаться дано:
Кони к набегам
Привыкли давно.
Казань, Бугульма ли,
Ушкуйный Курган — дуй!
Лишь бы не поймали
Князя на аркан
На ходу.
Не будет пощады
Ни тем ни другим.
Помост дощатый
Готовят враги.
Русь — в перекладинах,
В петлях,
В крови.

¹ Хороши (татарск.).

Думай о гадинах — жить норови.
 И что это случилось?
 Земля сотряслась —
 Кровавая шалость:
 Власть пошла на власть.
 Никому невтерпеж.
 Никак не поймешь:
 Казаки, башкиры,
 Киргизы, калмыки,
 Татары, рабочие,
 Холопы-мужики —
 Каждые по-своему лезут на бунт.
 Народищу, народищу —
 Страшный табун!
 Каша наобум!
 Всякому сытая долюшка снится.
 Да сны коротки.
 Юрты,
 Деревни,
 Заводы,
 Станицы,
 Гудят городки.
 Земля ты, земелюшка,
 Детей приюти.
 Пособи ты, Емелюшка,
 Присосаться к груди.
 Одна у нас мамонька,
 Одно молоко —
 Хлебная травонька.
 Да жить не легко.
 Видишь сама:
 Нож да сума.
 Ты по всей Руси
 У полей спроси:
 Мы ли хлебу не хозяева?
 Только взять нельзя его
 Без ножа-рогатины
 У помещика-брюхатины.
 Ну и жизнь — разгон наобум.
 Народищу, народищу — страшный
 табун!
 Что-то будет, мужики,

Степи шибко широки.
 За степями — шире ярь.
 Шарабарь!
Шарабарь — не спрашивай
Про коня про нашего.
Конь-то ржет, копытом бьет,
Глазом смотрит на разлет:
 Запрягли, мол, так чундырь
 Ряхом-встряхом,
Перемяхом
На бунтырь!
 На бунтырь да горем пург,
 По степям бураном
 Ухнем в брюхо — в Оренбург —
 Пушками тараном!
Эх ты, зимушка-зима,
Деток малых не замай.
 Помоги, метелица:
 Зерно горем мелется.
 Мелют годы — жернова,
 Быль на битвах не нова.
Сколько жили — столько жилы,
Столь трещала голова.

СВАДЬБА

На Яицком городке,
На лисичьем воротке,
Среди девичьих полян
Высмотрел да высватал
Казачку Емельян —
Устинью Петровну Фомичеву.
 За любовь-красоту,
 Как малина в саду,
Полюбилась она Пугачеву.
На весь городок — на усадьбу —
Закатил женишок
Колокольную свадьбу.
 С треском,
 Звоном,
 Бардадымом

По степям
Зеленым
Дымом
Распалил костры
На славу,
На казацкую заставу.
Кумушки, вдовушки,
Свахи-бедовушки,
Девки-запевки
Наревелись, коровушки,
Спозаранку.
Вывернули душеньки
Наизнанку.
Напрощались наговорами
В ожиданьях под заборами,
Покуда-то приехала невеста
С родительского места
На вселюдный двор.
Тут-то и пошел
Крутой разговор.
— Ой, мы не зря стоим,
Голосим не зря:
Едет к нам невестушка —
Красная заря.
Ой, плывет лебедушка
На синие моря.
Ох, да ох, да охоньки,
Ее стан белехонький.
Очи затуманены,
Щеки нарумянены.
А нам жалко, кумушкам,
Проживать голубушку.
Ох, как жалко, бабоньки,
Как волчат волчице:
Попадется в лапоньки —
С нами разлучится.
Ты прощай, Вестиньюшка,
Невестушка, Устиньюшка.
Со слезами на славушку
Глядим на девчонушку:
Жалко красавушку
Выдавать на сторонушку,

Лебедь белую на суд
Везут, бабоньки,
Везут
Кони пеги.
Едет в неге.
Ох!

Сидит,
Как барыня на прянике,
Только ешь
На утешь
Да облизывайся.
Ну-ко, душенька,
Подкатывай,
Подколесывай
С зазвонцем.
Золотая сбруя сватова
Вычищена солнцем.
Так и катится слеза.
Ну-ко, матушка, слезай.

Устинья

Вот и доехали с орехами.
Здравствуйте,
Кумушки-думушки,
Сваты на свадьбе,
Девчата-дичата,
Подходите-ко,
Слазьте,
Угощайтесь-ко:
Винные ягоды,
Заморские сласти,
Всякая всячь.
Это вам —
От Пугачевой власти

Калач.
Вспоминайте-ко —
Устинью да Емелюшку,
Емельяна свет Иваныча,
На земелюшку призваныча,
Ненаглядного сокола,
Полету высокого.

Гости

Ой, да что беспокоишься,
Заботушка,
Ой да ой,
Ну и орехи,
Пряники,
Сласти!

Да от такой
Пугачевой власти
Только дуры
Рыло воротят
От характеру шалого.
А мы — бабы умные —
Отпираем ворота:
Добро пожаловать!

Свахи

Сыздалека
Из полей-степей,
Из раздолья
Из глубокого,
Ты ковшом здоровье
Пей да пей,
Чтобы ведали мы,
Кто кого
Пережил да
Переславил быль,
Переветрил
Во степях ковыль.
Быть здоровой тебе
Да бродить могачей,
Быть плодливой судьбе,
Народить пугачей.
Емельян Иваныч —
Так он тебя любит,
Невесту-красавушку,
Как жалеют люди
Память свою травушку.

Устинья

Прощай,
Грудь моей мамоньки,

Лазоревые веселья:
Где-то буду тамоньки,
Не увидишь отселе.

Б а б ы
Ох, и пыль по дороге
Лиха.
Свист!
Стон!
Свист!
Звон!
Емельяна везут —
Жениха.
Гогот!
Грохот!
Топот!
Хохот!
Ну и молодцы-жеребцы.
Прихорашивайтесь,
Бабы,
У кого подседельники
Слабы.

П у г а ч е в
Подкатили на кобыле,
Кабы бабы не забыли.
А забыли б ежели,
Мы б на свете не жили.
Завалю вас вместе
Гостинцами
Мешками.
А моей невесте —
Жизнь
С кишками.

Г о с т и
Емельяну Иванычу
Кровный почет,
Всем помощникам,
Всем коням.
Слава пускай
Уралом течет

По дну золотому —
К дому,
По самоцветным камням —
К нам.

Д е в у ш к и

А ты поймай
Коня самолучшего,
Ты седлай
Седло черкальчатое,
Ты гони,
Гони ветра пущего,
Разутешь
Сердце удальчатое.
Нам ли, девицам,
Диву удивиться,
Когда мы надеемся
На вас — женишков.
Ты поймай,
Поймай коня быстрого,
Проскачи на нем
Все дороженьки,
Запусти летать
Волю искрами,
Чтоб не зря смотать
Свои ноженьки.
Нам ли, девицам,
Диву удивиться,
Когда мы надеемся
На вас — женишков.

П у г а ч е в

Значит, надеетесь,
Устинья Петровна Фомичева,
На
Емельяна Иваныча Пугачева?

У с т и н ь я

Мне ли, мне ли, мнеченьки
Говорить вам реченьки.

Пугачев

Грей коня!
Бардадым!
По земле — огонь да дым.
А нам жарко на огне
Свадьбу править на коне.
Пир — сегодня,
Завтра —
Кровь.
Катька-сводня
Хмурит бровь:
Разбунтовались
Казачи,
Рудокопы,
Мужички.
Катька,
Глядь-ко:
Пареньё —
Стало черным воронье.
Над престолом
Каркают, —
Заклюют вориху.
Ох, господи,
Благослови цариху
Дубиной по лбу!
А ну-ко, острожная слизь,
Спой от земли-нутра,
Чтобы кости березой тряслись
До похмелья-утра.

Пугачи

Черным вороном —
Поровну да ровно —
В оренбургских степях,
Эх, мы ходили,
Горевали
На царевых на цепях.
Черным вороном —
Поровну да ровно —
Объявился тут казак.
Эх, нашу долю,

Нашу волю
Довелось нам доказать.
Черным вороном —
Поровну да ровно —
С Пугачевым под конем,
Эх, мы погнали,
Разогнали,
Разлетелись вороньем.
Черным вороном —
Поровну да ровно —
Разберем все крепости.
 Эх, ты уважь,
 Наш Емельяш,
 Воронье скорей пусти.
Гай ну, чеши,
 шарабарь, пляши,
 шевели шалаши
В хрясты!
Гай ну, затырь,
 шарабарь, чундырь,
 заводи бунтырь
В хрясты!
Гай ну, бабье,
 шарабарь лубье,
 подымай дубье
В хрясты!

ГЕНЕРАЛЫ

Отшумели да оттопали
Поутру,
Будто ели, будто тополи
На ветру.
На разгоне отплясали
Плач,
Будто кони с бубенцами
Вскачь.
Мужики с Емелей
С удали
Кушаки с похмельий
Спутали.

Как распутали, давай орать:
— Собирайся в круг, босая рать!
Слушай:
По совести кровной
Молодые сунруги
Емельян Иваныч
С Устиньей Петровной
Желают:
За военные заслуги
Перед отечеством и нами
Пожаловать проворных
Высокими чинами. —
Емельянова супружница
Говорит — по правде жарко —
Заливать нечем:
— Денег у нас нет и жалко,
А им от чинов станет легче.
— Верно!
Жалуй!
Врагу на беду —
Товар не лежалый —
Проворные люди в ходу!
Жалуй! —
Влез на телегу
Емельян Иваныч,
Лентами свитый,
А там — человек к человеку —
Отборные ягоды свиты.
Крикнул Емеля малым,
Махнул платком алым,
Будто кровью плеснул
В людскую весну:
— Сами глядите, с кем в телеге я —
Ваша военная коллегия!
А посему:
Белобородова, рабочего с Урала,
Награждаем чином
Фельдмаршала-генерала.
Этот молодчина
Захватил заводы с пушками,
Угостил врагов на славу колотушками.
Без заводов, без рабочих —

Мы без рук.

И не стали бы морочить

Вольный круг.

Без рыбы зря рыбачить.

Воевать без артиллерии — тем паче.

А посему:

Такого же рабочего Овчинника

За живешь здорово

Поставим в чине как

Фельдмаршала второго.

Овчинников для нашей власти —

Прожженный мастер

По артиллерийской части.

Дернет, так хватит —

Лезь на полати.

Бахнет, так грянет —

Трясутся дворяне!

А посему:

Ваньку Хлопушу-заразу,

Страх наводящего,

Жалуем

В генералиссимусы сразу.

Ешь его хрящ его!

На, помещики, доедай.

Не человек — кровавая беда.

Из вырванных ноздрей,

Из отсеченных ушей,

Изо всех дверей —

Жарь, как из бани.

Хлопуша сумеет избавить

Помещика от головы,

Ежели лишняя, вроде грыжи.

Погуще бы таких рыжих

Хлопушиных рож,

Тогда бы: — Не трожь!

А посему:

Зарубина Чики,

Чтоб был он начеку,

Жалуем молодчику

Генерал-аншефа.

У Чики — могучая рука.

У Чики — мозгущая башка:

Что ни слово — золото,
Что ни дело — смолото.
Генерал не плох —
Намолол голов.

А посему:

Сотника
Перфильева Афанасия
Ставим губернатором.
Этот сатана сия
Крепко правит
Казацким краем.

Не допустит продажных старшин

На аршин

К нашему войску.

Ухо держи,
Ибо старшинские дряни —
Те же дворяне:
Им верить нельзя нам,
Крестьянам.

А посему:

Казака
Ваньку Творогова
Жалуем в обер-камергеры.
Правда, Ваньке нету веры.
Ну, авось Иван мордаст
Пугачева не продаст.
Зато Ванька очень просто
Взял без боя три форпоста
И возьмет четвертый —
Обер тертый.

А посему:

Кайсак-киргиза Сулеймана,
Салям маликем, ай-юралы,
Ставим в генералы,
Гуртым башкира Батыркая —
В генералы юрт юргая,
В то же место — Салават Юлая.
Башкирия, Киргизия —
Надежная оказия.
Кочевников дивизия —
Шумит косая Азия:

Катерининский обман,

Из веревок злая вия,
Гонит силой мусульман
В лоно православия.

Одурел престол,
И попы с Христом
На вокруг в простор
Бьют мечом-крестом.
Во имя отца и сына
И святого духа,
Эй, башкиры, киргизы,
Подымайся да ухай

Бурей крутой —
Меднотелой ордой,
На коне да в ногу!
Мужицкие генералы помогут.
Ходом!
Довольно платить
Лисицами, медом.
Этот оброк
Самим нужен впрок.

Так и трубите по юртам в рог.
А посему:
Башкирии, Киргизии
С нами быть в дружбе.

Конные дивизии
По военной службе
Вместе мы разделим по местам.
И там
Поставим мы полковников-ребят
Сподряд.
В лаптях наши полковники-сваты.
Хваты.

Обуются, оденутся, достанут пищу.
Ищут.
На перинах выспятся всласть.
Власть.

Помещиков развезят, как портянки,
На полянке.

А посему:
Петьку —
Куричий ноготь,

Федьку —
 Перемский деготь,
Мишку —
 Медвежью ляжку,
Гришку —
 Лешачью бляжку,
Еремшу —
 Тульскую егозу,
Егоршу — худую козу,
Афоньку-колодника,
Игоньку-угодника
Жалуем в полковники.
Носите чины по совести,
Чтобы круче кольцо вести,
Силы на утре пусти,
Чтобы к вечеру
Каждый взял по крепости
Али, судя по росту,
По одному форпосту.
Каждому полковнику —
 Пушек по двадцать,
 Пороху, ядер — по триста.
Хватит!
 Некуда больше деваться
 Для артиллериста;
А не хватит — бей дураков,
 Бери у врагов.
 Не жалко полушалка,
 А бабу жаль — не турецкую шаль.
Коней держать всегда сытыми,
Мытыми. Гляди за копытами.
Сена вдоволь давай,
Да хлеба каравай.
Уважай пищей.
Чисти чище.
Люби коня
Да меня.
 Помни. Кумекай,
 Конь для нас — дорожке человека:
 С быстрым конем
 Из плена людей вернем.
 Помните, полковники.

А вы, генерал-майоры,
Мужицкие сиятельства,
Помещичьи вору,
Самим народом поставлены
 Для доказательства по части войны
 С генералами царицы-кобылицы.
Правда, царские майоры
Хуже нас вору.
Мы-то грабим свое да в рот,
А те — разом весь народ.
 Зато они бывалые злодеи.
 Военным знанием владея,
 Не жалеют под свинцовый град
 Подставлять своих солдат.
С ними держать:
 Ухо — на мушке,
 Глаза — тарелками,
 Брюхо — на пушке,
 Руки — горелками.
Генералы! Под города на осаду!
Под Оренбург, под Уфу, под Казань,
 Надо утешить досаду —
 Себя показать.
Овчиннику,
Фельдмаршалу второму,
Гнать на Камскую полосу,
Взять крепость Осу.
Мешает Оса плыть соли да дегтю,
Пушкам, железу, рыбе соленой
К нашему локтю.
 Да заодно Каму-реку
 Очистить от опричины,
 Волю дать рыбаку,
 Чтоб добычины
 Без оброку солил, продавал
 Сколько желает
 В базарный привал.
 Об этом указ
 Прочитай по всей Каме
 Перед народом в глаз,
 Перед рыбаками,
Перед доблестным зверьем,

На коего князья
Охотятся арканами, ружьем,
Коего берут живьем
 Во имя господнее
 На житье преисподнее,
Кои называются приписными лбамн,
 Крепостными рабами,
Коиx доля поневоле,
 Ой, не шибко хороша,
 Выходить в родное поле
 Кровью землю орошать.
Ладно. Да не будет дальше так
 Повадно.
 Для царева шута
 Непригоден стал народ:
 На престол оравой прет.
И скажу вам наперед:
 Мы тряхнем — так ой-о-ёй,
 Всей расейскою землей.
Так тряхнем,
 Чтоб нашей были
 На века бы не забыли.

БЕДА

Как идут мужики
 На луга в сенокос,
Так пошли мужики
 На врага в переброс:
То там косить, то тут косить,
По всей косить Руси.
 Везде луга,
 Везде трава,
 Везде луга врага.
Куда подряд глаза глядят,
Везде поместий цвет.
 Не жаль травы, ни головы,
 А жаль, что правды нет.
Какая правда, коль за труд
Нешадно бьют, дерут. Так ну!
 Земля — у бар,

Мужик — у бар
В помещичьем плену.
И по Руси пошли косить
Косцы одним плечом.
В лугах — голо:
Не жаль голов,
Жизнь стала нипочем.
Земля шатается, пьяница,
От крови, от хмеля.
Ой, что-то станется,
Думай, Емеля.
Дива — как пива.
Беды — как воды.
Не захлебнуться бы!
Гляди: стаями птицы —
За крепостью крепость
Легко по горстям
Взлетают навстречу
Пугачевским гостям.
А гости никак не перечат.
Гости рады все ограды
Полонить,
Лишь бы шалость красовалась —
Боем нить.
А без боя, без разбоя
Пропадешь:
Власть Емельки без земельки —
Медный грош.
Сколько хошь теперь землицы,
Ну, народ и веселится —
По Руси галдеж.
Разговаривают пушки
С войском царским не шутя:
Взбунтовались все избушки
От холопского житья,
В Казанской губернии —
Тяжкий мятеж.
Помещики гонят в Пензу,
А в Пензе — разбойники те ж,
Помещики гонят в Тулу,
В Туле — ружейный завод:
Рабочие рады разгулу —

Подставить помещиков к дулу.
В Симбирске, в Саратове,
В Самаре, по Волге
Рыщут голодные волки,
Ищут врагов у берегов.
Беда!

Как весной по лугам вода,
Разлилась пугачевская власть.
Беда!

Помещикам деться куда?
В усадьбах пожары, пожары.
В осадах живут города.
Беда!

Взяли прикамскую
Крепость Осу,
Теперь приказанскую
Полосу полосуй.

Вниз да по Каме плыви рыбаками
На барках, плотищах,
С пушками, солью,
Пищей, винищем.
Ну и житье, ну и еда.
Беда!

Как-то Казань у ворот
Примет казанских сирот —
Хлебом ли солью,
По браги бочонку,
Без крови-вреда,
Али ножом под печенку?
Беда!

И так — беда,
И там — беда.
Не ступишь без беды.
Везде — страда,

Кругом — страда,
Ватажные следы.

Гуляет белый свет!
Не жаль травы,
Ни головы,
А жаль, что правды нет.

КАЗАНЬ

Вот они —
Осторожные дороги.
Вот они —
Казанские остроги,
Бывалые, живалые места.
Не мы ли молодцами
Гоняли с бубенцами?
Тут каждая знакомая верста
Да неспроста.
Распутица — забудется,
Любовница — запомнится,
А каменный острог —
Навсегда зарок:
Убежать бы, а потом
Сжечь дотла острожный дом,
Развалить по кирпичу
На отраду Пугачу!
Там — страда колодника,
Невольникам тем мнится
Воля пугачей.
Ну, холопы, хлопни-ка
По дверям темницы,
По цепям ночей.
Ждут, поди. Вместе сидели,
Вместе считали рубцы на теле
Да христарадничали по церквам.
А теперь — к вам!
Вот-те и подайте Христа ради
Разом голодной рати —
Убогим калекам-нищим
Тридцати тыщам.
Не дадите —взыщем!
Да так, чтоб казанские сиротки
Разгладили от пирогов бородки.
Давно, поди, дерюги,
Не жрали купеческой
Севрюги.
Ужо пожрем! Принимай, Казань,
И Казанка-река,
И казанские девки-красавицы.

Угощай, Казань,
Мужика-казака,
Тебя это дело касается:
Отворяй-ка ворота
Подобру-поздорову,
Покуда медведь
Не сцарапал корову.
Ага! Бьешь набат!
На тревогу!
Лезешь в ад.
Не пускаешь к острогу,
Ставишь пушки над валом.
Гробишь с батарей
Смертью нам, малым.
К запалам скорей!
Вызывай гарнизон.
Торопись, пока не успел
Подойти Михельсон.
В четыре смены
Лезь по оврагам на стены.
И прямо в татарский глаз
От военной коллегии
Читай указ.
Да у самых ворот,
Где стоит рота,
Двери шире рот,
Авось и откроют ворота,
Ну, и разом
Влезли на стены с указом:
Слушай! Слушай!
Эй, суконщики,
Прядильщики, ткачи,
Бурлаки, кулачные бойцы,
Работники,
Крестьяне, пугачи,
И всякие холопы-удальцы,
Слушай!
Вышел для вас
Вольный приказ.
Слушай,
Казанский народ.
Вот:

ЖАЛУЕМ

сим именным указом
всех находящихся прежде
в крестьянстве и подданстве
древним крестом и бородами,
вольностью и свободою,
вечно казаками,
не требуя рекрутских наборов,
подушных и прочих
денежных податей.

ЖАЛУЕМ

во владенья землями,
лесными, сенокосными угодьями,
рыбными ловлями, соляными озерами
без покупки и без оброку,
и освобождаем от всех
прежде чинимых от злодеев-дворян,
городских мздонмцев и судей
крестьянам и всему народу
налагаемых податей и отягощений.

ПОВЕЛЕВАЕМ

как дворяне в своих поместьях
и вотчинах находятся,
оных противников нашей власти,
возмутителей империи и разорителей
крестьян
ловить, казнить и вешать.

Тут и пошло,

Тут и поехало:

Кто —

за указ,

Кто —

за ружейный припас,

Кто —

за свободу,

Кто —

за курок,

Кто —

в куль да в воду,

Кто —

за острог,

Кто —

вешать дворян,

Кто —
вешать крестьян.
Вык. Набат!
Зык. Набат!
Бухом треснули ворота
Нараскат.
А оттуда пугачьем
Так и хлынуло по улицам ручьем.
Ого-го да иго-го!
Скоком рьяным, жеребцами —
Ого-го да иго-го! —
Раскроем дворянам
Череп сами!
Здравствуйте, казанцы-оборванцы.
Дай дорогу!
Дуй к острогу!
Выпускай на волю птиц,
Всех закованных синиц!
Загремел острог железом —
Лес почувал зверь.
За свободой мы же лезем
В ту же дверь,
За которой на цепях
Горевали о степях.
А всех гуще горевал
По степям да по лесам
Полководец-генерал
Емельян Иваныч сам.
Христарадничал колодник горюном
На церковной паперти.
А теперь гляди — на Вороном,
Как пирог на скатерти,
Наш Емельяш.
Знай наряжает
На урожае:
Эй, живей трогай!
Вылезай из острога!
Жги, пали,
Выжигай дотла.
Чище мети,
Мужика метла.

На помни по нем
Выметай огнем.
Запылал острог
Золотым костром:
По церквам разбежались острожники:
А подайте Христа ради
Убогоньким грошики,
Беденькой братин,
Богатые мордасы.
А подайте за божий закон
Наше добро-серебро —
Иконостасы да ризы с икон
Собирай очертя!
Обирай божий рай!
Всё одно нам, чертям,
В раю не бывать.
Проживем да в ладу
Во кромешном аду
Богачам на беду —
Пугачам на еду.
Не привыкать к огню,
Как к коню.
Ишь, Казань — ад.
Кровь да набат.
Господи, прости нас, грешных,
Еще не повешенных
Православных мирян.
А пока не повесили,
Вешай дворян!
Чисти, голодный вор,
Гостиный двор.
Наживай на булавках —
Торгуй на купецких прилавках.
Ишь, Казань — ад.
Пушки гремят из Кремля,
Дворяне засели в Кремле,
Нету им места на всей земле.
Грохот нещаден,
Как звон звонарей:
У них батарея и архиерей,
Праздник хвалебный,
Кровь на полях.

Служат молебны,
Из пушек палят.

Шпалят, хоть тресни,
Жарище в бою.

По-божески песни
Осанну поют.

Вот те осанна —

Шибче кричи.

Дворянам досадно:

Взяли Казань пугачи!

Ишь, Казань — ад.

Татары галдят!

«Якши, капитан!

Якши, башка!

Якши, Пугачев-шайтан!»

Для веселья конца

Три кулачных бойца:

Рахматулла,

Ибатулла,

Бикматулла

Стелют по улицам ковры,

Ставят по улицам дары.

Емельяна Иваныча

В кресле несут

Править на улице суд.

Сел. Повел очами,

Разгладил бороду.

Молвил устало:

— Даже ночами

Жарко по городу.

Жарко и жалко.

Жалко Казань.

Да пришлось доказать

Свою силу земли.

На то и на суд

Дворян привели.

Ишь, какой хоровод,

Не люди —

Иконы с лампадами.

Зато скоро вот

Напомадим помадами

Бурлачьи веревки,

Ублажим перекладами,
Чтобы воры, воровки
Народной казны
Болтались от зарева
Крови красны.
Судили вы нас —
Присудили
На голод,
На рабство,
На плеть,
И вешали.
Глаз за глаз
Судим мы вас.
Не станем жалеть.
Лешгий ли!
Али вы,
Али мы?
Так уж лучше мы —
По правде суровой;
Всё одно не живать
Медведю с коровой.
Так ли, ребятушки?
Так их! Якши!
Карачун башка.
На петли ташши!
Карачун! Якши!
Суд — молодец.
Весело
Повесили,
И делу конец.

ЗАСАДА

Ташши корневишша,
Ташши,
Чернолапины
Нагорябывай,
Жерди ишши,
При, мураши,
Хряпай расхряпы гай,
Ташши корневишша,
Ташши.

Колодины, мазяры,
 Наворачивай Мясом во шши,
 Сучья руби, топоры,
 Хрястай лесины, Ташши,
 Колья чеши, Востри,
 Жерди ишши, При, мураши,
 Закладывай ту же бастрыг,¹
 Ташши корневишша,
 Ташши.
 Не будет проходу врагам,
 Не пролезет С орудьями враг
 По корневишшам-рогам,
 Да на подступе вырыт овраг.
 Сунься,
 Айда догоняй:
 Без малого на десять верст
 С глиной ядреного пня
 Завернули из хвороста хвост.
 Ну и уперли,
 Как снег в апреле.
 Ташши
 Да ташши.
 Народ-мужики —
 Настоящие мураши.
 По пню,
 По бревну, По колодине
 Натащили дубья на взбучь.
 А сколько таких по родине
 Расшевеленных куч,
 Сколько таких в засадах
 Сидят, Поджидают врага,
 Таких бородатых, усатых
 Полны берега.

¹ Жердь для стягивания снопов (башкирск.).

По Дону,
 По Волге, По Каме,
 В степях,
 По Уралу, В горах
 Жмутся худыми боками
 Звери в холодных норах.
 Зверье так зверье —
 Мужичье-серье.
 Жмутся да жмут в жар
 Брызг.
 Боятся да жрут бар
 Вдрызг.
 Разбойничают,
 Жрут,
 Припевают на яру:
 Настряпали делов,
 Натяпали голов —
 Отточили Зубы волчьи
 Крепостные Сволочи.
 Отгостились на грустях —
 Только косточки хрустят.
 Утолили
 Волчью пасть.
 Как бы спьяну
 Не упасть.
 Как бы спьяну
 Емельяну
 Не пропить
 Мужичью власть:
 Давно ли
 В конюшнях скотских
 Сидели баранами,
 А теперича на —
 Распоясались:
 В хоромах господских
 Свищем буранами.
 Лоб
 Со лбом!

Огонь
 Столбом!
Плетью не скоро уймешь
 Злющую жизнь — сноху.
В горло помещику пож
 Воткнули,
 Как в пашню соху.
Вот и сидим в засадах —
 Наташшили
 Дубья вороха.
Вот и пошла полоса та —
 Черная сила врага.
 Лоб
 Со лбом!
 Огонь
 Столбом!

Зной.
 Вой, на.
 Войной
 Война.
Воевать с мужиками,
 На битвах сколоться
 Полки за полками
 Ведут полководцы.
С пушками рыщут.
 А мы тут —
 С дубьем,
Разобьют нашу тыщу —
 Четыре найдем.
Народищу — хватов,
Хватит хватов,
 Дубин-бодожков
 Для господских горшков.
Авось подошлют, ловкачи,
Пушки и нам, пугачи,
Попробуй
 Тогда — наскочи
На почин.
 Да и так не наскочишь.
Молчи.
 Стой.
 Скачет враг.

Эй, засада,
 На дыбы!
За дубины,
 Топоры!
 Зазывай врага
 В овраг.
 Скачет,
 Гонит,
 Лупит враг,
 Значит, кони
 Лягут в прах.

Топот,
 Топот от копыт.

Эй, засада,
 На дыбы!
 Заманивай!
 Затягивай!
 Захлестывай в овраг.

Ташши.
 Ташши

За хвосты.
 Мураши.
 Корешками
 По горшкам!
 Бодожками
 По башкам!

Работай.
 Молотилами,
 Рогатинами,
 Вилами,
 Дубинами,
 Кореньями,
 Рябинами
 Да пеньями

Вали кишки в овраг.
 Дрожит от страха враг,
 Запарили
 На страх,
 И в пух,
 И в прах.

Работай,
Астраханские,
Самарские,
Казанские,
Тульские,
Сибирские
Уральские,
Симбирские,

Разный народ,
Проказный сброд,
Голодный рот
Бродяжных бород.

Эй вы, усатики,
Бравые солдатики,
Не трогайте нас, серых,

А, милые
Касатики,
Сватики,
Солдатики,
Лупите своих офицеров.

Вот-то!
Так-то!
В лоб-то!
Бах-то!
Зыбь-то!
Режь-то!

Сыпь-то!
В плешь-то!
Уж вот помогли
Молодцом
Молодцы.

Всех переплелили —
С концом концы.

Полнехонький овраг
Навалили врагов.
Не вынес наш враг
Бодливых рогов.

Забодали дыбы!
Чуй!
Нахватали рабы добычу:

Пушки,
 Ружья,
 Сабли,
 Порох.
Да коней табуи.
Да мундиров
 Целый ворох.
Хорошо торгует ныне
 Пугачевский бунт.

пожар

Черная чертова ночь
 Багровеет окровавленным заревом.
Дымно. Ой, горячо!
 Ой!
Ишь, во всю силушку-мочь
Жарит жарное жарево сам Пугачев.
 Жары! Пали!
Разъезжает на коне вороном.
Посвистывает весело репел.
Покрикивает задорно:
 — Жги, ребята, помещичий дом
И развей его пепел
Во все стороны.
 Жары! Пали! —
Разъезжает на коне вороном,
Подкашливает: кхе-кхе.
 Знай раскатывай
 Бревно за бревном,
Пока кровь на лихе.
 Ох, и поздырнем!
Ну, крепостные, если вы босы,
Берите-ка вилы да косы.
Сила крестьянская, нам помоги.
Пойдем добывать сапоги.
 Эй, голуби!
 Пойдем, что ли?
Хо-хо-хо! Дождались поры,
Хватай топоры,

Колья, вилы, дубины.
Правь именины,
Запевай — затевай,
 Ой да ой-её,
 Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает!

И-эхх!

Не робей, воробей,
Знай наскакивай, бей!
Всех помещичков,
Всех дворянчиков
Ты разбей, перебей, воробей.
Жар. Дым. Гарь. Огонь.
Бегут мужики за дубинами.
А конь, вороной его конь,
Так и блещет глазами-рубинами.
Не страшится конь вражьих погонь,
 Ни ружья, ни нова меча.
 Знает конь, вороной его конь,
 Своего Емельяна Иваныча.
 Ишь ты, игривый,
 Смоленая грива.
 Стой! Прррр. . .

В ненастную ночь
Или полдень горячий,
В степи иль Уральских горах
Буйным ветром —

 Порывом проскачет,
Будет первым в победных пирах.

 Вот он какой —
 Этот конь боевой.
 Стой! Прррр. . .

Жар. Дым. Пламя пышет.
Ветер хлеще. Пепел гуще.
Суматоха.

 Крик хмельной.
 Искры стелет пеленой.
У пылающих ворот

Пьяный крепостной орет:
— Ой, уйди, не заступь.
Огонь, жри, уминай.
Возьму топор я, заступ,
Прощай, не поминай.

Загудела полоса.
Аржаные голоса:
— Мы ли да не пахали,
Мы ли да не терпели?
Али
По спинам березы да ели
Не гуляли в самом деле?
Нам ли землицы не следует?

Держись, люд, за Емельку,
Получай земельку.
Ой, земля, земелюшка!
Помоги, Емельюшка,
Помоги!
Ну, ребятушки, тепло ли
У господских у хором?
Тут, где нас кнутом пороли,
Разжились мы вдруг добром.
Разжирели! Распозарились!

С бухты-барахты,
Охотками тарарахты, —
Поешьте-ко:
За здоровье Расей
Сжарили помещиков,
Как карасей.

Будет им пить да есть
Да нас лупить. Месты!
Месть им, месты!
Пожар — в разгаре,
Люди — в угаре.
Воля — в ударе.
Берегитесь, баре:
По почину Пугача
Начинаем мы сплеча.
Тррахх-тарарахх!
Ой, мамоньки, что делаем,
И сами не знаем:

Будет стужа — станет хуже,
А пока тепло, светло,
Засупонивай потуже.
Наше дело — конь. Седло.
Айда! Гей! Эй!
Поехали — так рразъехались!
Не остановишь!
Жарь! Грей коня!

Эх, широки дворянские окрестности.
Идет мужицкая гроза.
Нам довольно крест нести,
Жги. Бунтуйся.

Бей. Кромсай.
Эй, люд!
Бабы! Дети!
Крепостные!
Деревенские!
Лесные!

Весь обиженный народ,
Собирайся в злой поход!
Шуми! Галди!
Надо в матушку Расеюшку
Насовать нам пугачей,
Чтоб крестьянскую затеюшку
Разуважить пошибчей!
Не жизнь — малина.
Не деньки, — а пряники.

Ешь — не хочу!
Ишь ты.
Будь ты.
Да подь ты.

Чай-сухари
Едят комары.
Комары-комарики,
Господа-сударики.

А ты дергай,
Дергай,
Дергай.

Арымар — хары-мар,
Перегары — бар-быр.
Шпарь-да, жги-да,

Жарь-да, жри-да.
И — эхыча да эхыча,
Приехал ча да ча.
Запевай
Ой да ой-её,
Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает!
И-эхх!

золото

Не жалели лить кровушки —
Усмирять мужика.
Катились головушки —
Горох из мешка.
Гнались за ним
Пулями отпетыми,
Гнались за ним,
Хвалились победами.
За Емельяном — в Пензу.
За Изаньчем — в Саратов.
За Пугачевым — в Царицын.
За пугачами — по всей Руси.
Ну и пора-то!
Думай, царица:
Скорей зови да проси
На помощь предателей. Подлецам
За пугачевскую голову
Насыпь золота. Думай, красавица.
А иначе твоим храбрецам,
Твоим полководцам
С Пугачевым не справиться.
Думай, царица, знаешь сама —
Скоро настанет зима:
Время досужное — крестьянскую рать
Снова будет Пугачев набирать.
И тогда берегись —
Легче пуха чох
Налетит на Москву Пугачев.

Торопись! За великую голову
Мужика-полководца
Золота сыпь три колодца.
И посыпалось.
Зазвенело золото в ушах:
Встрепенулась чья-то
Мерзкая душа,
Приползла змеей
К свирепому врагу,
Прошептала, чуть дыша:
— Я могу.
Я — мразь и холоп,
Червь преисподней,
Пакошь, мокрица.
Во имя господне,
Во славу царицы,
Последний из подлых рабов,
Желаю быть первым —
Иван Творогов.
— Ты, проклятый злодей
Пугачевских затей!
Но коль сам из Емелькиной свиты
На коленях мотаешься здесь,
Имя Христа призови ты
И открой свою весть.
Щедроты императрицы
Неисповедимы:
Золотом жизнь одарится,
Ежели победим мы.
Нищий и гад,
Будешь знатен, богат,
Лишь бы — сроком в недельку —
Выдать сумел нам живого Емельку.
— Я готов, — заревел Творогов, —
Перед богом, царицей готов.
Клянусь!
Лобызаю крест и Евангелье,
Тля и гнусь.
И пусть я, Иван-гнилье,
С места не встану,
В бездну низвергнусь,
Ежели вашему стану

Через недельку
Не доставлю живого Емельку.
 Не желаю быть гадом,
 Желаю богатым
 Прославить монаршую Русь.
Тля и гнусь,
Перед богом клянусь:
Поверил Емельке,
Что будто он — царь в самом деле
И царские знаки носит на теле.
 Что будто он — Петр.
 А Петр-то мертв.
 Покаяния дверь отверзи, Христос.
 Вижу теперь:
 Пугачев — сущий пес.
Самозванец! Колодник!
Мужицкая тварь,
А не царь-государь.
 Опутал народ,
 Заслужил эшафот.
 Туда и дорога — на плаху
 Окаянному праху.
Как перед богом
 Ставлю свечу восковую,
Так открываю
 Тайную суть войсковую:
Под воскресенье наметил Емелька
 К ночи угнать на Узени.
Там, на Узени, с правой руки,
Ожидают Емельку к себе калмыки.
 Эту дорогу, ему на беду,
 Я знаю один, — Емельку туда поведу,
Да только не правым — левым путем,
Степью на места пойдем.
 Там и будьте кольцом, —
 Живо управимся
 В ночь с подлецом.
А для отвода Емелькиных глаз
Гоните по Волге отрядом:
Царицынский сбродный пласт
Угощайте свинцовым градом.
 Господи спаси нас,

Народец — плуты —
Жизнь бережет.
А вы — на плоты,
Да на тот бережок,
Да на сторону ту — в темноту.
В темноте и сойдемся — ххе-хе,
На грехе —
К Пугачеву на могилу.
Господи, спаси, господи, помилуй.
Есть на Руси люди святые
И святые дела. Честь им, хвала.
А мне, окаянному рабу,
Хоть милость,
Авось загребу,
Что полагалось
Смирненным очам
На жизнь одариться
От императрицы
За главу Пугача.
Господи, благослови,
Владыко, спаси.
Правда святая живет на Руси:
Знатным, богатым — слава и честь.
Нищенским гадам — кровавая месть.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Ночь степная на Узени —
В небе тихая вода,
Не вода, а сон осенний —
Сети, невода.
В сетях рыба серебрится —
Плещется звездой.
Полумесяц серой птицей
Сторожит гнездо.
Ночь калмыцкая не сгонит
Тишины густой.
Где-то ржут, не видно, кони, —
Стали на постой.
Звезды шепотом осенним
Тянут хором пить:

Ночь привыкла на Узени
Тайны хоронить.
Где-то кони? Чьи-то кони?
Звезды. Тишина.
В сон широкий на разгоне
Степь погружена.
Спит весь мир.
Но сна лишен лишь он —
Великий командир.
Думает: «Царская сила крепка,
Но крепче башка мужика:
Утром махну по юртам,
К вечеру — гуртом
Соберу калмыка
Бывалую рать.
И снова айда —
На Михельсона в обход напирать,
Гляди — подспеют башкиры,
А там, по местам,
Пристанут почище
Новые тыщи.
Расшибались не раз.
Собирались не два.
И теперь — не заказ.
На плечах — голова
И глаз.
Только б эту полоску перейти —
Затянуть бы гужи.
Зима впереди —
Знай пластайся, мужик, не тужи.
Шире да выше!»
Пугачев из палатки
С этим и вышел
В степь.
Вышел коня поглядеть,
Своего Воронка,
Чтобы подбавить сенка
Вороному, родному.
Посвистал.
— Эй, бродяга-дружище,
Эй, Вороной,
Что ты там ищешь

В степи стороной?
Куда же ты делся? Эй, Вороной?
Нет, не видать.
Степь — благодать.
Звезды да тишь.
Слышь?
Иль аркан нацепила
Какая-то стерва?
Ишь: звезды в степи —
Будто яблоки падают с дерева.
Степь — благодать.
Нет, не видать.
Эй, Вороной,
Не ходи стороной.
Стороной ходит зверь.
Не верь.
Эй, Вороной!
Чу! Кто это, а?
Фыркнул конь — да не мой.
Фыркнул другой.
Кто тут, а?
Третий — четвертый — пятый? . .
Беда! Люди молчат.
Ванька, проклятый,
Ты это, да?
Или измену задумал, змея?
На помощь айдате!
Эй, Вороной, близко предатели!
Чую! Где же ты, конь мой,
Мой Вороной,
Спасай от врагов!
Чую и вижу — крадется змея,
Крадется Иван Творогов.
Змеи ползут по земле.
Эй, Вороной,
Место мое на седле!
Где ты, дружок? Где?
Куда увели? Гляди!
Холщовый мешок змеи накиннули,
Жалят. Готов!
Продали и предали
Иван Творогов.

ПУТЬ

Тяжело ступали кони,
Будто тяжесть дней везли
В кандалах — железном звоне —
По ухабам злой земли.
Эх вы, кони!
Глядел Емельян исподлобья
Ночи темней,
Думал, глядел на коней.
Эх вы, кони-холопья,
Разве этаким ходом-походом
Вы погнали бы в бой
Подо мной?
Ого! Бардадым!
По земле огонь да дым.
Стало б жарко молодым,
Чуете?
А теперь что?
Грязь да снег.
Цепи на мне.
Степи во сне.
Эх ты, Ванька! . . Змея приползла,
Нагадила зла.
Лесом едем, что ли? Шум.
Ветер, полем вей.
Ночь хмельная черных дум
Бродит в голове.
Лесом едем. Ночь и есть,
Лесом-Русью лезь.
Так и лезли.
Русь — не лес ли?
Лес да ночь, да Русь полей —
Вот и думай и болей.
Ветер стонет — блажь о ком?
Слезы — в дождь над мужиком,
Дождь со снегом.
Бес со смехом
За спиной — это Ванька
Вьется, сволочь, сатаной,
Эх ты, Ванька. . .
Стой! Как это вышло,

В рот ему дышло,
 Так — по змеинному нраву,
 За переправой
 Дорога калмыцкая
 Призывала направо —
 Там путь коренной.
 Туда и погнал Вороной:
 Чуют степные звери
 Далече дым шалаша,
 А я оплошал:
 Не Вороному, а Ваньке поверил.
 Будь же он проклят, сухая левша.
 Взяли налево путь.
 Сдуру налево айда.
 Вот и капут.
 Петля. Поймался. Беда.
 Так и пошло и поехало
 Зевать о беде хайло.
 Будто ослеп.
 Изменой злодеи скосили.
 Досада:
 На полях свежий хлеб —
 Свободны мужицкие силы:
 Теперь-то пора
 Для топора.
 Зима.
 Воевать бы да воевать
 Мужуку, эхма!
 Вот поди же ты,
 В судьбе человечьей
 Уж я ли не чуял
 Волка в шкуре овечьей?
 А тут оплошал от злодеевых пут.
 Запутал изменами, плут.
 Эх ты, Ванька, бесья сволочь,
 Ванька Творогов:
 Насопелся в злую полночь
 Княжьих пирогов,
 Обожрался медом, пьяница,
 Совесть пропил — не оглянется.
 Продад, предал, волчий пес,
 Всё, что сам же с нами нес.

А еще казак!
Яд в себе тая,
Продав волю,
Гадина отпетая.
В том и радость у врагов,
Что нашелся змей-изменник,
Стерва — Ванька Творогов.
Эх, досада!
Дворянские усадьбы
Заморозятся зимой без огня.
Хлеб поспел — мужикам воевать бы,
Гнать на поместья коня.
Грызет досада-злость,
Как собака кость.
Воевать бы!
Пушки с Урала,
Новые пушки идут на бой, ну!
Да только нельзя
Без мужицких генералов
Продолжать войну.
Горе. Обида. Воевать нельзя.
Творогов бы не выдал —
Михельсон не взял.
Нет! Видали с усами
Таких, как свора, вы.
Фельдмаршалы сами,
Сами Суворовы.
Не нам собирать
Рекрутов в спину запалом.
Где мы — там и рать
Собирается валом.
Нашего народищу не счесть.
Не избудет во веки веков
Воля за честь
Мужиков, казаков.
Нежданно-негаданно
Пробил мой час —
Сокола-пленника.
Нет, не войной взяли нас —
Подкупили изменника.
Ну и вешайте, псы!
Глядь — царица-то рада.

Перед ней золотая награда —
Одарит храбрцов орденами,
Поместьями, нами — рабами.
Ну и руби сгоряча
Башку пугача.
Да бойся: крутых пугачей —
Как в земле кирпичей.
Русь не изрубишь.
Лишь затупишь топор.
Шалишь.
Знали, что делали впредь
Косари.
Недаром старались переть
До зари.
Косили да жали
На зимний запас.
Жали, хлебали помещичий квас.
Да жаль, не дожали мошенников, вас.
Авось и дождут
Без меня все усадьбы.
Хлеб — на полях.
Зима — на гулях.
Жизнь разгулять — воевать бы!
А тут — капут.
Грязь да снег.
Цепи на мне.
Степи во сне.
Лес — лесовище.
Ночь на глазах.
Ветер-то свищет —
Гонит назад.
Нет, не вернусь,
Погодушка-сваха,
Заказан мне путь:
Москва — моя плаха.

КЛЗНЬ

Ой, стужа-то лящая сквозь.
Ой, стынет земля, стынет.
Ой, леденеет дорожная скользь.

Ой, смертный ветер в пустыне.
Ветер не ветер —
Вой гробовой.
Пейте из ведер —
Слезы водой.
Ой, батюшки-светы,
Ой, конец будто.
Ой, мы не одеты,
Ой, мы не обуты.
Что теперь станет,
Бабовьки-вдовы?
Во вражеском стане
Петли готовы.
Цельную грудь нарежут ушей.
А теперича будут вешать мужей.
Вот они, вот они —
Шей обмотаны,
К салям прикручены,
Будто дрова.
Пропадай, голова.
Горем-рукой
Рядышком складены
Одна за другой —
Три перекладины,
А четвертая выше на четыре аршина,
Столб с колесом, из железа вершина.
На помосте столб —
Царский престол:
Сидеть бы на спице
Немецкой царице,
Окаянной тварине,
Екатерине.
Тут ей место, тут и почет:
Кровью недаром Россия течет,
Кровью исходит народ —
Под лютыми казнями мрет.
Прет на рожон.
На, вешай вот!
Жизнь — под ножом.
Престол — эшафот!
Ишь, сколотили какую забаву —
Помост дощатый себе на беду:

За эту расправу
 Не мы — так внучата и вас доведут.
Тогда не пожалуйтесь,
 Не обессудьте,
Мужик — шалый тесть —
 Навернет вам по сути.
А суть известна
 Делом-венцом:
По тому же месту
 Тем же концом.
Ох, мало крошили, мало косили,
Кайся теперь да мычи:
 На холопской Руси ли
 Не найдутся еще пугачи?
Молчи. Стой. Пугачева везут!
 Ой, в жилах зуд — мороз по коже.
Везут! Везут!
 Сидит на рогоже.
Сидит — гляди:
 Глаза на страде.
Руки на груди.
 Снег в бороде.
Сидит на санях.
 В тулупе бараньем.
Шапку снял —
 С охотой-стараньем
Отвечает поклонами
 На поклоны да грусть.
Знает: ему миллионами
 Кланялась Русь,
Да и впредь тож,
 Как ветру — спелая рожь.
Ой, мороз, морозище!
 Наморозил льды.
Ой, народ, народище,
 Народил беды.
Вдовушка-земелюшка —
Сиротская вдова:
Головушка-Емелюшка,
Пропала голова.
 Солнце докатилось
 До закату.

Изрубят не на милость
Казака тут,
Казака донского на века.
Кровью закраснеются снега.
Уж ежели не сиживать Емеле на седле,
Не видывать, не слыхивать
Спокою на земле.
Клянемся у плахи,
Берем берем тут:
Косматые бураны
Снега переметут —
Саваном расстелется
По Руси врасхлесть
Кровавая метелица —
Холопская месть,
Слушай да чуй — поет карачун.
Каркает вещий
Ворон ночей:
Выжди, помещик,
Детей-пугачей,
Детушек каша —
В каждой избе.
Ты эту чашу
До капли испей.
Вырастут, малые,
Кровью зачатými,
Вырастут, шалые,
Ох — пугачатами,
Ох, да и охнут!
Оглохнут враги!
Погоди!
Восходит на помост!
Восходит! Гляди!
Солнцем, на помощь —
Рука на груди.
Солнцем восходит!
Глаза — на страде.
Смотрит на сходень.
Снег в бороде.
Люди, как лес,
Шумят, шумят,

Каждый прилез
Упасть плашмя.
Проститься, короче,
Пришел человек.
Пресветлые очи
Запомнить навек.
Вот он взошел!
Скинул овчину.
Стоит хорошо —
Зарей для почину —
В красной рубахе
У плахи.
Ишь, читают, скоты,
Под кресты
Чиновники-воры
Ему приговоры.
А он и не слушает — народу поклоны
Последние шлет.
Слезы-заслоны
Морозятся в лед.
Отходные звоны колокол бьет
На отлет.
Ревет народ.
Ой, на кого покидаешь сирот?
На кого оставляешь, отче,
Пресветлые очи?
Мы не обуты,
Мы не одеты,
Ой, конец будто,
Батюшки-светы.
Жизнь ты отдашь —
Дороженьку сбитую,
Емельянушко наш,
С мужицкою свитою.
Останемся мы-то
Горюшко мыкать.
Погубят кормильца,
Сподвижников ражих.
Петли-то мылятся,
Топор-то на страже.
Вот они там, твои-то сподвижники,
У виселиц рядом — в цепях.

Очей не спускают с тебя,
Вспоминают тебя во степях.
 Так бы глядели века,
 Да жизнь коротка.
Сколь ни реви, ни кричи,
Кровь стерегут палачи.
Слышь — барабан.
 Бьет по рабам:
 Смерть, смерть вам!

Слышь.
 Чуй.
 Идет.
 Тишь.

И вот
Смерть взошла на эшафот.
 Замер мир. Пора!
Скомандовал гусарский командир:
 «Пора!»

Срок!
 Вздрог!
 Взмах!
 Взмет!

Молния топора — гром палача:
 С плеч гора — голова Пугача,
 Емельяна Иваныча.

А за главной головой
Задрожали перекладины:
 Под страшенный волчий вой,
 Когда вся земля орала,

Палачевы руки-гадины
Вздернули мужицких генералов.

Ой, батюшка-светы,
 Никому не поспится:
Емельянову голову
 Воткнули на спицу.

Голова-то глядит
Солнцем в селе.
Очи — в страде.
Кровь на челе.
Снег в бороде.
 Прощай!

Видно — застыла в слезах
Морозная чернь ходуном.
Видно — замерзла в глазах
Спина мужика под кнутом
На господском овине,
На этом, на вечном помине.
Прощай,
Вдовушка-земелюшка —
Сиротская вдова:
Головушка-Емелюшка,
Пропала голова.

1931

78. ИВАН БОЛОТНИКОВ

ПСОВАЯ БЫЛЬ

В поместьи своем,
 На хоромном крыльце,
Борзых псов
 И холопов в кольце,
Сидит сам
 Телятевский-князь
 С кнутовищем в руке,
С синячищем
 На белом лице:
Князь вчера,
 На коне загоняя
 В гон псину,
Наскочил
 На осину.
И сегодня охотник
 Пьет
 Крепкий мед
На развальном
 Дубовом крыльце,
Среди псов
 И холопов в кольце.
И сегодня
 Телятевский-князь,
Медом пенным
 Янтарно струясь,

Через гром
Плещет хмелем,
Блестит серебром,
Будто в речке
Серебряный язь.

Брызжет князь:
— Эй, домочадцы,
Псы и псари!

Нам бы век
За лисцами
Мчатся,

Да мешают
Осины —
Ваши цари.

Синяки под глазами,
А цари со слезами:
Тяжко, мол, жить
От алмазных корон,
Ревем, мол,
Да лезем на трон.

Не цари, а купцы —
Год к году новы
Лезут
Царить Годуновы
Торговой грядой,
Алтынной
Татарской
Ордой.

Изгадили
Трон годунята.
А ну-ко, ребята,
Ванька Болотников,
Устин,
Пашка Волк,
Зуб-Зубак,

Покажите
Потеху охотников,
Подымите
На травлю собак.
Разъярите свинью
Под навесом кленовым,

Назовите свинью вы
Царем Годуновым
И айда на клыки.
А я посмотрю,
Как мои дураки
Угождают,
Холопы, царю.
А царь Годунов —
Значит,
Русь без штанов.
Ежли Русь
Без штанов —
Сгинь, Борис Годунов,
Сгинь, как свинья
От телятевских псин,
Царь, сукин сын!
Ибо я — князь,
Нареченный Андрей —
Первым был
У царевых дверей,
У Ивана Васильича
Первым в почете!
А ныне —
Последним
На чёрте.
Убийца!
Зарезал царевича—
Тронсм
Торгует теперича.
А Телятевских, нас —
На квас.
Нет, стой!
Оглобля в ребро!
Телятевский жив!
Эй, холопы,
Лови, ну, хватай серебро!
На свинье докажи,
На Борисе-царе, —
Окаянная кровь его
Из навоза коровьего
Проклятьем лежит
На мужицком дворе.

Чует мужик.
Чуйте, псари,
Какие пошли
По России цари.

Травите свињью
На потеху охотников,
Дуйте в рог
К сбору.
Эй, Ванька Болотников,
Спускай свою свору
С присказом,
С охотничьим глазом.

Ну, начинай
Во весь рот
До ворот! —
Ванька и ухнул:
— Ух-ххо-ххо!
Ух-хха-хха!
Арры-арры-ар-хха-ха!
Ух-хавва-хабба-хадда!
Усь-айда,
Усь-айда,
Усссь!
Гуляй! —

Рог. Лай.
Крик. Лай.
Свист. Лай.
Усссь! Валяй!

Псы вертуном.
Свињья ходуном.
Князь кнутом
Бьет по крыльцу,
Хохочет, трещит:
— Это тебе,
Царю-подлецу,
От людишек
Князя
Телятевского
Зубы к лицу,
Кровь к венцу,
Мечь купцу!

Ух-хха-хха!
Усь-хадда!
Усь-айда!
Царь Борис!
Шпарь, борись —
Царь Борис
На законе.
Не взыщи,
Свинья-Федырыч,
Раз Телятевских, нас
Держишь в загоне.
Усь его мясо
Свинячье на стойле —
Испоганил корону
На царском престоле.
Сгинь, окаянный!
Гляди на потеху
Зверовых охотников.
Ишь, он, мой
Ванька Болотников,
На царя
Травит псин.
Ишь, он ухаёт,
В травле дрожит.
Ах, сукин сын,
Комарицкий мужик!
Ему бы злодейничать,
Холоп даровой,
Науськать бы драться
В степях с татарвой.
Нахвтал,
Наимал бы
Татарских голов,
А мне бы
За выкуп
Барыш наголо.
Ишь, он
Сколь дюжен.
Родился бойцом —
Из моих же
Конюшен
Пошел жеребцом.

Оглоблями
 Били За буйственный нрав,
 И всё ему В пользу,
 И кнут ему — прах.
 И, сукин сын,
 Ловкая тварь —
 Выучил грамоту,
 Знает букварь
 Не хуже меня.
 Продать бы
 Такого, На коня променять?
 Али выгоды боле —
 Запустить На татарское поле? —
 Раздумывал князь,
 Сам с собою,
 Как с бою,
 Торгуясь, смеясь,
 На дубовом крыльце,
 Во псаревом кольце,
 С сиңяком на лице.
 Князь пил мед
 И смотрел На лихую семью:
 Уж давно
 Псы Сожрали свинью,
 Улеглись
 Полукругом
 И, довольные
 Друг утомившимся другом,
 Пели псовую песню свою.
 Уж давно
 И псари Залегли под березой
 И шепчутся
 Там, Будто листья шуршат:

— Помещики,
Слышь, Под мужицкой угрозой.

Смута
Пошла —
Шибко была хороша.

Мужики бают:
Димитрий-царевич
Живой —

Не зарезали.
— Ну? Ой! —
Из души вой. —

Ой! Ну?
— Вот те и ну!
Айда на войну —

Кто
За Димитрия,
Кто за Бориса.

Бейся,
Пластайся,
Борися.

Мы-то все
За Димитрия,
С князем Андреем.

Ужо
Годуновых-то
Взгреем.

Может, с царевичем
Станет
Полегче нам,

Да похуже
Проклятым
Приказным чинам.

Ой, гляди:
Князь-то спит,
Обсопелся медком.

Хорошо
Своровать
Нам бы меду тайком. —

Пополз
Пашка Волк
На крыльцо,

Своровал
Дорогое
Винцо.
Псари выпили.
Крепко
Уснули со псами.
Вечер
В усадьбе
Играл небесами.
В воздухе
Пыль золотая
От солнца
Стояла,
Смотрела
В пустые оконца.
Шелест
Берез
Слухи шопотом нес.
Где-то
В дальних полях
Люди жали овес.
Сладко
Дрыхнули
Псы.
На крыльце
Спали
Князя усы.

В ТАТАРСКОМ ПЛЕНУ

Степь.
Ночь.
Лунь.
Синь.
Сон.
Лай псов.
Крик сов.
Ржанье коней
У дрожанья огней.

Даль.
 Дым.
 Ширь.
 Высь.
 Зыбь.
 Звездная сыпь.
 Кисея полосы
 Седого тумана —
 Чадра океана.
 Гарь.
 Гул.
 Хрип.
 Скрип.
 Плач.
 Ревут татарчата,
 Степные внучата.
 Татарки качают,
 Дают им чаю.
 Поют:
 «Ай, якши ¹ чай.
 Пей. Спи.
 Ай, полумесяц серебряный.
 Сын золотой, спи ты,
 Спи, не скучай.
 Мулла Тифтиляу
 Ходит по юртам сердитый,
 В зеленой чалме.
 Мулла — повелитель неба.
 Тифтиляу не любит,
 Когда просят хлеба.
 Спи, не скучай.
 Бойся муллы.
 Ай, якши чай.
 Пей. Спи».
 Степь.
 Сень.
 Синь.
 Сон.
 Под синим шатром
 Спят шатры.

¹ Хороший (татарск.).

Под лунным костром
 Дымят костры.
 Степь.
 Стан.
 Стон.
 Сон.
 Вой.

Пахнет полынью,
 Мятой,
 Росной травой,
 Шерстью бараньей,
 Обозом,
 Навозом,
 Сеном, овсом,
 Палениной,
 Войлочным тлением,
 Горелой кониной.

Степь горда.
 Спит орда.
 Ханская юрта,
 Как снег, бела.

Поют
 Петухи,
 Перепела.

Звезды
 Бросают сапфиры
 Небес шалуну.
 Блещут секиры, —
 Ханская стража
 Глядит на луну:
 — Ай, якши! —
 Воют собаки
 В тиши.

Около стражи
 Люди в плену.
 В колодках у бруса —
 Два дюжих уруса¹:
 Первый,
 Широк да недолг,
 Урус Пашка Волк.

¹ Русских (татарск.).

Второй,
 Великан,
 Урус Иван.
 Холопы из псарни,
 Телятевского
 Князя парни.
 Пытали отвагу —
 С татарами бились
 В крови до колен,
 И оба
 Попали в плен.
 Степь горда.
 Спит орда.
 Дым да туман.
 Шепчет Иван:
 — Ишь,
 Тишь.
 Слышь,
 Не спишь?
 Пашка Волк шипит:
 — Чшш.
 Тшш.
 Мшш.
 Не сплю.
 Слежу.
 Гляжу
 На стражу.
 У стражи
 Страшный вид:
 Стража сразу
 Стоя спит.
 Как мертвецы —
 С открытой глоткой. —
 Иван зашевелил
 Колодкой:
 — А ну,
 Как я их
 Тут схвачу,
 Помчу —
 Да в степь.

Троих снесу.
Ты стащишь двух.
Да в дух!
— А цепь?

— Порву,
Как пряжу.
И махом стражу —

В степь.
Их только пять.
Домой бы вспять

Да выкуп взять:
С башки от гнусов
По восьми урусов

Пленных. Чуем?
Решайся.
Не в плену —
В степи **ночуем.**

Ну, айда, айда! —
Иван дышал,
Как конь на деле.
Смеялся Пашка —
Только зубы
От луны блестели:

— Куда айда?
Шалтай-болтай, балда.

Их пять,
А выскочат —
Сто тридцать пять
В один удар.
Али не знаешь
Ты татар?
Ухлопают.
Обидно станет
Издыхать
На ханском стане.
Не ерзай глоткой,
Погоди шуметь
Колодкой, —
Ужо найдет
Свой ход
Живая мышь.

Чуй.

Слышь.

Чшш.

Тшш.

Мшш. —

Иван замолк,
Дыша конем.
Замолк и
Пашка Волк,
Застыл огнем.
Следят,
Глядят в туман.
Ага! Вот нате:
Из снежной юрты
Вышел хан
В серебряном халате,
Как в лунном сне.
Хан был один.
В парче искрился снег,
В чалме горел рубин.
На пухлом пальце
Звездой играл алмаз.
Хан совершал намаз:
Перед луной
Хан опустил на колени,
На коврик
Голову склонил,
Как лег на плаху,
И замер
В шелесте молений
Небесному аллаху.
Со всех сторон,
Как тьма ворон,
Муллы кричали:
— Алла, алла! —
Молнией сверкали
Секиры стражи.
— Алла, алла! —
Гром жил
За степью вражьей.
— Алла, алла! —

Закончиь тихие дела,
Блистая
 Лунным снегом, хан
Скрылся в юрту.
 Дым. Туман.
И снова —
 Царство снов.
 Лай псов.
Ржание коней.
 Дрожание огней.
 Костры. Шатры.
Степные запахи
 Волной.
Луна свой
 Путь перевела.
Стража сонно
 Бродит под луной.
Баюкают татарки.
 Петухи. Перепела.
Прохлада сочная
 С бахчи.
 Ночная тишь.
Лишь
 Пашка Волк ворчит:
— Ванька, слышь?
 Я те говорил:
 Не суйся
 Сразу в кучу.
А ты свое:
 «Айда, айда,
 Я всех их взбучу».
Бык, хрен!
 Вот и залезли
 В басурманский плен.
Татарва хитра. —
 Иван смотрел
 В тень ханского шатра:
— Мешает цепь погана,
 А шибко хорошо бы
 Сцапать хана —

Упер бы,
 Как подушку
 Во избушку.
Ой, упер бы,
 Уволоки
 До сна ли?
Упер бы,
 И на конях
 Не догнали.
Ханское мясо бы —
 Псам,
А халат одел
 Сам.
А тебе бы, Пашка,
 Сафьяновые сапоги,
 Штаны, рубашка.
А камня —
 На, возьми, моя Палашка. —
Чесался Пашка:
 — Не жалко ханского добра,
 А жалко своего ребра.
Ужо шалтай-болтай
 Покуда, а глазом,
 Как змея, води, —
Того гляди,
 Заметят, что не спим, —
 Посадят в яму. Поди,
Вспомянем лихом маму.
 Из ямы-то
 Не выскочишь блохой.
А тут хошь
 Сон плохой,
Да зорко видишь в очи,
 Где пути короче.
Не болтай, не рвись.
 Будь кротким молодцом.
Совет даю:
 Веди себя
 Невестой под венцом,
Такой веди обычай.
 А там глядишь,
 И убежишь с добычей.

Смекай.
 Ты слышь?
 Не спишь? —
 Иван сопел сурово:
 — Не слышу. Сплю.
 Смирен ты шибко,
 Рыжая корова.
 А может, впрямь
 Моя ошибка,
 Что я привык,
 Как бык,
 Рогами тык да тык, —
 Раз не по мне
 В седле —
 Неправда на земле.
 — А ты, —
 Блестел
 Зубами Пашка, —
 Не тыкай зря,
 Чуй
 Волю, пташка,
 Да боле лбом
 Смекай,
 Учись, урус.
 Аль Пашка
 Трус?
 Аль крепок брус?
 Аль бел арбуз?
 Учись, урус,
 Где чья берет.
 Глади. —
 Иван
 Разинул рот:
 — Ой, дьявол, ловкий,
 Ты без цепей,
 Ты без колодки? —
 Улыбался
 Пашка месяцем:
 — Стража спит,
 Как мясо весится.
 Ой, без цепей
 Якши! И ты давай,

Глуши в тиши.
И ты давай. —
Иван пыхтел:
— А мне что каравай
Размять
Железа кольца —
Авось да
Не уколются,
Авось да
Пожалеют пленника
Железные ерши.
Ай, якши!
Ишь,
Тишь.
Слышь.
Чшш.
Тшш.
Мшш. —

Степь горда.
Спит орда.
Ханский ишак
Ревет, как бес.

Стонет в полете
Предранняя цапля.
На синем ковре
Небес

Висит
Драгоценная сабля.
Лают собаки,
Скребутся от гнуса.
Розовеет

Ночная чадра.
Ползут два уруса.
Ползут два уруса.
Ползут от шатра
До шатра.

Устало татарки
С немymi улыбками
Дремлют, поют
Над ребячьими зыбками:

«Ай-я-ай.
Бойся муллы.
Мулла — повелитель неба.
Тифтиляу не любит,
Когда просят хлеба.
Гиль бахча култы сайт».

Блеют бараны
В кисейной прохладе.
Кому-то тепло
Спать в стежёном халате.
Кому-то постель —
Кукуруза.
Кому-то постель —
У костра.
Ползут два уруса.
Ползут два уруса.
Ползут от шатра
До шатра.
Выглянут.
Скроются —
Снова назад.
Воины
Троицей
Стан сторожат:
По трое ходят,
По три копыя,
По три колчана,
По три ножа.
Ходят в молчаньи,
В бараньих чулках.
Стрелы в колчане.
Собака чутка.
Заря назревает —
В крови полоса.
В станном сарае
Растут голоса.
Орда просыпается.
Тени нежны.
Сабля-красавица
Лезет в ножны.
Ханская стража
Трепещет у бруса —

Порваны цепи,
 Как ложь людей.
Ползут два уруса.
 Ползут два уруса.
 Ползут к табуну
 Лошадей.

Вот ближе, ближе.
 Ветер игривый
 Треплет и лижет
 Конские гривы.

Вот уже запад
 Глазам быстрым нужен —
Чуется запах
 Родимых конюшен.
Кони — как бусы
 На россыпи дней.
Вот уж урусы
 Ловят коней.
Вскочили.
 Айда!

 Пыль да туман.

Ой, беда!
 Чу! Барабан.
Вопли из рога —
 Тревога!
Враги у порога —
 Тревога!
Гам.
 Гон.
 Гул.

Визг.
 Писк.
 Свист.

Топот копыт.
 Топот копыт.
 Топот копыт.

Вихрь
 Грив погони.
Тюбетейки.
 Халаты.
 Кони.

Рыщут
 Култайки.¹
 Взмыль
 В любом,

Свищут
 Нагайки.
 Пыль
 Столбом.

Гонят татары —
 Халаты — пузыри.
 Гонят урусы —
 Степь в крови зари.
 Взмыль
 В любом.
 Пыль столбом.

Стукнулись,
 Брякнулись
 Лоб со лбом.

Иван кулачищами
 Бац да бац
 В удар.

Пашка каблучищами
 Раз да раз
 В угар.

Навалилась куча
 Разгневанных татар.
 В кучу гнева, ярости,
 В кашу ног и рук
 Свалились от усталости
 Урусы с другом друг.
 Зубы щелкают.
 В крови кулаки.

Рявкнул Иван:
 — Стойте, дураки!
 Яхши барыш алтын.²
 Гурта-бурда,
 Стой, орда!

¹ Рабов (искаж. татарск.).

² Помиримся лучше на золоте (татарск.).

Селям меликем! ¹
 Здравствуйте!
 В зубы тын —
 Яхши алтын.
 Пешкеш ² даю:
 Штаны,
 Рубашку
 И в придачу Пашку.
 Ашай
 Джинджя буса ³ —
 Жрите
 Пашку уруса,
 А меня не тронь.
 Яхши? —
 Иван гоготал,
 Как конь:
 — Ой, яхши барыши:
 Кости да говядина на шши! —
 Пашка ржал
 В лебедé:
 — Ой, люди, люди-лебеди!
 Словили язя,
 А жрать нельзя.
 Морды в кровище,
 Лапы в кровище —
 Смехота-грехота
 В логовище.
 Стой, орда, не кусайся!
 Авось, не усвищем,
 Раз изловили
 Двух зайцев,
 Давайте мириться!
 Яхши?
 Мы — не князя,
 Вы — не ханы,
 Брюханы.
 Мы — княжьи собачники.
 И сами псы.

¹ Здравствуйте (татарск.).

² Выкуп (татарск.).

³ Ешьте, если будет надо (татарск.).

Вы — ханские рачники.
И тоже псы.
Ваша берет —
Наша дает.
Ваша дает —
Наша берет.
Ой, якши маемся,
Лаемся, псы.
Князь берет —
Хан дает.
Князь дает —
Хан берет.
А нам с вами —
Аллах да богородица, —
Ни хрена
Не приходится. —
Татары хохотали,
Как горох катали:
— Ай, якши урус!
Урус! Шайтан!
Урус Пашка!
Урус Иван!
Ай, якши шайтан! —
Прохохотались татары.
Обмотали урусов
Ремнями
Почти до колен —
Теперь никуда, мол,
Не денутся —
И в кружеве лент
Потащили младенцев
Снова
В свой плен.

СТАМБУЛ

Как морем
С горем ехали —
Гребли
В сто двадцать спшн.
Рабам
Грести потеха ли —

Греби,
 Не жри, не спи.
А море то
 Большущее —
Лишь небо
 Да вода,
Да волны —
 Пасти щучии, —
Да жгучая
 Беда.
Молчи, Иван,
 Греби, Иван,
Да думай,
 Пленный раб:
Поднять бы
 Рабский караван,
На бунт
 Поднять пора б.
Сто двадцать
 Дуг бы
Разогнуть,
 Расправиться веслом,
Да в двести сорок
 Рук бы
Гнуть — башки
 Снести на слом.
Но вот досада:
 Русских тут
Иван да
 Пашка Волк,
И будет тут
 Им двум капут,
И бунт сгорит
 Не в толк.
Невольники
 Все разные,
Врозь
 Их языки.
Потные да грязные,
 Как в избах косяки.
А кожа их,
 Копченая

Под солнцем
 Да кнутом,
Блестит,
 От пота черная,
В молчании
 Крутом.
Гребут,
 Гребут невольники,
Секут
 Морскую степь.
Куда тут
 Свою боль ни кинь —
Кругом
 На шее цепь.
Надсмотрщики,
 Как звери, зло
Глядят
 На гребь рабов.
И тонет
 Рабское весло
В крови
 Морских гробов.
Не каждый
 Греблю вынесет,
Адохнуть
 Заодно, —
Без дружества,
 Без выноса
Ложись
 Навек на дно.
Сто двадцать спин
 Гребут, молчат, —
Сто двадцать
 Жизней мрут,
С глазами
 В западне волчат
Влачат свой
 Рабский труд.
Гребут.
 Галера не легка.
На кожах
 Пот — роса.

Играет
Ветер в облаках,
Вздувая
Паруса.
Гребут. Торчит
Товаров горб —
Шелков,
Вина, ковров.
Купец, хозяин,
Толст и горд,
Живет
Среди даров.
Ему, купцу,
Как взмах гребцу, —
Кругом лишь
Барыши.
А потому
Лупи, рубцуй, —
Рабы ль
Не хороши?
Гребут. Купец,
Яхши-амбул,¹
За каждого
Раба
Получит
В городе Стамбул
Верблюда
В два горба.
Сто двадцать спин
Уйдут в карман.
И будет
Он богат,
Когда
Верблюжий караван
Отправит
На Багдад.
Купец завзятый
Хайреддин
Гребцов
Нешадно жал —

¹ Будь также хорошим (татарск.).

Над сердцем
 Рабским впереди
Держал он
 Свой кинжал.
Так два врага —
 Купец и раб —
Таились,
 Зла лютей,
Чтобы росла
 Вражды гора б
Взъерошенных
 Людей.
Так два врага
 Делили дом
В борьбе
 За кровный страх,
Чтобы когда-нибудь
 Потом
Сразиться
 Насмерть, в прах.
Так два врага:
 Иван один,
Телятевский
 Холоп,
Другой —
 Богатый Хайреддин,
Брюхатый
 Остолоп,
Смотрели оба
 На простор
Своих надежд
 И дней.
Галера шла
 Через Босфор
Среди
 Вершин теней.
И каждый
 Думал про свое
И жизнь волок,
 Как вол.
И каждый метил
 Вдаль копье.

Босфор
Галеру вел.
Сто двадцать спин
Хотели знать,
Зачем гребли,
Куда,
Ведет куда их
Новизна —
Босфорская
Вода.
И вот
Галера
Вышла из ворот.
Гребцы,
Взмахнув
На поворот,
Открыли
Рот, как грот:
Стамбул яхши!
Стамбул краса!
Разлив
Морских дорог.
Горят
Цветные паруса
На глади гавани,
Где Рог,
Где Золотой
Чудесен Рог,
Среди струн мачт
Прозрачен, строг.
— Стамбул яхши!
Стамбул яхши! —
Кругом в ушах
«Яхши» шуршит.
Галеры
Тысячами в ряд
Уткнулись
К городу носами,
Где полумесяцы
Горят
В лесу мечетей
Вверх усами.

Где город
Солнцем-серебром
Раскинут
Бархатным ковром,
В цветах
Затейливых умов,
В узорах
Улиц и домов.
Где в пестроте
Людской реки
Турецких фесок
Кровь бурлит.
Чалмы,
Тюрбаны, башлыки.
Арабский шелк
Муллов-улит.¹
Верблюжья шерсть
И шерсть ослов.
Чадры. Тюки.
Волы. Арбы.
Народов смесь.
Гул резких слов:
— Эй, хабарда,²
Идут рабы! —
Яхши Стамбул!
Блестят глаза
Купцов,
Торгующих рабами.
Для них Стамбул —
Сплошной базар,
Ковер, растянутый арбами.
— Эй, хяль бурда!³
Скорей иди! —
Гляди: к груди
Прижавши перстень
с изумрудом,
Перебирая четки,
Хайреддин
Идет с товаром —

¹ Святых мулл (арабск.).

² Сторонись (тюркск.).

³ Иди сюда (тюркск.).

Рабским грузом.
 Сто двадцать тел,
Из бронзы литых,
 Отборных
 Молодых гребцов
Стали
 На рыночные плиты
На зависть
 Алчную купцов.
— Эй, хяль бурда!
 Товар яхши!
Эфенди!¹
 Сам аллах
 Их сделал. —
Торгует Хайреддин.
 Сбежались торгоши,
Прикидывают:
 Сколько с тела?
Ай, рабы яхши!
 Ай, хороши!
Но вот один,
 Как Магомет,
Прекрасен
 Счастием примет:
Могуч, красив,
 Отвагой дышит
И гордо
 Голову свою
Он держит
 На плечистой крыше.
Яхши урус!
 Урус не трус:
Готов,
 Как вшей,
Давить
 Брюхатых торгошей.
Рычит
 На жирные башки:

¹ Начальник (турецк.).

— Не подходи,
 Не троны!
 Не то я ногтем-когтем
 Выпущу Султанские кишки
 И тут же на базаре
 За гроши
 Спущу брюшины,
 Ай, яхши! —
 И Пашка,
 Рыжий Пашка тож,
 Знай подтыкает
 Ивана В прочные бока:
 — Ох, дай мне нож —
 Зарежу Любого торгаша-быка!
 И в первую голову
 Зарезал бы падину —
 Нож вместе
 С кулаком всадил я
 В брюхо Хайреддину
 Да поволок на плаху
 К ихнему аллаху:
 На, мол, получи
 Вонькую образину.
 Аллах бы только
 Рот разинул.
 Я бы и аллаха
 Раскатал —
 Ишь, продают нас,
 Как скота! —
 Иван скосил глаза,
 Сказал:
 — Сто двадцать нас
 В единой куче,
 Да там запас
 Таких же рабьих рук,
 Да нищих тут
 Голодный круг, —
 Не знатно ль было бы
 В кровавой буче

Сорвать башки
 Купцам покруче
 И на галерах бы
 Махнуть
 Домой обратно
 Морем в путь.
 И там поднять кабы
 Холопов бы,
 Медведей, на дыбы. —

Пашка брюхо почесал —
 Не поверил в чудеса:
 — С чем пойдем мы на врагов,
 Когда нет у нас рогов?
 Ни рогов-рогатины,
 Лишь язык ругать иных
 Да пустые кулачишки. —
 А у них —
 На саблях шишки,

За поясьями ножи,
 У охраны бодажи,
 Копья,
 Стрелы, бурдажи.
 Вот и сунься,
 Докажи. —

А народ —
 Утиный сброд:
 Где какая сторона —
 Не поймешь тут ни хрена.
 Все черны
 Тут человечки,
 Будто
 Вылезли из печки.
 Ерепелятся, кричат
 Наподобие галчат:
 -- Хяль бурда! Люля-кебаб!
 Лаваш! Кишмиш!
 Долма! Нажрап!¹
 Яхши, эфенди, раб!

¹ Перечень восточных яств и продуктов питания.

Кому раба за ишака?
Яхши мой раб, шакал:
Из Палестины
Пришагал
Без пищи, без питья араб.
Яхши товар —
Мой раб.
Люля-кебаб!
Люля-кебаб! —
Торгуют. Варят.
Пьют. Едят.
И тут же
Продают ребят.
Яхши Стамбул!
Базар в дыму:
Баранов
Жарят на мангалах.¹
Шашлык кому?
Рабов кому?
Кому вина
В бокалах?
В кофейнях шум,
Халатов шелк:
Кальяны
Курят гости.
Базар от пыли,
Дыма желт.
Купцы
Играют в кости.
Арабы продают
Духи — калям.
Фату отмеривают
Персы. Локти — мера.
Дервиши
Поют селям² —
Стихи
Хайям Омэра.
С жемчужными дарами

¹ Жаровни (перс.).

² Приветствие (тюркск.).

Открыв
Слоновые ларцы,
Меняются коврами
Венецианские купцы.
Янтари — у греков.
Кувшины — у индусов.
У турков — перец и бобы.
Яхши Стамбул
Восточных вкусов!
Жесток базар,
Где вопль — рабы.

Где боль
Невольников густа,
Как с кровью
Сжатые уста.
Яхши Стамбул!
Жесток Восток,
Где рабство женщины
За каменной чертой
Сокрыто,
Как ее лицо чадрой.
Где Рамзиэ?
Где Саадэт?

Где Черибан?

Таит
Султанская столица
Их женские
В гаремах лица.
Чу! Барабан.
Хан Хайреддин
С зурной и танцами
И с бурдюком вина,
Купцов среди,
С венецианцами

Идет к рабам,
Звеня султанцами.
Закончив сделку,
Под свистелку
Хан Хайреддин —
Базар яхши —

Подсчитывает барыши,
Набитые с горбов
За проданных рабов.
Яхши гребцы!
Под танцы
Всем диваном
Любуются Иваном
Венецианские купцы:
— Эль белло кабалеро!¹ —
И живо Ване
Имя дали:
Джиованни.
Ну, Джиованни, ладно.
Иван просиял
Устало,
Как будто бы ему
От этого
Вдруг легче стало.
Скорей бы
В путь иной
Жизнь новизной обула,
Скорей бы да скорей
В даль яростных морей
На парусах
Подальше от Стамбула.
Туда, в моря,
В размашные просторы
Воды и крыльев лебедей,
Где жизнь
Вздывает волны-горы
На горе
Или счастье людей.
Где мир открыт,
Как новые ворота,
Для таких
Неслыханных гребцов,
Которым
Для холопского народа
Не жаль голов
И золота купцов.

¹ Молодец парень (итал.).

Туда — в моря!
Глаза его пылают —
Поверх мечетей
Месяцем горят.
Туда — в моря!
Вся быль его былая —
Для пушки
Изготовленный снаряд:
Взорваться бы,
Раздаться громким громом,
Встрясти луга людей
Кровавым днем.
По княжеским,
Помещичьим хоромам
Сверкнуть бы
Пожирающим огнем.
Туда — в моря! Там
В чужедальних странах,
Поди, ведь там
Такие же рабы
Шпыняют по местам
В обутках драных.
И много их,
Как гречневой крупы.
Вздыбить бы всех. . .
Взвивались мысли,
Когда Иван
К галере шел,
Когда рабы
В раздумьи кисли
Под розовый
Заката шелк.
И даже рыжий
Пашка Волк,
Потягивая носом
Сырость моря,
Нахмурился,
Как вечер, смолк,
С неведомой судьбой
Своей не споря.
Лишь думал:
«Где это Венеция,

Заморская страна,
И долго ли вертеться я
Буду
На волнах?
Где эта Венеция,
Какого рубежа?
Хотел бы
Приглядеться я —
Нельзя ли
Убедить.
В рабах,
В холопах, в дураках
Не хочется
Тужить,
А хочется
На берегах
Оттачивать
Ножи
На этих, кто
Казной богат,
У кого —
Копье,
На этих, кто
Пирует, гад,
И кровь,
Как брагу, пьет.
На этих...
Ишь, они, купцы,
Под хайреддиновские
Танцы
Идут в галеру,
Чтоб грёбцы
Орали им:
Венецианцы!»
На берегу
В тряпье народ
И дервиши
Хайям Омэра,
Открыв стамбульский
Ржавый рот,
Кричали:
— Ай, яхши галера! —

Рабы.
Ковры.
Тюки.
Гашиш.
Вино.
Из шелка паруса.
Купцы.
Скот.
Стражники.
Паши.
Венецианская
Краса.
Сарай-вар-бар-амбар.
Любуйтесь,
Потные муши,¹
За лаваша
Сгрузившие товары
Храбрейшим рыцарям
Креста, меча
И рабьего бича.
Закат в Стамбуле
Густ, широк,
Как кровь
Шахсе-вахсе.²
Вся гавань
Золотой Рог
Глядит
Ковром на всех.
В лесу мечетей,
Мачт, снастей
Блуждает
Ночи синь,
Из кручи туч
На круг гостей
Глазеет
Лунный апельсин.
Галера дрогнула.
Все враз
Три сотни
Спин гребцов

¹ Грузчик, носильщик (турецк.).

² Религиозная мусульманская церемония у шиитов.

Взмахнули хлестко
Под приказ
Распировавшихся
Купцов.
Прощай, базар,
Турецкий берег,
Огни домов!
Стамбул-гора,
Теперь тебе
Рабы не верят,
Как в твой
Изглоданный Коран.
Теперь рабы
Иную веру
Почуяли
В руках, в груди, —
Они бы
Эту же галеру
Могли бы
В праздник обратить.
Об этом думы.
Ночь густа.
Чернее ночи
Бродит стража.
Молчаньем
Скованы уста.
Тьма. Бездна.
Копоть. Сажка.
Три сотни тел
В поту, под хрип
Гребут и море
Рвут на части.
От стога — гул,
От весел — скрип,
От ветра
Хлещут снасти.
Купцы в покое —
Спят в шатрах
Под серебром
Морского месяца.
Лишь дикий ветер,
Будто страх,

В шатры порывом
Гнева метится,
Иль то не ветер,
Дик и пьян,
Гуляет
В будоражном споре:
Задумал думу
Раб Иван —
Поднять рабов,
Как бурю в море.
— Ужо взгребем, —
Грузя весло,
Шептал холоп
В затылок Волку, —
Чтоб жизнь
Привольную несло,
Как в половодье
Носит Волгу.
— Ужо взгребем! —
Метался Пашка. —
Кишки купцов
Развесим всласть.
Тогда лети
На волю, пташка,
Знай подымай
Холопью власть.
— Ужо взгребем! —
Под ветер воем
Рычал Иван. —
Терпеть нельзя:
Рабам осталось
Жить разбоем,
Раз так живут
Купцы, князья.
В Москве, в Руси,
В орде татарской,
В стране турецкой,
Да и тут,
Как на конюшне
На боярской,
Один под кнут —
Капут,

Одна арба.
 Гляди: зверина-стражник
 Бьет раба.
 Раб — турок.
 Нет, стой, не дам!
 Раб — не окурок.
 А нам не страшно,
 Нас тут — груда!
 Эй, хабарда! ¹ —
 Пашка хрипел:
 — Терпи, терпи покуда! —
 Иван орал: — Пора! Пора! —
 Волк выл:
 — Терпи пока!
 Не съешь быка
 Без топора.
 — Пора!
 — Нет, не пора!
 Рабов зря
 В раж не кинь.
 — Эй, хабарда! —
 Вбежали стаей
 Стражники
 С бичами да копьем.
 Дерут, орут:
 — Убьем! Убьем! —
 Начальник крикнул:
 — Эй, Джиованни, горе!
 Помни о смерти —
 Memento mori! ²
 Гроби!
 Финита! ³ —
 Снова тишь.
 Слышь —
 Бьет за волной волна.
 Горе нищим.
 Тишь. Лишь
 В облаках луна

¹ Сторонись! (тюркск.)

² Помни о смерти (лат.).

³ Кончено (итал.).

Вытаскивает
Нож из голенища.
Купцы в покое —
Спят в шатрах,
Где тень,
Как тигр, легла.
Гуляет ветер,
Будто страх.
Кругом —
Морская мгла.

венеция

В зеркальных мастерских
Зеркальный блеск
Тускнее дум
Рабов — пора б
Туда,
Где волн морских
Шумящий плеск,
Туда зовет
Восставший раб.
К галерникам — туда б.
Там слышен бунт.
Венеция в тревоге.
Иль это мнится?
Шум морей?
Молчит свинцовый
Свод-горбун.
Охрана — на пороге.
И мастерские,
Как темница:
В решетках окна,
Пыль веков,
Молчанье,
Гулкий звон оков.
В жаре, раздеты
Догола,
Рабы шлифуют зеркала,
Рабы муранского стекла.
Жара.
В горячий вечер

В горле зной
Стоит
Тупым куском:
Африканский ветер
Гонит в окна
Зной с песком.

Жара.
В венецианских зеркалах
Мельканье рабских рук, —

Вся жуть
В бесчисленных телах
Отражена вокруг
На всю Венецию
Палаццо,¹ островов
(их более чем сто),
Сплошных каналов,
Двух сотен площадей,
Четыреста мостов.

На всю республику
Святого Марка
Папской веры,
Где пыне стало
Слишком жарко:
Торговые галеры

Объяты
Рабским бунтом
На море и в порту.

Венеция живет
И спит будто
С ножом во рту.

Мятежный дух,
Как африканский ветер,
По узким улицам домов
Снует десятый
Знойный вечер
И будоражит гладь умов.

Снует
По мастерским изделий
Мозаики, муранского стекла,

¹ Дворцов (итал.).

Слоновой кости,
Мрамора,
Шелков,
Свирелей,
Железа, кож, свинца.
Рычит,
Где кровь текла
Рабов,
Как слезы
Смертного конца.
Мчит
По каналам
К гондольерам,
Стучит
По тюрьмам,
По мостам,
Бежит
По трепетным
Галерам,
По всем
Обиженным
Местам,
Где только раб,
Бедняк
Иль нищий
Отрады
В бунте
Жадно ищет.
И всюду
В пестроте названий
Зачинщиков,
Кто дерзок и умен,
Несется
Имя
«Джиованни»
Среди
Волнующих
Имен.
Героями
Толпа не обеднела:
В часы восстаний,
Памятью горя,

Вспоминаются
Томазо Кампанелла
И лик Дольчино —
Сердце бунтаря.
Десятый вечер
В дрожи
Дожи,
Совет патрициев,
Суд инквизиции,
Сенат.
Папская Венеция
Потрясена!
Монахов
Яростная арка
Кишит
В негодованьи:
В республике
Святого Марка
Рабский бунт.
И кто он,
Джиованни?
Раб —
Дьявольская лапа!
Спаси, Христос!
Мадонна!
Папа!
Проклятие рабам!
Проклятие!
И всем,
Кто к ним пристал!
С мольбой монахи
Взирали на распятие,
На золотое
Изваяние Христа.
Проклятие!
В палаццо дождей ли
Не скрежетали:
— Дожили!
Неблагодарный раб!
Какой-то московит,
В Стамбуле
Купленный купцами,

На подлость
Смел и мозговит,
Затеял
Бунт с гребца ми.
Чума Руси!
Взбесившийся пират!
Разбойник!
Сатана морей!
Удава сын!
Гиены брат!
Дикарь из дикарей!
Бунтарь из бунтарей!
Послать войска
Сегодня же, скорей.
Схватить всех
Рабских главарей.
Иначе бунт
Не в меру разгорится и
От клыков рабов
Первыми падут
Купцы, патриции.
Меч у виска.
Послать войска!
Рука
Инквизиции вольна —
Венеция
Еще сильна!
Memento mori!
Горе!
Дышать от бунта нечем. —
Десятый вечер
Трибунал
Рабов с галер
По тюрьмам гнал,
Пытал, казнил,
Железом жег,
Сажал
В отравленный мешок.
Memento mori!
Кольцо купцов,
Совет патрицев,
Монашество, сенат

Мстили
 Бунтарям сторицею.
Венеция потрясена!
 Во всех углах
Тоской
 Светила броско
 Мадонна-дева.
В муранских зеркалах
 Кривилась роскошь
 Страстью гнева:
Хотелось
 В гибели рабов
 Увидеть вновь
 Игру каналов,
Вино
 Мессинских погребов
 И блеск любовных
 Карнавалов.
Хотелось оргий, —
 После крови
 Забиться
 В шелковых лучах.
Патриций зоркий,
 Вскинув брови,
 Победы ждал
 От палача.
Не в первый раз
 Рабы вскипали,
 Как пена
 Штормовых морей.
И те рабы
 На плаху пали —
 Скосила сила
 Бунтарей.
Memento mori!
 Силы в споре —
В смертной встрече
 Двух злых врагов.
Десятый вечер
 Мечет море
У венецианских берегов
 Галеры в пасти,

Рвутся снасти,
 Как бьются
В волнах голоса.
 Галеры в куче
На зыбкой круче
 Пластают
В драке паруса.
 Галеры стаей,
 Вдруг вырастая,
 Как кони,

Лезут на дыбы.
 Галеры с боем
Гремят прибором,
 И тонут с боем
Войска, рабы.
 И каждый гибнет
В вихре-гимне,
 И вместе —
Смешанным огулом.
 По-зверски шторм
Обильный корм
 Швыряет
Бешеным акулам.
 Кто — где.
 В воде?

Не всё ль
 Одно.
Кто — где.
 В беде?
Идет
 На дно.
Расправы шторм
 Клыки оскалил —
Дрались
 Отчаянно гребцы,
И там,
 Где волю лет искали,
Нашли
 Мгновенные концы.
Кто — где.
 В воде?

Крутая
Тьма.
Кто — где.
В беде?
Кругом
Тюрьма.
Во тьме,
В тюрьме,
В ночном ряду
Промокших тел
Горячий гул
Гудел
В бреду
Огня желаний:
— Эй, Джиованни,
Бунт не кончен.
Рабы во тьме,
В тюрьме,
На дне морском,
В земле ползком,
В клещах
Смертельной боли,
Рабы
Останутся всегда
Гребцами воли.
Эй, Джиованни!
Шторм вокруг.
Кто — где.
В беде?
Ты где,
Наш кровный друг?
Ночь тень несла,
Гондолы тень,
Да блеск весла
И зла.
Гондолы тень
В тюрьму везла
Тень черного посла.
Высок он
Был,
Когда входил
В железные врата.

Из окон пыл
Очей следил —
Что дверь не заперта,
Что страж один
У страшных врат.
И страж был
Тих и тайно рад,
Когда к нему
Тень тех очей
Припала
Для речей:
— Ты знаешь сам —
Люблю его.
И жизнь
Ему дарю.
И ты люби.
И вместе мы
Поможем
Бунтарю.
Ты знаешь сам,
Что через час
Он будет
Здесь казнен.
Он ждет меня,
Он верит в нас —
И мы его
Возьмем.
Вода черна,
Как я — верна,
Ты нашим
Счастьем будь,
И мы, как
Легкая волна,
Уйдем
В далекий путь.
Ты видишь сам —
Слепая ночь
Не зря
В крови молчала.
И мы должны
Спасти, помочь.

Гондола
У причала.
Смотри:
Под мантией я — страж.
Останусь
Я у врат.
Ты форму стража
Ему дашь —
Он выйдет
Без преград.
Иди, наш
Верный друг, молчи.
Останусь,
Чуть дыша.
Пускай
Тяжелые ключи
Хранят
Ваш каждый шаг.
Иди, скажи:
Мария тут
Дрожит,
Как гонга медь.
Когда на казнь
За ним придут,
Мы будем
Звездам петь
И плыть
В ночной тиши.
Иди. Спешу. —
И страж ушел.
Мария-Коломба
Скинула черную
Мантию прочь,
Стала каменным
Стражем у врат,
Где фонарь караулил
Тюремную ночь.
Чу! Гондола к темнице —
Плещут волны канала.
Тень за тенью таится:
Это судьи
Ползут —

Инквизиторский
Суд —
Это судьи
Идут трибунала.
Мария тяжелым ключом
Отворила железную дверь,
Надавила холодным плечом,
Как мечом
Провела
По холодному сердцу.
Трибунал миновал —
Ушагали, шурша
Алым шелком
Палаческих мантий.
Трепетала душа —
Колебались весы
На груди бытия,
На приколоте банте.
Надеждами
Били в башне часы.
Здесь минуты —
Как счастье подарка.
Удары часов
Улетали, как голуби
С площади Марка.
Время, спаси!
Чу! Стук шагов.
Это — они!
У Марии глаза —
Золотые огни,
И сердце, как птица
В апрельские дни.
Откройся, темница!
Это — они!
— Джиованни!
— Мария! —
Два возгласа вдруг
Замерли счастьем
В сплетении рук.
Скорей же, скорей
От тюремных дверей,
От зверей.

Гондола легка.
 Звезды — вместо огней.
 Сил горячих не жаль.
 А ты, ночь, ты
 Укутай плотней гондольеров
 В широкую шаль.
 Воля —
 Жгучая власть,
 Беспредельная высь,
 Солнцем сыплет
 Заботы иным.
 И гондола неслась,
 Как счастливая мысль,
 По каналам,
 Рабами сработанным.
 — Кто тут гонит? Эй, стой! —
 Орали с мостов
 Караульные псы с фонарями.
 Джиованни кричал:
 — Видишь, стража
 Походных крестов
 Занята бунтарями!
 От них
 Некуда деться и
 Некуда деть их:
 Ныне в рабской Венеции
 Бунтари —
 Даже дети.
 Пахнет бунтом
 У каждых дверей.
 Эй, сеньоры, нет ли у вас
 Из таких главарей? —
 Караульные
 Лаяли в тьму:
 — Их свалили,
 Как рыбу, в тюрьму —
 Судьи их потрошат.
 У раба Джиованни,
 Наверно, душа
 От клещей

Пошла
 К дьяволу в гости,
 Где жизнь
 Для рабов хороша.

Будет он
 Помнить Венецию
 Дожей! —
Джиованни смеялся:
 — И Венеция — тоже. —
Гондола неслась.
 Воля —
 Жгучая власть.

Только брызги
 Алмазным хвостом
Сверкали в канале
 Под каждым мостом.
Молчали да гнали.
 И только потом,
На разливе в порту,
 Стало легче
 Ретивому рту.

Иван небом,
 Как хлебом, вздохнул:
— Ххо, пираты на воле,
 На море! А звезды?
Как зерна посеяны в поле.
 Ой, хорошо бы
 Домой
 Полететь
 Соколом бы! —

Иван — ну
 Как земля на луну —
 Посмотрел на любовь,
 На Марию-Коломба;
— Мария, ты — радуга,
 Спасенье мое!
 Вижу — ты рада.

Рад и друг Онорато.
 А я уж так рад,
 Как в саду виноград.

А в саду винограду
 По горло полно.

Не жизнь —
 Золотое вино.
Не море качает,
 А сам я весь пьян:
От казни спасли вы!
 Я самый
 Счастливым
 На свете Иван.

И светел мой след
 От весла.
Я снова
 Родился на свет —
Ты, Мария,
 Меня принесла,
Будто мать.
 Мы на воле,
На море,
 Нас не догнать,
 Не поймать.

Уплывем на размахку,
 Как ветер в степях.
Жаль только Пашку —
 Сидит он в цепях.
Ну, авось да сорвет пелену —
 Бывалое дело
 В татарском плену.

А я вот
 В раздольи, на воле.
Мария — любовь,
 И ты, друг Онорато,
Мы — в гондоле,
 На вольной воде,
В красной доле.
 Пора-то,
Пора!
 Жизнь острее топора.
Вчера — раб под купцом,
 Вчера — конь под дугой,
А теперь — молодцом:
 Я родился другой

Да с мозгами по пуду,
 Пропаду,
 Но рабом
 Никогда я не буду.

Клянусь!
 Пылью неси
 Меня в дали!

Ветер,
 Башку мне сорви!
Волны морские,
 Вы сами видали:
Девять дней мы
 Пластались в крови,
Девять дней мы
 Тонули гробами.

Дрались,
 Помирали
 С рубцами на теле, —
Мы не хотели
 Жить больше рабами.

Не будем — клянусь!
 Прям и ясен
 Путь мой,

Думы
 Волей болят:
 Полетел бы домой
 На родные поля.

Клянусь!
 Я бы поднял
 Холопскую Русь
 На дыбы,
Запалил мятежом.
 И у нас там — рабы,
 Мужики под ножом.

И у нас от беды
 Крови ало:
На Руси все
 Бунтуют немало.

Эх, домой бы,
 Домой горяча —
 Не жалел бы
 Крутого плеча,

Не гулял бы,
Где горе-трава,
А колол бы
Бояр на дрова.
А бояр у нас
Да патрициев с сечкой,
Как тараканов
За печкой.
Сам жил
У князя псарем,
Знаю, как жить
Под царем.
На Русь
И погоним мы
Быстрее птицы —
Скорей бы
Добраться
До русской границы.
Домой!
А дом мой,
Ой-й-й,
Палаццо!
Дворец!
Ой, штаны мои
В латцах,
Ой, еда — огурец.
Мария!
Смотри — я,
Ой, буйная волна.
Мария!
Смотри — я,
Ой, пьян я да без вина.
Ишь, она, ночь-то,
Прочно бережет.
Очи-то точно
Целуют бережок.
Ищут нам дорогу,
Счастливую для ног,
Чтоб горькую тревогу
Берег скрыть помог.
Авось, да не догонит
Камень из праща.

Морские гривы-кони,
Галеры, порт,
Прощай.
Пришел рабу
Конец, и я
Уйду
В приволье дней.
Прощай,
Страна Венеция —
Тюрьма
Слепых огней.
Прощай. —
И ночь
В густую шаль тепла
Окутала троих,
Дорогой
Тайной повела
Легко и мудро их.
И ночь
Им стала дня ярчей.
Сердца — остры мечи.
И небо
Звездами очей
Бросало им лучи.
Жизнь на мечях!
Мчи!
На рабских плечах
Палачи.
Жизнь, мчи.

в польше

Молод и бледен
Лицом восковым,
Взволнован
Боярин Молчанов, —
Вести летели
Из шуйской Москвы,
Как стрелы
Из полных колчанов:

В Польше Димитрий!
С ним
Князь Шаховской —
Царевича
Крестный
Отец, воевода.
В Польше Димитрий!
Не царь
Воровской,
А истинный
Царь и
Заступник народа.
В Польше Димитрий! —
Вихрем молвы
Несется
С российской границы,
Будто жизнь
Венценосной главы
Именно
В Польше хранится.
Желанные вести!
Но краше вестей —
Прибытие в Польшу
Желанных гостей
Из Венеции.
Молчанов взволнованно
Смотрится в зеркало:
Лицо и парчевый наряд
Счастьем надежды
На царство горят
В тоске
По московскому трону, —
Чем он хуже царя?
Ну, авось да
Наденет корону.
Ведь расстрига
Сумел же,
Залез на престол, —
Чем он хуже
Расстриги?
Но расстрига — осел.

Влез в цари
Купец Шуйский --
Вонь от шубника.
Чем он хуже
Купца
Иль любого заступника?
Все дураки --
На престол
Лезут зря.
Но он не дурак.
Он знает,
Какого царя
Жаждет
Русский
Голодный народ.
Хочет Димитрия,
Как хлеба в свой рот.
Димигрий --
Заступник
Голодных, сирот,
Святой
Из царей,
Покровитель
Холопов,
Крестьян и
Псарей.
Димитрий -- гроза
Для бояр и
Князей,
Ненавистник
Торговых
Друзей,
Богатя.
Димитрий -- спаситель
Руси бытия.
Молчанов
Пред зеркалом
Вертится мельницей,
Ловкой рукой
Сыплет,
Как снегом,
Обильной мукой.

Вертится,
Таёт
От бурных вестей,
Ждет,
Поджидает
Желанных гостей.
Князь Шаховской
К ним
Поехал навстречу.
План шутовской —
Одурачить их
Речью,
Словами,
Дарами
Святого царя,
Облапошить
Живей
Бунтаря, —
На славе ль
Его
Оплот не ковать,
Бунтаря
Джиованни
Болотникова?
О таких
Слава
Быстро бежит.
На Руси
Он —
Великий мужик:
От Венеции,
Южных
Морей
До Москвы,
До кремлевских
Дверей,
И по всей
По Руси
Его имя спроси —
Знают все.
Это он
У заморских лагун

Поднял
 Рабский
 Неслыханный бунт.
И теперь
 В полях —
 Песня весенняя:
Весь
 Мужицкий
 Табун
Ждет
 Ивана домой,
 Как спасения.
Иван
 И
 Димитрий —
 Вот
 Имени два,
На Руси
 От которых
 Трещит
 Голова.
Но больше
 Трещит
 От Иванов.
Вот
 Почему так
 Взволнован Молчанов.
Он
 Да Иван —
 Обольщенья туман:
Отовсюду
 С российских сторон
 Ему чудится
 Сладостный трон,
Звон церковей,
 Торжества,
 Золотые пиры.
И никто его
 Пухом
 Не тронет, —

Он вокруг
Раздает
И чины, и дары.
Он, Молчанов,
В короне
На троне.
И так
Это просто —
Рукой по мазку.
Только
Болотников
Взял бы Москву.
А там уж
Покажет
У царских дверей,
Что́ может быть
Гаже
Воров-бунтарей.
Молчанов
Пред зеркалом
Терся с тоской,
Как вдруг
Появился сам
Князь Шаховской:
— Гости приехали!
Свиту нашел.
Нанял на час оборону.
Всё хорошо.
И даже достал на денек
Небольшую корону.
Надевай.
Вот и царь!
Ой, пригож!
На Димитрия ты,
Как на кралю, похож.
Ну да ладно.
Наше дело потом
Козырять животом.
А сейчас воскури
Вокруг ладан.

Надо, чтоб
 Пахло не щами,
 А святыми мощами.
 Пан Супневский,
 Плешивый,
 Взял за свиту
 Сто злых, паршивый.
 Пся крев.¹

— Каков же
 Холоп мой
 Болотников? —
 Боярин спросил,
 Отражаясь царем
 Изо всех бледных сил.

— Ну и парень —
 До неба касается!
 А жена, ох и баба —
 Морская красавица!

Тебе бы такую
 В перину на барство —
 Плюнул бы ты
 На московское царство,
 На престол, на законы.

Глаз бы
 С нее не сводил,
 С такой
 Чудотворной иконы.

Не вышиб
 Из сердца
 Колом бы
 Этой Марии-Коломбы.

Ну и бабы
 В Венеции —
 Одна любовь
 В сердце — и
 Пропадай!

Вся жизнь
 Разорится.
 Вот бы тебе
 Да такую царицу!

¹ Псиная кровь (польск.).

Али ты
 Не отчаянный
 В царском пиру? —
Крикнул Молчанов:
 — Ужо буду царем —
 Отберу!
 Зови свиту, князь.
 Начнем, благословясь.

Сердце бьется
 Шибко броско.
Помогайте,
 Иезус,
 Матка боска! ¹ —
Шаховской
 Перед окнами
 Поставил коней,
 Оборону.

Молчанов
 Еще раз
 Взглянул на корону,
 На крест на груди.
 Ну, царь, гряди!

Свита явилась
 В шелках голубых,
 Отороченных мехом.

В шапочках,
 В перышках лбы.
Пан Супневский —
 С доспехом.
Пан Стрижевский,
 Гембицкий,
Янковский,
 Закржевский,
 Другие.

Одежды
 И сабли
 На всех дорогие.

Кверху усы.
 Все молодцы.
 И все — подлецы.

¹ Матерь божия (польск.).

Князь
 В пояс кланялся,
 Крови густей:
— Дозволь, государь,
 Для великих вестей
Допустить
 К тебе знатных гостей:
Ивана Исаича,
 Марию-Коломбу
 И рыцаря их Онорату. —
Молчанов воскликнул:
 — Сам господь
 За мученья мои и Руси
 Посылает награду!
 Проси, князь, проси. —

Гости вошли.
 Стали
 В дивном молчании,
 Как на венчании.

Светилась лампада.
 Под ней — аналой.
 Хартии, книги.
 Ладан волной.

Молчанов —
 В молчании,
 Очи в слезах,
 Радость в глазах.

Протянул гостям
 Бледную руку:
— Здравствуйте,
 Братья мои и сестрица.
Ивану Исаичу,
 Заочному другу,
 Поклон до земли.

Мое сердце гордится,
 И дух веселит,
 И счастьем я сыт:

У меня ль,
 У Дмитрия, сын
 Мужицкой красы,

Самый первый
Красавец на свете,
Заморский мятежник,
Ярой воли
Крут ветер,
И ветер-то вешний, —
Ждет не дождется
Твоей ярой воли
Мужицкая Русь
Рваной голи.
Ох, черная смута
Снует по земле!
Голодные, нищие —
В каждом селе,
В каждой избе.
Как смерть
На ребенке
Печатью лежит,
Так с черной беды
Помирает мужик.
А на троне
Московском с боярами
Купец Васька Шуйский
Торгует товарами,
Собольими шубами,
Мехом-бобрами,
Угощает бояр
Золотыми пирами.
А бояре
Холопов-то
Бьют на убой —
На престоле разбой.
Трон пошел
На пропой.
Русь сиротской тропой
Идет к гибели.
Страшней
Беды мои
Очи не видели.
Господи, господи еси,

Приими
 Мою боль умолений,
 Сохрани и спаси
 Мой народ на Руси! —

Молчанов
 Упал на колени,
 Ревел,
 Стонал,
 Выл

Во весь свой
 Мошенника пыл.
 Одним глазом
 Смотрел
 На икону скорбяще,

Другим —
 На Марию-Коломба,
 Смердящий.

А во все
 Слезные очи
 Мерцаючи —

На детину
 Ивана Исаича:
 — Уж ты, сын мой
 Возлюбленный,
 Вскормленный Русью,

Уж тебе ль
 Не сразиться
 С боярской злой гнусью,

Уж тебе ль
 Не содрать шкуры —
 Чуй с кого —

С богачей
 Да с царя
 Васьки Шуйского.

Сам ты —
 Холоп, сам ты
 Дышишь свободой,

И ты будь
 Надо всеми
 В Руси воеводой.

Ты пойдя, подними
 Весь холопский народ, —

За крестьян
Я боярство разрушу
И в Москве,
У кремлевских ворот,
Поклянусь
Вам отдать свою душу.
И поставлю я
Вас, кто обижен судьбой,
На высокие
Званья-богатства.
И желаю я
Дружбы с тобой,
Как с холопами
Вечного братства.
Ты пойди, подними
Всю голодную Русь,
Ты скажи обо мне,
Вашем друге.
Я дарю тебе войско.
Я с вами берусь
Править царством
В крестьянской поруке.
Ну, гони, сын, гони!
Видишь, кони — огни,
Огневые они,
Унесут тебя
Вихрем домой. Ну, гони!

С тобой
Князь Шаховской,
Крестный мой,

С тобой
Рыцарь наш —
Друг Онорато,

С тобой
Сердце мое,
Сердце брата,

И с тобой
Из Венеции
Счастье гнезда —
Мария-Коломба,
Красота-высота,
Как на небе звезда.

Славен
Ваш перелет —
Чует гибель
Боярская свора.

Торопитесь!
Авось, бог и пошлет —
В Москве
Свидимся скоро. —

И подумал Молчанов:
«За царским столом бы
Сидеть мне

С любовью
Марии-Коломбы,
Мне,
А ему на гумне».

И сказал:
— Ну, воевода-красавец,
Иван свет Исаич,

Ты — первый
Мой гость
За царевым столом.

Москва ждет
И тебя, и меня.
Садись на коня.
Знай лети соколом.

Я дал тебе слово,
А слово царя —
Это слава
На долгие годы.

И ты мне
Дай слово,
Слово свое,
Слово Руси воеводы. —

Болотников,
Полный
Смущения сил,
В тишине голосил:
— Царь Димитрий!
Я много
Слышал бунтарей,

Но не слышал,
 Не видал королей
 И царей.
 И я думал,
 Что царь
 Для народа — палач.
 А тут,
 Вот с тобой,
 О народе хоть плачь.
 И я слово даю —
 За великую честь
 По земле попесу
 Благодатную весть:
 Царь Димитрий —
 Наш царь,
 Царь преистинный есть! —
 Шаховской закричал:
 — Царю Шуйскому месть! —
 Свита орала:
 — Вшистка едно —
 Димитрий
 Недлуго бендзе! ¹ —
 Молчанов крестился,
 Как вензель:
 — Господь всемогущий,
 Ивану Исаичу,
 Моему воеводе,
 Пособи, Христос, гуще!
 Ну, гони, сын, гони!
 Видишь, кони — огни,
 Огневые они,
 Донесут до амвона,
 До московского звона,
 До отцовских хором
 На беду Ваське Шуйскому,
 На молнию-гром,
 В бок его рогом!
 Ну, с богом.

¹ Всё равно — Димитрий вскоре будет! (польск.).

БОМАРИНСКИЕ МУЖИКИ

Ух да ух!
Пестреют кушаки.
Ух да ух!
Гуляют комаринские
Бабы, мужики.
Поляна-то лесная —
Слаще пирога.
Волость-то честная —
Буйны берега.
Ух да ух!
Ухают,
Болтают —
Не трогай нашего.
Гуляют,
Поджидают —
Кого? Не спрашивай.
Пируют,
Не пируют —
Поляна весела.
Праздник
Дразнит —
Сошлись три села.
Девки
Нарядились —
Все в цветах пестры.
Целый день
Дымились
Сосновые костры.
Нажарили,
Напарили —
Не складешь в мешок.
Свадьба,
Не свадьба —
Тут каждый женишок.
Позвать бы
На свадьбу,
Да некого звать:
С помещицей
Усадьбы
Сбежал последний сват.

Поляна-то
 Вертится —
 Сплошное колесо.

Ну и
 Народищу
 Наперло из лесов!

Тут и тележники,
 Веретенники, ткачи,
 Посадские мятежники,
 Кузнечные грачи.

Тут и сковородники,
 Овчинники, псари,
 Холопы-подворотники,
 Крестьяне, косари.

Тут и сапожники,
 Холстяники, стрельцы,
 Степные запорожники,
 Казацкие смельцы.

Ох, и людей-то,
 Людей — всякий сброд!
 Да где это, где это
 Народился народ!

— Ох, сватья-старуха!
 И ведь каждый жрет,
 У каждого брюхо,
 Осердие, рот.
 Вот проболтались до вечера,
 Ожидаячи на поляне,
 А жрать-то и нечего —
 Любуйся полями.
 Всё съели дочиста
 И помещика зарыли
 Без имя-отчества.
 Только на его рыле,
 Слышь, поставили
 Комаринскую печать,
 И даже на том свете
 Заказали молчать.

Вот они, комаринцы —
 Самые отпетые
 На буйство, на грабеж.

На этом жили,
Старятся.
— Чего ж ты к ним идешь?
— Да сын привел,
Кузнец сынок,
Пригож, как два коня.
Бежим, гыт, мамка,
Со всех ног,
Куды зовет меня,
На стан,
Болотников Иван.
Иван, гыт, мамка,
Русью зван
Свалить царя в Кремле,
И будем править
Мы тогда
По всей сырой земле.
Царевич, гыт,
Димитрий жив,
Его друзья — холопы.
Тогда, гыт сын,
Царя решив,
Мы стали наголо бы.
Ну и прибежали
Женихи к невесте.
А как валить
Да править вместе,
Ничегошеньки
Я, бабоньки, не знаю.
Гляди — вон там он,
Середь бродяг, калек,
Чьего-то робенка
Носит на плече,
Гуляет развеселым у телег
В боярском кумаче.
— В боярском?!
Откуда?
Горяч кумач на теле.
Вот они, комаринцы,
Кузнеца одели! —

Ух да ух!
Народ —
Нечистый дух.
Комаринцы ухают —
Лучше отвяжись!
Такая накатилась
Раззадористая жизнь.
Ухают,
Болтают —
Не трогай нашего.
Гуляют,
Поджидают —
Кого? Не спрашивай.

Баба подбоченилась.
Губы —
Лаком мед.
Кто бойчей — не лазь:
Всё равно
Лягнет.

Одного лишь
Смилует —
Кого ждет скорей.

Говорят
Про милого —
Пришел из-за морей.

И все его
Головушку
Хвалят на разнос.

Он в поле
Долю-волюшку
Парусами взнес.

И всех-то он
Касается —
Шире моря полости.

Такого нет
Красавца
Ни в единой волости.

Бабы про то
Ведали,
А девкам невтерпеж.

Такому
 Не победа ли, —
 В огонь за ним пойдешь.

Свадьба,
 Не свадьба —
 У всех жених один.

Раньше бы
 Знать бы —
 Прийти ко дню родин.

Холить,
 Беречь бы,
 Кормить бы пряником.

Слушать его
 Речь бы,
 Величать избранником.

Скорей бы
 Да скорешеньки
 Прилетел соколик.

Несите вы,
 Дороженьки,
 Легко ли, высоко ли, —

Пухом ему путь,
 Духом ему путь.

Сделай одолженье —
 С колокольчиками будь!

Вестник-чудесник!
 Зови, дорожный куст.

Песни, хоть тресни,
 Не слетают с уст.

Приедет, увидит,
 Глазами свет прольет,
Как ждали,
 Уважали
 Любимого прилет.

Приедет,
 Расспросит,
 Сколь сабельки остры.

А мы сердца
 Подбросим
 В сосновые костры.

Пушай же он,
Красавец,
С красавчиком конем,
Пушай же он
Погреется
Комаринским огнем
У телег-корыт.
Тут же ему,
Милому,
И стол накрыт.
Гляди — не могу:
Скатерть парчовая,
Кайма кумачовая
С телеги висит,
Как кровь на снегу.
Тут ему —
Пиво,
Блины,
Пироги,
Жареные гуси,
Комаринский мед.
Пушай
Только вкусит,
Пригубит, поймет,
Как его любят,
Сколь сладостно людям
Прижимать детину
К радостным грудям.
Пушай кругом оглянет,
Одним глазком задень, —
На праздничной поляне
Сарафанный день.
Девки, как подснежники,
Белы да горячы.
Овчинники, тележники,
Холстяники, ткачи
С бабами румяными,
От пива-меда пьяными,
Трясутся, стукачи.
Стук да стук.
Грох да грох.

С курицей — петух.
Сыплется горох.

Трррр...

Трещат штаны
По холстинным швам.
Кричат хвастуны:

— Да мы уж вам!

Да мы уж,

Да мы

Доведем до тюрьмы!

Дай да отдай —

Отворяй теремы! —

Каждую Палашу

Берут под локоток —

Комаринскую пляшут.

Стук-стукоток.

Вертят сапожищами,

Роют каблучищами

Вместе да врозь,

Прямо да вкось

Поляну насквозь

В один гвоздь.

Пляшут,

Как пашут,

Орут:

— Приехал гость!

Стой, тпррру!

Брось!

Приехал гость! —

Стань

На лапы, заяц,

Нюхай, гляди:

Пригнал

Иван Исаич

Солнце на груди.

Ишь, какой

Осанистый,

Строен да высок,

В пояс ему

Все кусты,

В уровень лесок.

Волосы
Златее льна,
Кудри —
Ветер лих.
Грудь
Сырой землей сильна,
Восходом
Светит лик.
Ишь, какой
Детинушка —
Крестьянская краса.
Пытала его
Спинушка
Моря да паруса.
Глядит.
Смеется.
Зарится
На вздыбленный
Народ:
Вот, мол,
Как комаринцы
Заварили
Сброд!
И, видно,
Ему правится
Поляну
Окружать:
Волость-то —
Красавица,
Люди —
Урожай.
И, видно, ему
Сладок мед
И сочны
Пирог:
Чары
С мужиками пьет,
Как воду
Из реки.
И, видно, он
Жену привез —

Заморскую красу.
 Поди, искал
За тыщу верст,
 И вот она — в лесу.
Сидит, глядит
 Лебедушка —
Счастливая, кажись.
 Такого-то народушка,
Чай, не видала в жизнь.
 А он о ней заботится,
Не села бы на гвоздь:
 Телега-то, как ботица.
И, видно, с ними — гость.
 И гость-то не простой.
Стой! Стой!
 Иван Исаич
 Речь кует.
Льет слова ручьем.
 Лови да не дыши.
Ишь, взор его —
 Узор души —
Алеет кумачом.
 Хватай слова —
Хватай ножи.
 И горе нипочем.
Ну и молодчик —
 Всей крови заводчик!
Стал на телегу.
 Стал хорошо,
Будто месяц взошел.
 Речь — снаряд.
 Слова горят:
— Ну что ж,
 За черен нож —
 Зачнем ножом.
Гляжу:
 К ножу
 Привадны тож.
Ну что ж,
 Жить
 Будем мятежом.

Одно скажу:
 Ножом к ножу
 Пойдем к царю на двор.
Еще скажу:
 Я сам ношу
 Худую славу *вор*.
Для них я — вор.
 Для вас не вор —
 Любовный разговор.
Ну и комаринцы!
 Ну и мужики!
Слава лихо парится —
 Сплошь-де вожаки,
Пьяницы,
 Мятежники,
 Буяны,
 Плясуны,
Разбойники,
 Тележники,
 Овчинники, зачинники,
 Сукины сыны,
Лесные лешаки —
 Комаринские мужики.
А девки-де да бабы
 На разгулы слабы.
Помещицьи ухабы
 Будто роют рылом
Так, что по дорогам —
 Сплошь помада,
Помещикам — беда, громада.
 А нам только
 Таких и надо
Баб да мужиков,
 Отпетых вожаков
Комаринских,
 С пожитками,
 Птенцами.
За вами и пригнал
 По славе
 С бубенцами.

Вот, мол,
Гости для палат —
Клад.

Вот, мол,
Где народ крылат —
Клад.

Вот, мол,
Для Москвы — булат.
Клад.

Эй, комаринские,
Стар и млад!
Не разлить
Нас водой,
Ни славой худой,
Не разделить
И холопскую
Кровь враждой.
Мы от корня,
Как лес
От земли
До небес.
Как в полях
От зерна, мы
Взросли и
Живем
Сыновьями
России.

Живем
Под боярским
Царем
Васькой Шуйским.
И мрем.
Ну и шут с ним,
Что царь он
Купецкого званья
По прозвищу Шубник,
Для нас — душегубник!
Он — торговая мразь,
Друг боярам-воронам,
Он — купеческий князь,
Не по праву
Владеет тронном,

Казнокрад
И злодейская тварь!
Таких нам не надо.
Нам надо, чтоб царь
У нас был,
Как теленок,
Свой государь,
Чтоб служил
Не боярам, князьям
Да торговым друзьям,
А нам,
Мужикам.
Такой государь
У нас есть, --
В нем и слава Руси,
И крестьянская честь.
— Димитрий!
Димитрий!
Димитрий! —
Орала поляна,
Вздымая гул, вой. —
Димитрий — царь
Свой!
С головой!
Слыхали?
Он жив!
С ним и дружи! —
Болотников
Радостных
Радовал дольше:
— Димитрий-царь жив!
Я сам его видел,
Димитрия, в Польше.
Призывал он меня,
Руку клал на плечо,
Горячее огня
Говорил горячо:
«Ты пойдя подними
Весь холопский народ, —
За крестьян
Я боярство разрушу

И в Москве,
У кремлевских ворот,
Поклянусь
Вам отдать свою душу.
И поставлю я
Вас, кто обижен судьбой,
На высокие
Званья-богатства.
И желаю я
Дружбы с тобой,
Как с холопами
Вечного братства.
Ты пойди подними
Всю голодную Русь,
Ты скажи обо мне,
Вашем друге.
Я даю тебе войско.
Я с вами берусь
Править царством
В крестьянской поруке.
Ну, гони!
Тебя ждут путивляне —
С войском князь Шаховской. —
Димитрий царской рукой
Указал на коня: — Гони!..»
— Димитрий!
Димитрий! —
Сверкали огни
На комаринской
Буйной поляне. —
Вот это царь!
Ай да царь!
Ну и царь!
Ой, не трожь! —
Колосилась толпа,
Будто спелая рожь
Под веселую
Летнюю дрожь.
Девки в сарафанах
Кружились в хороводе,
Завертывали
Песни воеводе:

«Славим мы, славим
Ивана со красавушкой —
В путь ему
Пригожая, любовная жена:
Будет она
Ласковой, шелковой травушкой,
Денечками-цветочками
Навек окружена.
Славим мы, славим
Марью со красатиком:—
В путь ей
Любезный да щедрый муженек:
Будет он
В доме солнышком, касатиком,
С птицами-девицами.
Первый друженек».
Бабы румянились
Алым огнем,
Щедрых даров
Ожидаячи,
Ворковали голубками,
Пели о нем,
Об Иване Исаиче:
«Уж как светел
Золот месяц у окна.
Я-то, вдовушка,
Люблю тебя одна.
Так люблю —
Не сплю я ноченьки,
Нету боле
Моей моченьки:
Ты то явишься,
Головушка,
То опять уйдешь. . .
Я, вдовушка,
У окна смотрю
На тучи я:
Где твои пути могучие?
Не дознаться,
Не наведаться вдове,
Где твоей

Живется краше голове.
Одинешенька,
Люблю тебя одна.
Ты мой светел
Золот месяц у окна».

И впрямь — над поляной
Серебряный конь
Вышел
На пастбище неба.

Иван простирал
Над кострами ладонь,
Говорил:
— Я счастливее не был.

Ну и комарницы —
Свет-голубицы!
Ну и костры
Ваших глаз — вино!

С такими бы жить
Да за счастье бы биться —
Мы бы в счастье,
Как в море,
Утонули давно.

А то Русь велика,
Как вдали облака,
Не видать,
Кто за нас,
Кто за Шубника,

А видать
Лишь очам
Это место одно —
По ночам
Для приюта ушкуйника.

Да видать
Стаю птиц
На поляне густой,

Да слышать
Голубиц
Неуемный постой на бахче...

— Стой, Болотников, стой! —
Нараспашь в кумаче,

Как кулачный боец,
 Подошел тут
 К Ивану кузнец.
— Бью челом, голова,
 Не серчай на грача.
О Димитрии ты
 Золотые слова
Наковал сгоряча.
 Счастье
Будто и впрямь
 Навалило да вдруг:
«Царь Димитрий упрям,
 Царь Димитрий —
 Наш друг,
Царь Димитрий —
 Заступник холопов».
Ой ли?
 Не хлопай.
 Не суди меня зря —
Все мы,
 Пожалуй,
 Что малые дети,
А только
 Такого царя
 Не бывает на свете. —
Ухмыльнулся Иван:
 — Ты, кузнец, пьян.
 Пойди бороду вытри.
Я сам его видел.
 Царь Димитрий
Весь дышит
 Свободой.
Он принял меня,
 Посадил на коня,
Он поставил меня
 Воеводой
На яр,
 Против
Царских бояр,
 В руки
Дал мне
 Отточенный нож.

Ну что ж,
 Нож за ножом —
Стали жить
 Круговым мятежом.
Наша изба —
 Значит
 Наши и двери ж.
Вот те Димитрий!
 А ты, сват,
 Не веришь.
Пойди бороду вытри,
 Вернись
 И скажи мне,
Заправскому зверю:
 Раз ты — холоп,
 Я тебе верю.
Ужель я продамся,
 Себя подарю
Окаянному
 Вору-царю?
Вот тебе нож
 И мой череп.
Ну что ж,
 Хватайся за черен,
Всади его в темя,
 Ежли ты мнишь,
Что холоп
 Будет с теми
Царями-врагами,
 Кто топчет
Холопов ногами.
 Димитрий —
Наш друг, голова.
 Спроси у Руси:
Вся молва
 Говорит о Димитрии,
Имя святое его
 Превозносит дотоле,
Что желает
 Единого видеть его
На московском престоле.
 Он и взойдет,

А мы только бороним.
 Не нам же сидеть
 На троне —
 Но ему,
 Свояку-царю.
 Верно ли
 Я говорю,
 Эй, комаринцы?
 — Димитрий,
 Димитрий! —
 Нёслись голоса.
 — Димитрий царь! —
 Эхом стонали леса.
 — Димитрий! —
 Выл ветер молвы.
 Выл осенней тревогой,
 Гнал по полям
 Бездорожной дорогой,
 По ветхим углам
 Забирался в изломы,
 С гулом катился
 По крышам соломы,
 В двери стучал,
 Заметая пути:
 — Это — Димитрий,
 Димитрий, пусти. —
 Кто верил —
 Пускал
 И хватался за нож,
 И бежал —
 Не вернешь.
 Ой, куда?
 Ой, беда!
 Не снести головы.
 Ой ты, ветер,
 Ты, ветер молвы!
 Эй, комаринские!
 Костры горячи.
 Чад.
 Слетелись грачи.
 Кричат:

— Димитрий!
 Димитрий!
 Болотников Иван! —
 В глазах —
 Алмазы в митре.
 Ветер да туман.
 И острый нож.
 На острие молва.
 И режут нож — слова:
 «Ну что ж,
 За черен нож —
 Зачнем ножом.
 Гляжу:
 К ножу
 Привадны тож.
 Ну что ж,
 Жить
 Будем мятежом».
 Ну и дела на Руси!
 А что делать, ежели
 Лучше не жили.
 А посему —
 Гуляй!
 Ух да ух,
 Нечистый дух!
 Поляна-то лесная —
 Слаще пирога.
 Волость-то честная —
 Буйны берега.
 Гуляй, башкой тряси.
 Правда с неправдой
 Живет на Руси.
 Темная вода —
 Эта свобода:
 Телятевский за нас,
 Димитрий за нас,
 А наш Иван —
 Холопский воевода.
 Не каркай нам конец,
 Помалкивай, кузнец.
 И впрямь ты
 Осовел от меда.

Гуляй
 Да не тужи.
Гуляй, гуляй, полянка,
 Затягивай гужи,
Кровавая гулянка,
 Тоци свои ножи.
Тоци,
 Грачи,
Почин
 Ночин —
Чернее
 Черта чад.
Тоци,
 Рычи
Да чуй
 Парчу —
Парчи
 Купчин торчат.
Точили
 На точиле
С приплясом
 На ходу.
Руки
 Приучили
Ножом
 Решать беду.
Смаху-размаху
 По монаху —
 Цап!
А там, что
 Причтется, —
 Царап.
Тележники-голубчики
 Прут на карачун, —
Покажите, купчики,
 Соболя, парчу.
 Комаринские парни
 Созывают бочарей, —
Сударыни-боярыни,
 Дарите дочерей.
Овчинники, холстинники
 Покупать пошли, —

Торговые гостинники,
 Давайте кошелю.
 Кузнечники в ударе:
 Амбары сочтены, —

Помещики, бояре,
 Держитесь за штаны.
 Орловские колясники,
 Идут богатыри, —
 Поповские подрясники,
 Откройте алтари.
 Гермоген, служи:
 «Миром господу помолимся. Аминь».
 Да за ножи!
 Да в терем
 К Ваське Шуйскому:
 В гости, мол,
 Прошусь, к кому —
 И сам не знаю, раб.
 А Ваське в брюхо
 Нож всажу — царап!
 За пазуху венец.
 Васька промяукает —
 И царству конец.

Ух да ух,
 Нечистый дух!
 Ой ты, брага,
 Ты, бражный хмель!

Ты, коряга,
 В уме ли, в уме ль?
 Топ-топ!
 На попа верти —
 Всё одно
 Стоять на паперти.
 Топ-топ!
 Хоть ты шибко строг —
 Всё одно
 Тебе бывать в острог.
 Топ-топ!
 Ты пляши, потей —
 Всё одно
 Не жаль худых лаптей.

Топ-топ!
 Проживем грабежом —
Всё одно
 Пропадать под ножом.
Топ-топ!
 Лапа заячья —
Всё одно
 Иван Исаича
Не дадим в обиду
 Ваське-царю,
Отдадим
 Свою любовь псарю.
 Пущай помнит,
 Вспоминает покрепчей
На поляне
 Всех
 Комаринских грачей,
Пущай помнит,
 Вспоминает во слезах,
Сколь же много
 На Руси грачей в лесах.
 Ой ты, пьяная полянушка,
 Со тележными ухабами.
 Поревел бы ты, Иванушка,
 Поревел бы с нами, бабами.
Пореви ты,
 Сделай милость
 Для бабья.
Вот те меду —
 Ляпуновская бадья.
 Из Рязани навязали:
Ежели не выпьет,
 Слышь, Иванушка до дна —
Значит, ваша волость
 К черту не годна.
А это нам обидно страсть.
 Пьем да ревом:
Неужели мы хуже рязанских.
 Пей-ко, Исаевич, всласть,
 Налаживай власть.
Пей да пляши,
 Ежли бабы хороши.

Топ-топ!
Будь ты молод.
Топ-топ!
Бабы — диво.
Топ-топ!
Бабы — солод.
Топ-топ!
Бабы — пиво.
Пей на грудях
Наших бархатных,
Не задумывайся даром —
Мы ведь под ударом.
Помещицы скотницы —
Богу неугодницы,
Грешный народ:
С чертом якшаемся,
Да и черт не берет.
Целуй да приказывай,
Только мамоньке не сказывай.
Ишь, она,
Полянушка —
Расейская река,
Кровавая
Гулянушка —
Буйны берега.
Ишь, она,
Мятежница —
Гуляют вожакИ,
Гуляют,
Пируют,
Страдают мужики.
Топ-топ-топоток!
Каблуками стукоток.
Расширай межи,
Доставай ножи.
Ах ты, сукин сын,
Комаринский мужик,
Без подштанников
По улице бежит.
Он бежит, бежит,
Приплясывает,

Матюгами опоясывает.
 Топ-топ! Дьякон — поп.
 Попадья — бадья.
 Пономарь в бадье,
 Как сухарь в ладье.
 Топ-топ! Бей в лоб.
 Собирай башки.
 Башки — в горшки,
 Уминай кишки.
 Топ-топ! Нам чтоб
 Наживать добро.
 С бояр серебро
 Да нож в ребро.

ЦАРСКАЯ БАНЯ

Ой, и любил же
 Вася париться в бане,
 А Вася не кто-нибудь —
 Царь всея Руси.
 Сколь он скупущий,
 Столь пуще мордаст.
 Что твоей душеньке
 Угодно проси —
 Царь всея Руси
 Ни хрена не даст.
 Скуп без колебаний.
 Хитер на левый глаз,
 Правым смотрит к богу.
 Разве после бани
 Что-либо отпустит,
 Да и то немного.
 Лишку, спаси бог,
 На пуп не передаст.
 Сам он торговый,
 Различает:
 Лишние рубли —
 Ему ж в карман.

На троне-то
Сидит он невзначай.
Того гляди,
Да подольют дурман
Али спихнут:
Весь царский двор
Облеплен
Душегубами,
На воре
Едет вор.
Спихнут — опять
Торгуй-ко шубами,
Изображай купчину:
В гостином трись с утра,
Продавай овчину
За бобра.
Ох, жизнь мудра —
Сумей всех обобрать.
Покуда царь —
Все караси.
А как беда —
Все щуки.
Он по себе
Знал эти штуки
И, собираясь в баню,
Воздыхал:
«Ух, тяжко быть
Царем всея Руси!
Кто — караси?
Кто — щучьи пасти?»
Все подозренья,
Все напасти,
Все царские дела
Решал он в бане,
Разглядывая
Голые тела
Под банный жар
Всех званий
Гостей:
Князей, бояр,
Игуменов,
Митрополитов, дьяков,

Помещиков, купцов,
Послов, татар, поляков,
Кулачных
Здоровеннейших бойцов,
Украинцев,
Казаков из Кубани.
Всем царь давал им
Цену в бане, —
Такая уж царя
Натура издалася.
Ой, и любил же
Баню Вася!
В обычае
Торговой части
Издавна
Приметой свито —
Приносит баня
Барыши и счастье.
Бывало, соберется
Царь со свитой
В баню —
Праздник, звон,
Суета, веселье,
Пиво, мед.
И разговоры:
Кого же он,
Василий Шуйский,
Кого возьмет.
По-царски париться
С собою в баню?
От всех щедрот
Чей знатный род
Благословит
По упованью?
Блямм,
Блямм,
Блямм! —
Великопостные
Колокола
Блямкают уныло
Про худые
На Руси дела.

Сегодня царь
 Под звон,
 Прищуря глаз,
Накинув шубу нервно,
 Шептал:
 — Отец святой,
Ты первым,
 Игумен Влас,
 Пойдешь со мной.
Из бани
 Понесешь наказ
 Домой,
С кем
 Бог велит мне
 Париться
На счастье престола,
 На умножение
 Богатства, славы,
На одоленье
 Ванькиной облавы.
 «Господи,
 Владыко живота моего», —
 Перед входом в баню
Крестился Шуйский
 Рукою шустрой
Шубного купца.
 «Его же царствию
Не будет,
 Несть конца.
 Аминь», —
Творил он,
 Будто шел на битву,
Любимую молитву
 У порога,
Ибо желал царить
 Не меньше бога.
Раздевшись, царь
 Тело рыжее волок
В туман паров,
 В жар на полок,
Где, словно солнца
 Заходящий глаз,

Сверкал большущий
 Медный таз
 И где в пару,
 Седом, густом,
 От веников несло
 Березовым листом.
 Здесь царь кряхтел
 От царских дел
 И потно думал
 О Руси:
 «Кто — шуки?
 Кто — караси?
 Шаховские,
 Годуновы,
 Телятевские,
 Ляпуновы —
 Эти штуки — шуки,
 Готовые со стаями
 Воров-ворон
 Без лести
 Влезти
 На московский трон
 Под видом, —
 Шуки хитрые, —
 Убитого давно
 Цареньша Димитрия.
 Нет, не бывать! —
 Нырял царь
 Водолазом,
 Кряхтел, гремел
 В пару, в жару
 Пузатым тазом, —
 Нет!
 Как не бывать
 На голубице
 Прелюбодейному коту,
 Так не бывать
 В Москве
 Холопу Ваньке,
 Князьему скоту! —
 Царь веником
 Хлестал себя по животу,

По всей
Отпаренной говядине. —
Нет, не бывать
В Москве
Болотникову, гадине.
Казнить изменника!»
Банная
Вода гулка.
Как осенью
С туманного полка
Дожди,
Березовые листья
Катились с веника.
У Васи борода — ершом,
Мозги — шишом,
Пыхтят наказом.
Он бухает ковшом,
Он грохает
Огромным тазом.
Во облаках,
Как Саваоф,
Ревет гнусаво: — Ох,
Довольно царских
Слез пролито!
Игумен Влас,
Зови сюда
Митрополита,
Мстиславского, боярина,
Михаилу Скопина,
Племянника,
Ногаи-Мурзу,
Посла-татарина,
Янека, посланника.
Зови гусей на воду,
Зови их париться,
Отведать браги,
Пива, меду,
Солений огурешных,
Капусты кислой.
Ох, господи,
Прости нас, грешных,

Елико
 Жаждем
 В пост великой!

Но постное
 Сие есть угощение. —

Царь
 Перекрестился разом,
 Моргнул в пары

Лукавым глазом —
 И получил прощение.

И скоро
 В царской бане гости,
Пропаривая
 Хрящи, брюха да кости

Курчавым,
 Обдающим паром,
Судили о судьбе Руси,
 Как преданные
 Васе караси,

Разгоряченным
 Воинственным базаром.

Гремя
 Тазами и ковшами,
Расхлестывая
 Веники о грудь,
Решали биться
 С холопами,
 Как вшами,

И самого царя
 С собой
 На бой молили в путь.

Средь груди
 Пухлых голых тел

Митрополит
 В парах гудел:
— Беда последняя —
 Огарок восковой,
Но милость божия
 Сияет над Москвой.

Христос,
 Победу ороси.

С нами бог
И царь всея Руси,
Василий
Свет Иваныч с нами!
А с ними,
Сучьими сынами,
Во дьяволе
Смердящий
Сукин сын, холоп
Болотников,
Вор-супостат,
Разбойный лоб. —
Гости рывкнули:
— На перекладину!
На холм! —
Царь
Крикнул петухом:
— Анафема!
Проклятие
Висит над вором! —
И все пропели
Сиплым хором:
— Анафема! —
Митрополит,
Взывая пагишом,
Крестил
Царя ковшом:
— Елико
Силы их собачьи
Зубами
Рвут имущество
Богатых,
Знатных, наипаче
Источают
Царское могущество,
Яко
Преисподни черви, —
Не люди
То во бозе
Православные,
Но сугубо черти —

Холопы
 Да шпыни в рогозе.
И ежели
 Тебе, царю Василию,
Явиться
 В стан твой войсковой —
Положишь
 Ты конец насилию,
Падут все воры
 Пред Москвой.
Погибнут воры,
 Яко бесы,
Бегут
 От господа лица,
Развергнутся
 Опять завесы
Благотворения
 Венца.
Сим победиши!
Скипетр божий
В твоих руках
 Да будет там,
Где лягут в прах
 Все вражьи кожи —
Во ад сойдут
 На суд и срам.
Анафема ворам!
Тебе же
 Слава, царь,
И благоденствие,
 Яко и встарь,
 И ныне, и присно,
И во веки веков. —
 Сам царь
 Пропел из облаков:
 — Аминь. —
И гости
 Вслед за ним:
 — Аминь. —
Упрелый Шуйский
 Бросил глаз
 На более густую воду:

— Эй, игумен Влас,
 Давай нам меду!
 Пива! Браги!
 Где огурцы,
 Капуста, раки?
 Нет, стой,
 Отец святой,
 Давай для жару
 Еще, еще
 Поддай нам пару.
 Ух, ух,
 Ух, хлещет дух,
 Как пух у молодух.
 Ххе-хе!
 Еще по венику,
 Чтоб жарче было
 Плюнуть в рыло
 Гадине, изменнику,
 Холопу, самозванцу,
 Ваньке-оборванцу,
 Шпыню, ворине,
 Лохмотнику,
 Анафеме, тварине,
 Главному псу
 Бешеных.
 Ох, господи,
 Прости нас, грешных,
 С банного угару!
 Эй, пару! Пару!
 Шибче парься,
 Мишка, воевода
 Скопин-Шуйский!
 Тебя, племянника,
 Главой
 Благословенного похода
 Ставлю.
 И сам с тобой
 Пойду на бой.
 Господня
 Милость, славься!
 Эй, парься,
 Милославский!

Пропаривай умишко,
 Помогай Парнишке Мишке
 Одолеть Под плеть врага.
 Всевышнего рука
 Пушай накажет
 Нищенского дурака,
 Посмевшего
 Оскалить пасть
 На трон,
 На Русь,
 На власть.
 Жестокою враг
 Примет кару.
 Пару! Пару!
 Парьтесь —
 Грыжа
 У кого болит.
 Парься
 Да молись,
 Митрополит,
 Клади кресты
 За Мишку,
 Воеводу.
 Эй, браги!
 Пива!
 Меду!
 Капусты кислой!
 Груздей!
 Соленых огурцов!..
 Господи,
 Владыко живота...
 Купцов!
 Зови, Влас,
 В баню
 Трех купцов:
 Жирнова,
 Кашина,
 Смирнова.
 Зови
 На банный суд.

Пропарим их,
Пущай Мошну трясут
Из рукава.
Не то в их лавках
Холопы
Станут торговать
Кровавым квасом
Да купечьим
Человечьим мясом.

Зови.
Ну, господи, благослови.
Давайте, гостеньки,
На месте яром
С легким паром,
С легким годом
Да к порогу

На дорогу
Перед походом
Угостимся
Брагой, медом.

Ну, глотайте-ко
Во здравие
На разум

По ведерку
Разом. —

Чокнулись чарками,
Взглядами жаркими,
Дернули,
Крякнули,
Рявкнули
В банную парь:

— Ну и мед!
Ну и царь!
Аще
Один другого слаще! —
Пробасили
По силе:
— Во здравие
И благоденствие

Государю русского света
Василию
Солнцу Иванычу
На многие лета!
Многие лета!
Многие лета!
Ну и царь!
Сами купцы —
Знаем цену. —
Шуйский вытер усы —
Снял янтарную пену,
Запел:
«Ой, не спится мне,
Удаленькому, в терему,
Не ложится
На перине одному».
Подхватили
Гости вязом
Под медовым
Царским глазом:
«Ой, не ложится
На перине одному.
Ой, да не,
Да не лежи,
Нет, не ложится,
Жится на,
Ой, на пери,
Да на перине,
Ой, да на...»
Вася пел
И пил до дна.
«Ой, не спи,
Да ой, не спится,
Не ложится,
Не лежи,
Ой, да на...»
Гости пели,
Пили мед до дна.
Под дубовым
Башным сводом

Пахло вениками,
Медом,
Огурцами, телесами,
Пивом, брагою, брюхами,
Паром,
Шуйскими мехами,
Мылом,
Потными плечами,
Кафедральными
Свечами,
Гнилью,
Рвотой, куражом,
Православным
Терпежом.
Так
Под банным
Прелым сводом
Золотые караси
Собрались
На рать походом,
Гости,
Царь всея Руси.
Охмелели.
Еле-еле
Шуйский,
Кожей волосат,
Чуть держался
В царском теле
Да чесал
Купецкий зад:
— А вдруг да
Последняя банька?
Ой, гости,
Что будет,
Ежли Болотников Ванька,
Во дьяволе
Пес и холоп,
С холопами,
Нищими псами,
Войдет на Москву
И — хлоп!

Всех перережет,
Разумеете сами.
Чума наголо.
Что станет
С престолом,
Россией,
Народом,
Ежли
Мятежником,
Бором, уродом
Будет
Победа одержана?
Помилуй, Христос,
Спаси!
Надо быть
Тверже нам.
Господи,
Владыко живота!
Я молюсь.
Я — царь всея Руси! —
И царь,
Набухший от меда,
И племянник его —
Воевода,
И ниже с ними,
Кто парился в лени,
Стали
В пьяных слезах
На колени.
Стали с чарами
Плакать варяги
У бочонка
Вспенившейся браги.
Митрополит помог:
«Да воскреснет бог
И расточатся
Врази его».
А врагов
Немало.
И браги не стало.

Среди кучи мочал
 Царь из тучи
 Кричал:
 — Не бывать
 В Москве бунту!
 Посланник Янек,
 Ты хотя в бане,
 Но, проше пани ¹,
 Скажи Сигизмунду:
 Недлуго бендзе чума
 И его крульской коже, ²
 Ежели круль
 Нам не поможет.
 Торговые деньги —
 Порука:
 Богатым
 Одинаково
 Надо стоять
 Друг за друга.
 Вшистка разуме, ³
 Ясновельможный? —
 Янек кланялся:
 — Вшистка, круль.
 Досконально, круль.
 Добже. Дзинкуе. ⁴ —
 Царь орал,
 Как гроза,
 На всю баню:
 — Мурза!
 Эй, Ногай!
 Помогай!
 Ты посол
 И купец,
 Сам торгуешь
 Скотом-табунами,
 Должен ты,
 Молодец,

¹ Я прошу пана (польск.).

² Скоро пристанет чума и к его королевской коже (польск.).

³ Всё понял? (польск.).

⁴ Хорошо. Благодарю (польск.).

На холопов пойти
Вместе с нами.
Помогай,
Друг Ногай.
Ты скажи там
Великому хану,
Превысокому
Солнцу орды:
Мы должны
Одолеть рать погану
Нашей черной
И общей беды.
Ты — купец,
Ты получишь биштым
Драгоценных
Подарков пудов,
Ты уйдешь
От меня золотым
На богатое
Счастье годов.
Ну, Ногай,
Помогай, друг Мурза! —
У Мурзы
Разгорелись глаза,
Как воды бирюза:
— Ай, аллах,
Ай, аллах,
Ай, яхши
Урус царь
На московских делах!
Ай, аллах!
Селям меликем
Ханам
И царям великим.
Секим баим,
Секим башка
Разбойникам твоим.
Холоп — шайтан,
Болотников — шайтан.
Секим башка
Их стан,

Секим бурды.
Высок мой хан орды.
Высок
Урус царь,
Друг Василь Иваныч.
Селям меликем
Ханам и царям,
Князьям великим! —
Гости с пивом
Подняли ковши.
Царь ретиво
Прокричал:
— Яхши!
Бик яхши! ¹
Во все концы
Гонцы:
Польскому королю,
Татарскому хану,
Персидскому шаху,
Турецкому султану!
Велю — гонцы. —
Тут, еле можаху,
Ввалились
Спьяну рожки —
Голые купцы
С мешками
Из телячьей кожи.
И молча
По мешочку
Высыпали
Деньги в бочку.
Царь бегал глазом,
Улыбался сияющим тазом:
— Ну, угодили!
Царски хвалю.
Поди, чай, устали?
Сам во хмелю,
Да и вы
Не отстали. Хвалю!

¹ Очень хорошо (татарск.).

Велю:
 Слуги толковые,
Гости торговые,
 А ну-ко пропарьте
Брюха
 От греха
 Покрепче, дотошно,
Чтоб снова
 В обнову
 Пить было можно,
Лакать молоко.
 Ну, Влас-игумен,
Поддай-ко,
 Поддай облаков! —
Засверкали тазы,
 Загремели ковши,
 Будто грозы.
Закряхтели тузы —
 В облаках барыши,
Только сыпались
 Листья березы.
Купцы ухали,
 Бухали,
 Нюхали.
 Брюхо ли

Жирных
 Лабазников
Не выдержит
 Бражных
Бывалых столь
 Праздников?
Вынесли.
 Вылезли.
 И черт не возьмет.

И снова за чарки,
 За мед
 С разговором по сути:
— Были б худые
 Мы слуги царя,
Хуже псаря,
 Не слуги, а суки,

Ежли б мы
 Не пронюхали
Тайну-обнову,
 Что надо
Рязанскому
 Купцу Ляпунову,
Который
 За Ваньку-холопа
Со дружиной
 Стоит, изменник, —
Послать ему
 Бочку денег.
Ну и послали.
 Помилуй нас, боже,
Раз это дело
 Торговое тоже. —
Царь гоготал:
 — Подкупили голубчика,
Рязанского купчика.
 Ай да московские
 Пироги!
Язык береги.
 Проглотишь и куст —
 Такой дают вкус.
Понюхаешь — веники,
 Напаришь — деньги.
Деньги —
 В бочку нову,
А бочку —
 Ляпунову.
Глядишь —
 И купили бобра
 За пуд серебра.
А он этих
 Денег дороже.
Вот и барыш,
 Говоришь.
А купец он хороший,
 Да жадный по рожу. —
Жирнов
 Рыгал брагой, смеясь:

— А Телятевский-князь?
И ему катим бочку на кочку
От купецкого дому.
Купим князя,
Сторгуем и
Пашку Истому.
Все продаются
В торговом пути —
Знай лишь
Бочки кати.
Все за деньги
Отважны.
Только мы
Не продажны.
Вот тебе крест,
Да шура с меня же,
Амбары с салопами!
А Телятевский-княже?
Что ему делать
С холопами?
Какая он ровня
Ворищам да нищим?
Али и впрямь он
Димитрия ищет
С очами на выкате?
Врет.
Пуще смекает о выгоде
В рот.
А рот у князя
Большущий. —
Царь крикнул:
— Щучий!
Жадно жрет золото
Ради Христа.
Сам к своему же холопу
Пристал,
Ибо пуще
Охота слизнуть
С городов
Золотую казну.
Ну, ладно,
Возьмем на обман —

Катись ему
 Бочка в карман.
Лопни он
 С бочкой, дурак,
Лишь бы разбит был
 Отчаянный враг.
Господи, помоги
 Совладать с воробьем! —
Гости вскочили:
 — Разобьем! Разобьем!
Тулу, Каширу, Елец
 Захватил,
 Окаянный подлец!
Лезет, ползет
 По крутому мостку
Грабить да жечь
 Пресвятую Москву.
Нет, не дадим,
 Разобьем, разотрем!
С богом,
 Молитвами,
 С белым царем
Кровавыми битвами
 С Ванькой-псарем
Положим им
 Скотный конец.
Пушай воссияет
 Василья Иваныча
 Царский венец. —
Шуйский, в слезах,
 Шатаясь, в поту,
Целовал, обнимал всех
 Живот к животу.
Банное небо
 Блевотно повисло.
Веники, брага
 С капустою кислой
Смешались
 С телесным рассолом
Во пиру,
 От беды невеселом.

Царь залез на полок
В уголок,
Затянул:
«Ой, не спится мне,
Удаленькому, в терему».

И уснул.
Захрапел, запотел
От тревожных и
Царственных дел.
Гости томились
В раздумьи унылом.
Пахло плесенью осени,
Вехотками,
Мылом,
Молитвами, медом,
Военным походом,
Досадой:
Ах, сукин Ванька,
Вдруг да
Последняя банька!
Молчали в мочале.
В воеводском испуге
Скопин-Шуйский от скуки
Глядел на полок
В уголок,

Нюхал:
От туши от дядиной
Несло царской
Пареной говядиной
Да капустою кислой.
Банное небо
Над Русью нависло.

Молчали в мочале.
В тишине
Отдыхали тазы.

Отгремели ковши.
Пьяный голос Мурзы
Лишь шептал:
— Ай, аллах, ай, якши!

ПОДМЕТНЫЕ ПИСЬМА

«Бездомные нищие,
Без роду, без племени,
Особливо холопы боярские
Московской земли
И всякие люди бедового времени,
Дворовые, пришлые, царские,
Шпыни, безыменники,
Слушай,
Внемли:
Не Ваське Шуйскому,
Боярину, злодею слепошарому,
Пристало царствовать,
Землей владеть всяя Руси.
Не Ваське Шуйскому,
Отпетому злодею старому,
Сидеть в Кремле на троне
Да народом править
На всяя Руси.
Не Ваське Шуйскому,
Мошеннику, торговцу-шубнику,
Чннить над нами
Дикую расправу не по праву
Да батожьем кормить,
Да чугунами.
Отныне именем
Добрейшего на свете
Царя младого Дмитрия,
Заступника холопов и рабов
И всех пребывающих в завете
Бедности, нахлестанных горбов,
Всех изобиженных насилеиом
Бояр, помещиков,
Всех травленных царем Василием,
Велим:
Влезайте в хоромы,
Холопы, оравами,
Бейте, холопы,
Бояр и князей.
Бапями жаркими,
Насмерть кровавыми

Шпарьте их жен,
Их торговых друзей.
Влезайте в домину
Василия-шубника,
За рыжую бороду
Прите царя,
С трона тащите
Его, душегуби
Пушай он подохне
От рук косаря.
А вы его золото,
Шубы собольи,
Дубовые бочки
С заморским вином
Разграбьте, распейте
За царским застольем,
Чтобы каждый в парче
Золотился вьюном.
Садите глаза
Всех вельмож на булавки, —
Иначе проглотят
Живьем судаки.
К торговым гостям
В богатейшие лавки
Идите вскрывать сундуки.
Шпыняйте к попам,
К попадьям на перины,
К дочкам поповым
Ложитесь в постель,
Чтобы эти грудастые
В бозе тварины
Разговелись с холопами
Слаще в poste.
Влезайте по-волчьи
В поместья да вотчины,
Грызите помещицы
Глотки до лбов, —
Покуда денечки их
С жизнью не кончены,
Будут они вас
Давить, как клопов.
Разграбьте, распейте

Их кровь и имущество,
Сожгите их в жар
До последнего гла.
Вздымайте холопское
Ваше могущество,
Чтобы долюшка
Медом текла.
Отныне скажите
Живому народу —
Пущай весь народ
Во весь рот
Продерет:
Знай своего воеводу
Ивана Исаича Болотникова!
Отныне
Судьба на Иване —
Ему за людей отвечать:
В его верном
Холопском кармане
Всей Руси золотая печать».

Как голуби, летали
Подметных писем
Пущенные стаи
По дворам бояр.
На конском волоске
В конюшней выси,
От копоти
Сплошной беды густая,
Холопская висела
Жизнь раба,
Минуту каждую
Готовая свалиться
В навозные телеги-короба.
И на отвал.
Холоп — как в клетке чиж:
Не вылетит, коль пойман.
Холопа от чижа
Не отличишь —

И мал,
 И сер,
 И безответен.
И нос в крови.
 Не живет —
 О прутья бьется боле.
Знает, что на свете
 Нет слаще —
 Жить на воле.
Пускай душа —
 В лаптях,
Пускай в портянках — сердце,
 И жизнь —
 Сермяжья рвань, —
Но ему б на волю
 Да открыли дверцы,
Да пустижи долю
 В голубую рань.
 На, гуляй!
Он бы знал дороги
 В золотые дали, —
Боярские пороги
 Его бы не видали.
Был холоп иль не был
 С волей броневой —
Лишь земля да небо
 Знают про него.
В лугах на именинах
 Много дивных дней, —
Привольно на равнинах
 Пасти своих коней.
Холоп про это песни
 Поет в конюшнях век,
А нос в крови, хоть тресни, —
 Холоп — не человек.
Нет, стой!
 Читай:
«Жили бояре
 Доселе дарами,
Называли бояре
 Холопов ворами —

Пушай не посетуют:
Мы с гневом рабьим
Их, сущих воров,
До штанины ограбим
И выйдем, как звери,
На вольную жизнь.
Знай на Ивана
Плечом положишь.
Иван за Димитрия —
Царь будет свой.
Бейся за волю,
Холоп, головой
Да на радостях вой.
Отныне
Судьба на Иване —
Ему за людей отвечать:
В его верном
Холопском кармане
Всей Руси золотая печать».

Перелетным огнем
Слава ходит о нем,
Об Иване Исаиче,
По Руси
Солнцевсходом блистаючи.
Строен.
Статен.
Как дерево, высок.
Лицом прекрасен. Кстати
Кудрей завит висок.
Размашен.
Ловок.
Могуч в крутых плечах.
Серебряное слово
Звенит в густых речах.
Скажет —
Взвесит,
Подумает не зря.
Будто в хвойном лесе
Румянится заря.

Честен.
Отважен.
Ретивый на язык.
Глаза в горячем раже
Чище бирюзы.
Ходит —
Не бродит,
Несет себя орлом.
О горестном народе
Не льет слез напролом,
А грудью,
Как колесами,
Накатывает, прет,
Плечистыми утесами,
Ворочает вперед.
Смелый
Да веселый.
В цветочках воротник.
Ему деревни, села —
Все подряд сродни.
Кругом,
Куда ни взглянет, —
В полях мужик да конь,
А девки на поляне —
Как маковый огонь.
Кругом,
Куда ни кинет
Взор на ветхий дом, —
Все бьются на мякине
Под княжеским кнутом.
Кругом,
Куда ни сдвинет
Лихую бровь дугой, —
Помещик на овине
Холопов бьет погой.
Всё знает,
Видит, чует
По своей спине,
Как в смертном карачуне
Людей ведут к стене.

Сам не раз он
Хаживал
На скотский двор под плеть,
Чтоб ныне круче, заживо
Врагов преодолеть.
Холопя былъ
Таковская:
Дождаться бы поры,
Чтоб вся земля холопская
Взялась за топоры.
Хорош Иван,
Как рожь, Иван —
Прокормит сверх ребра.
И даст в придачу
Караван
Литого серебра.
Пригож Иван,
Видал бунты
И бури на морях,
И цепи
Скинул в океан,
И дрался в бунтарях.
Ох, и повидал же
Народишку Иванушко —
Страсть!
Из слов его даже
Можно сарафанушко
Спрясть.
«Ну что ж,
За черен нож —
Зачнем ножом.
Гляжу:
К ножу
Привадны тож.
Ну что ж,
Жить
Будем мятежом».
Он так поет,
Как мы живем, —
Остались бы
Живьем.

Ох, и пожили бы
Всласть
С душой-подругой —
В рот те
Пироги с севрюгой,
Блины с икрой!
Жить охота!
Дуй в поход! Крой!
Нам не чета,
Да и те дуют присно.
Крой да читай,
Что в подметных написано:
«О: ныне
Судьба на Иване —
Ему за людей отвечать:
В его верном
Холопском кармане
Всей Руси золотая печать».

поход

Царь пребывал в тоске.
Перед златыми образáми
Стоял в Успенском храме
На своей малиновой доске
Со свечкой восковой.
С похмелья
Слезными глазами
Прощался царь с Москвой
Перед походом
Под соборным сводом.
Святейший патриарх,
В сиянии свечей
И солнечных лучей
Великолепен,
У раки Дмитрия,
Царевича святого,
Служил молебн.
С высоких окон
Алмазной пылью лент

Струилось солнце,
Играя с божьим оком
В блеске алтаря
И на короне
Невеселого царя,
Чьи рыжие
Похмельные ресницы
Сердито тыкались
В покров
Димитрия гробницы,
Моргали,
Будто от излишка:
«И всё это из-за тебя,
Зарезанный мальчишка!»
Святейший Гермоген
Пред ракою
(Он тайны знал вещей,
Что в раке —
Никаких мощей)
Перед походной дракою
Крестом, кадилом и жезлом
Махал,
Дышал смиренным злом, —
Под стоны звона
Рек с амвона:

— Братие во Христе! Великий государь, воистину святой и праведный, Василий Иоаннович, и чада: благоверные князья, бояре, окольные, дворяне, дьяки, гости торговые, приказные! У врат Москвы огнелых дьявол стоит во образе Ивашки Болотникова, сущего холопа, вора, мятежника, лукавого змея, поядателя душ православных. Сей лютей враг еще сквернее чернеца Гришки Отрепьева, проклятого расстриги, ибо Болотников, холоп и смерд, под именем бе-

совского самозванца готовит учинить погибель не токмо что царю святому, Василию Иоанновичу, не токмо что князьям, боярам, дворянам и гостям торговым, но в соединении с люторами, жидами, ляхами, римлянами, татарами, мордвой, чувшами готовит учинить погибель, разоренье святой православной веры и церквей христианских, храмов господних.

Гермоген

Посмотрел на царя:

Ладно ли, мол, говорю?

Царь кивнул — ладно.

Из алтаря

По свечам-янтарю

Голубой плавал ладан.

Потный, плотный

Успенский купецкий собор

Хотел бы сейчас

Наживать, торговать,

А тут вот молись,

Да берись за топор,

Да сучи рукава,

Запирай все лари на запор,

Да убытки неси.

Господи боже,

Мать богородица,

Ох, сколь на Руси

Всякой пакости водится!

Так каждый под звон

Клал походный поклон —

Добро б уберечь

Да слушать всю жизнь

Патриаршую речь:

— Злато, серебро, драгоценные камни, яко звезды небесного пламени, деньги, каз-

на, богатство торговое, богатство хором, поместья, вотчины, лабазы с хлебом, запасы вина, сокровища знатных — вот что прельщает сих окаянных воров, служителей сатаны, забывших страх божий, холопов отверженных и разбойников с собачьими басурманскими оскверненными языками. Добыча, нажива, чужое добро — вот что ввергает их в бездну безумия и крови.

Патриарх

Направил брови,

Глаз коровий

В рыжие глаза царю:

Ладно ли, мол, я говорю?

Слезами восковыми

Капала царя свеча.

Шуйский прошептал:

— Кончай. —

Гермоген воскликнул:

— Премилостивый владыко небесный, пречистая богородица, великие чудотворцы московские Петр, Алексей, Иона, страстотерпец Христов царевич Димитрий и все святые, слезно молим скорбными сердцами, да подаст нам бог мир, любовь и благоденствие, да освободит господь российское государство от непотребных злодеев, безобразных нечистых врагов, окаянных холопов, воров, супостатов. Да будут они прокляты во веки веков. А огнедыхательному дьяволу Ивану Болотникову, всей крови заводчику, анафе-

ма! С нами бог и царь всяя
Руси!

Шуйский взглянул
На собор, на бояр, воевод:
Все ль караси,
Иль Россия не наша?
И вот в руках патриарха
Блеснула огнем
Водосвятная чаша
Над кашей голов.
Радужно брызги воды
Вокруг орошали
Парчу, соболей,
Ковры, лысины, шали.
Горе народам —
Чума на воров!
Чудотворный
Схватили покров,
Потащили
К Калужским воротам.
Хлынул народище
Дикой толпой,
Знай только — пой:
«Спаси, господи, люди твоя
И благослови достояние твое»,
Сотрясалась Москва
В колокольном трезвоне,
Бежала бегом
В богомольном разгопе
С крестами, иконами,
Ризами, воском
К Калужским воротам,
Где патриарх
Кропил водой
Царское войско
На страх нечестивым врагам,
Засевшим в Коломенском.
Кропил пушки, пищали —
Душа в мольбе иссякла.
Боярыни трещали
На все лады да всякая:

— Ишь, царь-то
Со скипетром!
Стрельцы-то —
Соскй ведром.
Скопин-то, Миша-то —
Грудь златом вышита.
Сам Колычов-то
В лентах почета.
Милославский-то княже,
Ох и сел на коня же!
Кто из них глаже
Да краше —
Не разобрать.
Ну, воеводы!
Ну, царская рать!
Сынки-то боярские,
Наши сыночки,
Не сынки —
Ангелочки!
— А наши, купецкие,
Чем они хуже —
Толще
Да дюже,
Кому не поглянутся?
Гляди — у невест
Щечки
В алых румянцах,
Глаза у небес,
Под кокошником слезки,
На белилах полоски,
У очей рукава.
Ратное дело —
Не в лавке торговать.
Разбойники-то, бают, —
По Ваньке-краснобаю.
Такие же
Отпетые в крови.
А ты, матушка-боярыня,
Не очень реви:
Уж ежели
Холопы да сядут на Кремле —

Не хватит нам, сударыня,
Места на земле.
Уж пушай Христово воинство
Истребит воров разбоинство.
У воров, слышь,
Мор и голод,
Ихний стан
Враждой расколот:
Князь Телятевский, изменник,
Просит с нас
Побольше денег.
Бочки мало — дадим три,
Только нос ворам утри.
Сторгуемся — свои.
И рязанский Ляпунов
Ждет чинов,
Даров, обнов.
Ну, дадим ему — свои.
Жадный только Шаховской —
Не насытишь всей Москвой,
Да и тот, мерзавец, — свой.
Приютил князь оборванца,
Лезет с ним
В престольный град.
Сунул Ваньке самозванца,
А и сам не рад.
— Мой-то кум
Колычов говорит, — не потеха ли, —
Ежли мы бы
Не знали того,
На воров, на войну не поехали.
— Князь Мстиславский, мой сват,
Как Христос, душой свят.
Князь-то знает, —
Хитра борода, —
Почем всех купить и продать.
Князь со славой возьмет
У воров города.
— Уж мой муж,
Как заря,
Разоделся в парчу.
Говорит — для царя

Я хочу по плечу
Славу-счастье добыть,
Чтоб холопья-враги
Сгибли все
От господней руки,
Чтоб мужьям
Не мешали добро наживать,
А женам —
Плести из шелков кружева.
— А мой-то...
— А мой-то... —
Так и неслись
По хоромам Москвы
Разговоры.
А там, за Москвой, вой:
Подорожная слизь
Ломала зубами затворы —
Хлеба!
Рыскала, бестия,
Стаями волчьими.
Хлеба!
Горели поместья,
Боярские вотчины.
Хлеба!
Церкви шатались
В дымище до неба.
Хлеба!
В монастырских стенах
Мешки прятал монах.
Хлеба!
Хлеб у Ивана.
Где он?
В Калуге.
Не будет обмана
В калужской подруге.
Там и Димитрий,
И князь Шаховской
Потчуют хлебом
Народ воровской.
На улицах — ковры,
На коврах — пироги.
Туда и беги.

Каждому — кадушку,
Каждому — пушку.
Ешь да стреляй.
Хвостом не виляй.
— Ты из рязанских?
— Оттуда.
— Что ж Ляпунов ваш?
— Мерзавец!
Иуда!
Дворянская кляча
В рязанском мыле.
— Ведь вы же
В Коломенском были,
Под самой Москвой,
Даже выше?
— Были, брат.
Чуть, брат,
Не влезли, брат.
Были у врат.
Видели град.
И теперича рад.
Да вдруг
Ляпунов,
Как увидел царя-то:
В ноги, гыт,
Падайте,
В ноги, ребята!
Ну, и пошло!
Многие в ноги, в хвосты.
А мы — в кусты.
Да бежать,
Да бежать.
Добежали досюда.
Изменил
Ляпунов нам,
Рязанским, Иуда.
А теперича
Ищем царевича,
Ищем Ивана Исаича.
Комаринских
Встретили,
Видели давеча —

Вихрем промчались,
Кони в пару,
Люди в яру,
Свистят да орут:
«Мы
Ляпуновскую кожу
Сдерем на рогожу!
Нам, гыт, комаринским,
Рязанские попадайтесь реже —
Зарежем!
Изменили, гыт,
Исаичу,
Душу продали вы заячью».
Вот те и беги
На пироги —
Свое брюхо береги.
К Телятевскому, что ли,
Под Тулу
На отряд?
Князь-то
За холопов,
За Ивана, говорят.
Вестимо, за Исаича
Стоит герой горой,
Не хвалится,
А валится
С холопами корой.
Иванушко в холопах
У князя жил, псарем,
А ныне князь с Иваном
Идет на бой с царем.
Ну, князь!
Ну, честь!
И хлеб у князя есть.
К нему и побежим
Под Тулу.
Без хлеба
Ветром, ишь, поддуло. —
Так кто — куда:
Пути кругом,
Везде беда
Стучится в дом.

Стук-тук в окно.
Глядишь — темно.
Не то там друг,
Не то там враг,
Не то как вдруг
Рассыплет в прах.
Так кто — куда,
Кишит народ,
По всей
Руси разброд.
Не туча прет,
Не гром орет:
Дерет
Голодный рот
Народ
Растрепанных бород,
Полей, степей,
Лесов, долин,
Где только
Бьется голь —
Из края в край,
Из клина в клин,
И поперек,
И вдоль.
На севере —
Смута в Великой Перми.
На юге —
Бунтуют казаки.
На западе —
Смута: Димитрий, прими!
На востоке —
Бунтуют кайсаки,
Башкиры, киргизы,
В песках — калмыки.
Реки людские
В разлив велики.
На Каме — чувашаи.
На Волге — мордва.
Смута
Народов горошится.
Вихрь в Украине
Воспрянет едва —

В бурю
Завьют запорожцы,
Пыль по степям,
По пшеничным дорогам,
Как брызги вокруг
По днепровским порогам.
Тут Шуйский
Не суйся:
Киевляне, черниговцы,
Стародубцы — из тех,
Кого не возьмешь
Для престольных утех.
Не суйся и к Дону,
К казакам донским —
К московскому звону
Боярской тоски
Не привыкли их кони,
Как черти к иконе.
Смута беглая везде,
По Руси в любом гнезде,
Будоражит вихрем воли
Крылья голи:
Скоро нам
Станет сытно, сторонам.
Приставай к Ивану-другу.
Эй, гони живей в Калугу!
Отовсюду так, горстями,
Стрел отточенных лютей,
Собирались в бой гостями
Стаи пестрые людей.
А в Калуге черный порох
Силы ратные встречал,
Тут холопский бился ворох
С шуйской ратью. Сгоряча
Гнал кровавою метелью
Раззолоченных врагов,
Чтоб голодному похмелью
Было больше пирогов.
Сам Болотников, как свежий
Ветер счастья, гнал бояр.
И опять, гляди, к Москве же
Подступил холопский яр.

Воевода Онорато
Вел войска, под Кремль стремясь,
И вошла б в Москву гора-то,
Но примчал изменник-князь
И вдруг:
— Уж я ли вам не первый
Холопский верный друг,
Уж я ли не желаю
С вами вместе,
Как жених к невесте,
Войти
В первопрестольную
Столицу всех святынь,
Светлицу вожделений, —
Перед Димитрием
Склонить главу,
Перед холопами — колени.
Холопы тут.
Но где Димитрий?
Не крикнули б:
«Надули!»
Кругом молва:
«Царевич в Туле,
Тульские
Войска в победе».
И мы — айда.
И впрямь туда
Димитрий едет.
Под алый звон
С Димитрием
В кремлевские ворота
Войдем
На счастье
Холопского народа. —
Болотников
Верил
Прожженному дулу:
— Князь Телятевский
Прав. Эй, орда, эй, айда
За Димитрием в Тулу!

— В Тулу!
 В Тулу! —
 Гремел людской поток. —
 В Тулу! —
 В Тулу народище потек.
 Там-де
 Хлеб-де,
 Ласка да почет.
 Сам-де
 Димитрий-де
 Калачи печет.
 Тула-де
 Город-де
 Крепостью баской —
 С войском-де
 Телятевский,
 С войском Шаховской.
 Вот-де,
 Бают-де,
 Засела благодать.
 Оттуда-де,
 Из Тулы-де,
 В Москву рукой подать.
 Катится народище
 Океаном в алом,
 Льется наворотище
 За Иваном валом:
 Калужане, москвичи,
 Стародубцы, тверячи,
 Алексинцы, смолячи,
 Каширята, кромичи.
 Тут и
 В каше ваши —
 Мордва, орда, чувашы.
 Тут и
 Тары-бары,
 Секим башка — татары.
 Тут и
 Казачи терские, донские,
 Украинцы, комаринцы.
 Тут и
 Дворяне, бояре, купцы.

Тут и
Кулачные бойцы.
Ну и народищу под Тулу
Поддуло!
Кого-то кому-то
Рассовала смута.
Кто-то кому-то
Наденет хомут-то.
Люди — как лес.
Густ да колюч
Темный лес.
Болотников взял
Тульской крепости ключ
Да в осаду залез,
Как в могилу:
Тяжкий осенний
Пошел запах дней...
Улыбался Телятевский:
Волк — в западне.
Продал князь
Шуйскому тайну одну,
Как Тулу пустить
На погибель ко дну:
Упу запрудить
И в море воды
Утопить
Воровские следы,
Утопить навсегда,
Утопить на века,
Чтобы крови холопской
Бежала река.

ТУЛЬСКАЯ БЕДА

Ой, горе в глотку
Да мокрая беда:
Затопило слободку,
В воде слобода.
Топит вода!
Слободские на крышах
Сидят да ревут:
— Спасайте! Айда! —

Хлещет вода!
Мария — туда:
— Тонут дети —
Ловите детей
В невода! —

Лезет вода!
Ой, с кладбища
Тащит кресты
В два ряда.

Пухнет вода!
Плывут, ой, гробы,
Гробовая беда,
Гробовая гряда.

Стонет вода!
Стынет вода,
Мечется в бешенстве
Злобы-вреда —

Палачей череда
Местью, кровью крутой,
Заливает бедой,
Как водой, города.

Горе холопам,
Горе ворам!
Море могло бы
Ходить по дворам,

Если б у моря
Хватило воды,
Сколько — у горя
Холопской беды.

Смотрит Болотников
Вдоль — поперек:
«Я ль тебя, голь,
Как любовь, не берег.

Я ль не желал
Так раздуть паруса,
Чтобы Русь поднялась
На дыбы в небеса
И, поднявшись, пошла
По мужицким дверям,
Как, бывало, ходил я
В раздоль по морям.

Я ль не хотел,
Чтобы каждый холоп
Жил на вольной земле
На века наголо б.
А что вышло?
Потоп.
Месть лихого врага
Заливает
Кругом берега.
Сердце!
Зачем ты
Буянило, билось —
Ужель чтобы
Сдаться
На царскую милость?
Где мой взор?
Где полет?
О, позор!
В жилах лед!
Что я слышу:
«Сдавайся, Иван!»
Или ветер о крышу,
Или чую обман.
Чу:
«Сдавайся, Иван!»
Нет, не хочу!
Нет, не сдамся —
Умри я!
Где жена?
Где Мария?
Почему я один
Среди льдин?»
— Эй, люди!
Вода — не преграда.
Не такие я
Воды видал... —
Тут к Ивану
Пригнал Онорато:
— Джиованни,
Финита!
Memento mori!
Горе:

Мария-Коломба,
Спасая детей,
Утонула в реке.
— Что? —
Замер Иван.
Сабля
Пристыла к руке.
Кровавый туман
Закутал
Озябшую грудь.
Сердце стонало —
Нет, не вернуть!
Молчал Иван.
Печальные завесы глаз
Спустились на ланиты.
Из-под ресниц
Сверкал алмаз.
Сказал: — Финита!
В сердце — нож.
Ну что ж,
И мне бы с ней на дно.
Ишь, не приходит
Горе-то одно,
А сразу
Дьявольским угодем
Со всех сторон
Захлестывает
Смертным половодьем.
От беды,
От воды
Да от голода
У всех голые головы —
Череп, зубы в оскале,
В лохмотьях,
В грязи —
Всех в смоле полоскали.
А татары,
Чуваши,
Мордва
На худущих ногах
Еле бродят, едва.
Страшно смотреть.

Что-то будет
 Нам впредь?
Царь не знает пощады —
 Ино плеть,
 Ино помост дощатый.
А я-то ждал
 Дмитрия —
 Путал людей.
Будто
 Гнал на беду
 Для царевых плетей.
Не забыть кузнеца —
 Его правда в завете,
 Что хороших царей
 Не бывает на свете.
Не забыть и Марии
 Святые слова:
 У раба, у холопа —
 Своя голова.
Не забыть мне и Пашки —
 Его бы сюда,
 Не текла б по рубашке
 Худая вода
 Со стыда.
Никогда б Пашка Волк
 Не поверил князьям,
 А я вот поверил
 Окаянным друзьям.
Не забыть и тебя,
 Рыцарь мой Онорато.
 Я прощаюсь, любя.
 Алым соком граната
Твоя знойная верность
 Текла до конца
 Твоего воеводы.
Знатно ты бился
 За праздник свободы,
За радости наши,
 За рабскую честь —
 За народы.

Прощай.
Открываем ворота.
Пушай все повинную
Разом несут,
Ежели к Шуйскому
Сами же просятся,
Лезут на суд.

Стыдно. Позорно.
Сердце бьет колко.
В горле будто бобы...

Бомм!
Бомм!
Бомм!

Слышь:
Ударили в колокол —
Воскресли попы.

Хоругвями
Кол о кол
Чешут
Под сводом.

Видишь:
С народом
Идут
Крестным ходом
К воротам.

Поют:
«Спаси, господи, люди твоя».

Бредут по воде
За волнами.

Призывают:
«Болотников, с нами!»

Ну, ладно.
Прощай.
Не судите меня. —

Иван быстро
Вскочил на коня
И крутым поворотом
Помчался
К закату багрового дня
Прямо на солнце —
К воротам.

— Ой, мои ратные!
 Давай открывай.
 Шуйский припас
 Аржаной каравай.
 Авось да накормит —
 Отпустит вино,
 Как родимому сыну,
 И тут же повесит
 Тебя на осину.

Ну, открывай! —
 Ржаво гремели
 Железные засовы.

Люди с хоругвями
 Орали, как совы:
 — Не выдадим! Заступим
 Ивана-воеводу!

Кто когтем
 Шевельнет —
 Пущай ползет в воду. —

Ратные кричали:
 — Не смеет царь чинить
 Иванушке печали!

Эвон пушки,
 Эвон ядра,
 Эвон и пищали!

Клятву с царя —
 Не трогай псаря!

За клятвой
 Попрем —

Закрепим
 За царем. —

Бабы вопили:
 — Не слова,
 А прямо искры бьем,
 Что глаза
 Тому мы выскребем,
 Кто тя
 Вздумает упекорчить!
 Да еще
 Тому навек корчи!

Ой, не тронет,
 Не касается

Судьба горькая
 Исаича.
 Пущай трогает
 Красавица,
 Судьба гордая
 Исаича.
 Не суди ты нас
 За прокислый квас,
 А суди ты нас
 За счастливый час.

Ишь, и конь-то
 С голоду
 Уж повесил
 Голову.
 А мы-то,
 А мы-то —
 Корыто
 Обмыто.
 А ты-то,
 А ты-то
 Испортил копыто —
 Не скачешь ловцом,
 Знай горюешь
 Вдовцом.

Ой, ведь надо же было
 Приключиться беде:
 Оставил ты милу
 В тульской воде,
 В шуйской
 Гнилой бороде. —

Попы пели,
 Скрипели,
 Как старые ели:
 «Спаси, господи, люди твоя»,
 На ворота кадили,
 Крестили крестом,
 Кропили хвостом —

Святою водицей, —
 Знали, что каждая капля
 Царю пригодится
 На тульской удаче,
 А попам наипаче.

Только
Открыли ворота —
Хлынули
Реки народа
С воплем одним:
— Царь!
Казни нас,
А Ивана
Казнить не дадим.

Царь,
Помилуй Ивана!
Твоя милость богата! —
На белом коне
Иван в золоте
Солнца заката
Подъехал
К царице шатру.
Шуйский гордо стоял
На парчевом ковре,
Как индюк на заре.

Около:
Скопин,
Мстиславский,
Патриарх Гермоген,

Круг
Князей и бояр,
Царской свиты
Сверкающий жар
Без огня.

Иван слез с коня.
Вынул саблю,
О колено свое
Разломил пополам.

Бросил саблю
К царевым ногам,
К собольим полам,
На ковер к сапогам.
В золотой тишине
Вздрыгнул гам,
Крик досады
Несчастной осады
На счастье врагам.

Болотников
Твердо сказал:
— Теперь воля твоя,
Государь, царь Руси.
Все вины я беру
На себя за воров.
Не казни их, спаси,
А меня на веревку
Да в ров. —
Шуйский крикнул:
— Кому ты служил?
— А сначала служил я,
Холоп и мужик,
Царевичу Дмитрию.
Сам его видел
В короне с ошейником,
А он оказался
Мошенником.
После служил я
Холопам, шпыням,
Мужикам, всем ворам
По боярским дворам.
И за это
Кладу свою голую
Голову,
И за это
Вины я
Беру на себя.
Кроме меня —
Неповинны иные.
— Повинны!
Повинны! —
Орали кругом. —
Царь,
Будь нашим другом!
Не будь, царь, врагом.
Помилуй Ивана!
Не трогай Исаича!
Шуйского дом
Проживет
И без его головы!
Царь-государь,

Ты послушай молвы.
Ишь, он, Иван-то,
Красавец какой,
Разве ж
Можно таких
Записать в упокой?
Не воздай ему мщение!
Сделай царскую милость —
Ты царской рукой
Напиши, царь, прощение
И поставь печать!
А мы тебя станем
На царственном стане
Век величать.
Чтоб ты, царя,
Носили мы день
Да носили на́ ночь,
Царь ты наш,
Батюшко,
Василий Иваныч.
Повели нас пороть
Да соленым кнутом, —
Слезно молим о том, —
Только не тронь,
Не пори, не касайся
Ивана Исаича.
Милость, славься! —
В шуме к Шуйскому близко
Подошел Милославский,
Шепнул:
— Знатно было бы
Сейчас его, вора, помиловать
Для славы твоей,
Для показа
Будто пошлем в монастырь... —
Шуйский прервал:
— На пустырь.
Оба глаза
Ты ему выколи
И потом утопи,
Как немилую,
А покуда помилую. —

Люди кричали,
 Как на причале:
 — Помилуй! Спаси!
Помилуй Ивана!
 Спаси, царь Руси! —
И милость
 Явилась
Как белым голубком.
 Царь взмахнул
 Торжественно
 Шелковым платком.
Все запали разом.
 Шуйский
 Левым глазом
Взметнул
 На небо,
 В алый бархат,
Перекрестился,
 Указал
 На патриарха:
— Сам господь
 Вселяет
 В мою душу
Добро,
 Любовь и
 Милости царя:
Решил
 Народ послушать —
 Помиловать
 Преступного псаря,
Разбойника,
 Холопа,
 Бунтаря,
 Водителя воров.
Да будет он,
 Иван Болотников,
 Во славу бога
 Жив-здоров,
Да ниспошлет
 Господь ему
 Раскаянье в грехах

И мерзостях,
 Содеянных
 По бедности в спехах.
 А посему велю
 Послать его в Каргополь —
 Пушай устроится
 В монастыре, помолится
 За нас, а пуще за себя
 Перед святою троицей.
 На том целую крест.
 Аминь.

А вам
 На брюха благодать —
 Велю
 Хлебушка дать.
 Голод, сгинь! —
 Раздался
 Гул восторгов.
 Славы треск
 Рвал в клочья
 Радостные рты
 Сирот веков —
 Холопов,
 Нищих,
 Баб и мужиков —
 Всея Руси
 Носителей оков:
 — Слава,
 Слава тебе,
 Царь царей!
 Воспоем
 Тебе мы
 Славу скорей.
 Царь-кормилец,
 Царь —
 Отец родной,
 Порадел
 Царь
 О головушке одной.
 Видно,
 Сердце твое
 В жалости —

Отпустил
Вины да
Шалости.
А уж мы тя
Вознесем
На небеса.
Твое
Имечко пушай
Шумят леса.
Ты, Василий
Наш Иванович —
Заря,
Не видали мы
Любезнее
Царя.
Ты, Василий
Наш Иванович,
Честной,
Не слышали мы
Соловушки
Весной,
А слышали
Твои
Царские слова —
Взвеселилась,
Заплясала
Голова.
Ну и царь!
Ай да царь! —
Окружили бабы
Шуйского кольцом:
— Попойл бы ты нас,
Батюшко, винцом.
Накормил бы баб
Комаринских едой.
Натерпелись,
Намочились мы водой.
Будет —
Похлебали воду. —
Царь повелел:
— Эй, дать бабам меду!

Уставился царь —
Ноги дугой,
Маслом глядит на баб.
А бабы
Одна другой
В ухо:
— Ножом его каб
В парчовое брюхо
Да Ивана на стан —
Завладел бы
Всем станом Иван.
А то уморит
Царь его, уморит —
Взял на обман.
Помиловал
Милого,
А на руки не дал.
Вот и победа.
Собачья облава —
Царская слава.
Когти
Да слезы
В победе ж.
Только комаринских,
Нас не объедешь.
Нож
Ему в почку
На черную ночку!
Мужики
Подослали
Не зря:
Славьте, гыт,
Бабы,
Да режьте царя.
А котора, гыт,
Спать с ним
Пойдет под орешник,
Та, гыт,
Пушай и
Зарежет.

Ишь, он какой
Озорной до баб,
Глянь-ка:
Баб ловит,
Да пьяный,
Да в бусах
Трясется, как нянька. —
Шуйский мигнул:
— Что вы там шепчетесь,
Эй, комарихи,
Али мой мед
Хуже гульского пряника? —
И сейчас же
На ухо Скопину:
— Этих комаринских
Надо
Выдрать
Особенно.
Уж шибко они
Раскудахтались
Громко, воровки.
Ты всю
Ихнюю волость
Держи на веревке.
Держи! —
И запел:
«Ах ты сукин сын,
Комаринский мужик».
Бабы пили,
Наворачивали
Стог:
— Уж не будь ты,
Царь-батюшко,
Строг,
Не сажай ты
Нас, пташек,
В острог.
А сади нас
За столы,
За пироги,

Ты красавушек
 Под сердцем
 Береги.
Шуйский,
 Шубу соболью раскинув,
 Лежал на ковре
Во хмелю
 С бражной свитой
 В бараньем шатре
И тянул:
 «Ой, не спится мне,
 Удаленькому, в терему,
 Не ложится
 На перине одному».
И мычал,
 Как в бреду:
— Изведу! Изведу,
 Что есть мочи.
Змей, страшная псина!
 Выколю очи.
Утоплю его,
 Сукина сына!
Раб!
 Червь! Вещун!
А холопов всех
 В кровь исхлещу.
Ох, господи, господи!
 Благодарю
 За победу.
Именинником
 Завтра
 Поеду.
Благоденствие
 Станет
 Царю на Руси.
Шаховской, Ляпунов
 Да Телятевский,
 И те — караси.
«Ой, не спится мне,
 Удаленькому, в терему».

Все караси
На Руси напоказ.
Окаянная щука —
Без глаз.
«Ой, не ложится
На перине одному».
Ну и мед!
Ну и я!
Спит
Дружина моя.
«Ой, не спится мне,
Удаленькому, в терему».
Где бабы?
Считай, водяной,
Сколько баб на Руси!
А у царя —
Ни одной.
Всех на сосну! —
С этим царь и
Заснул
На медовом на мху,
На бедовом греху,
На собольем меху.
Храпит люд.
Ночь, как Русь, —
Вся во сне.
Холод лют.
Сеет грусть
Тихий снег.
Стан в кострах.
Сушит голь
Сырость слез.
Стон в ветрах
Носит боль,
Чтоб неслоь
Горе лет
По сердцам
Для борьбы
На весь свет
По концам,
Где рабы

Под бичом,
 Под мечом,
 Под любим богачом
 С коробами,
Где рабы
 Не желают
 Быть больше
 Рабами.

Стынет
 Стон в тишине.
 Ночь, как Русь,—
 Вся во сне.

Веет
 Снежный туман,
 Навевает буран.
 Где-то едет Иван

По дороге ночей,
 Среди своры
 Тупых палачей
 Дурака и тирана.

Исполнен указ:
 Иван ехал без глаз —
 Ослепили Ивана.

И не видел Иван —
 В стороне на коне
 Встречный путник
 В испуге замолк:

В эту ночь под буран
 Из подсолнечных стран
 Торопился на помощь,
 Спешил Пашка Волк.

Пашка видел:
 Опричина лихо неслась
 И кого-то везла
 На кровавую сласть.

Кого? Если б знал он —
 Стремглавым орлом
 Бросился б в драку
 На смертный пролом.

Пашка застыл,
На зловещий уставился снег.
Ночь, как Русь, в диком сне
Горе тягостных лет
Заметала причины след.

1931—1934

79. ЮНОСТЬ МАЯКОВСКОГО

Я знал его юность, —
Она горячо
Изливалась из горла-вулкана.
А страсть его к жизни —
Крутое плечо —
Силой была великана.
Ему бы ворочать
Устои основ
Буржуазного старого мира,
Сваи вбивать
Кулачищами слов,
Жестом борца-командира.
Ему бы впрягать
Табун дней в колесницу
И гнать эти дни
На великий пролом
Туда, где раздолье
Победами снится,
Где воля его
Взмывает орлом.
Таким и родился
В хребтах на Кавказе —
Жгучий, как солнце,
И остр, как кинжал.
С кровью, бурлящей
Рионом в экстазе,
Будто с вершин
Ураганом сбежал.

Таким его встретил —
 Не верилось даже —
Бунтующим юношей
 Былой кутерьмы,
С большевистским зарядом,
 В стремительном раже
Вырванным вихрем
 Из Бутырской тюрьмы.
Это и сблизило:
 В бунте искристом
Каждый из нас
 Был напорно-ретив,
И вот Маяковский
 Рванулся на приступ —
Драться за новую
 Жизнь впереди.
Станет по-нашему —
 Молодость с нами:
Армия юности
 Бурных друзей
За алую новь, —
 Революция — знамя! —
Политехнический
 Взяли музей.
Взяли! И там —
 С барабана эстрады
Грянули глотки
 Лихих бунтарей,
Сами своим
 Выступлениям рады,
Бросили лапы
 Борьбы якорей.
Шум.
 Крик.
 Свист.
 Смех.
Кто — против.
 Кто — за.
Но для нас
 Этот свист —
 Успех.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дорогому
вас
150.000.000
Моя жизнь
Вот.

Иванов

22/5 21.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Взбудораженный гам —
 Бирюза.
Драться — так драться!
 Оратор таковский —
Здоровенный
 Кулак подымая,
Тигром рывкал:
 — Я — Маяковский,
«Люблю грозу
 В начале мая». —
Так и пошло
 По весенним лужкам
Бродить
 Половодье, бушуя.
Кистени зазвенели
 По дряблым башкам
Мещанина,
 Эстета,
 Буржуя.
Так и пошло!
 Восемнадцатилетним —
Гениальная сила
 Стихийно рвалась —
Он, презирая
 Газетные сплетни,
Беспощадно громил
 Буржуазную мразь.
— Погромщик!
 — Апаш!
 — Сумасшедший!
 — Верзила! —
Вот что от критиков
 Слышал поэт.
Но его мощь
 Эту погань разила
Поэмами-глыбами,
 Грудью в ответ.
В каждой строке его,
 Кровью омытой,
Билось великое
 Сердце борьбой

За новую жизнь.
А мы-то
В восторгах сгорали
Ватажной гурьбой:
Мы видели рост его —
Рост исполина,
Мы слышали голос —
Сигнал трубача.
Мы вместе шагали
Цветущей долиной,
Жили, трудились.
Боролись, рыча.
Друг и товарищ —
Володя-Маяк, —
Он был
Зажигающий парень.
Широкий затейщик,
Словесный вояк, —
Всегда
В баррикадном ударе.
Верстно шагал он
По времени улицам,
Гулко отмеривал
Поступь свою.
Бился усиленным
Трепетным пульсом,
Жарко сгорал
В непрерывном бою.
Юность бурлила,
Юность взывала,
Юность швыряла
Его по углам.
Он в ожиданьи
Девятого вала
Рвался низвергнуть
Воинственный хлам.
В годы войны,
Когда жизнь онемела,
Когда кровью безумства
Пропахло кругом,
Поэт объявил себя
Честно и смело

Этой войны
Беспредельным врагом.
Юноша вырос
Гражданским поэтом
Первой своей
Большевистской поры,
И теперь он орудовал
Зорким приветом —
Предвидел чутьем
Революции взрыв.
Вихрем встречал —
Жизнестрепетным ловом —
Надвигавшийся
Ленинский шквал,
Чтобы раз навсегда
Призывающим словом
Возвысить девятый
Решительный вал.
С этих дней
И потом до конца,
Когда шторм
Октября прозвучал,
Жизнь не знала
Певца-кузнеца
Такого, как он,
Силача.
Гигантом вошел он
В открытые двери
Пролетарского мира
Во славу побед.
И каждый, кто видел, —
Почуял, поверил,
Что Маяковский —
Бессмертный поэт.
Такие приходят
Однажды в эпоху
И, засучив рукава,
Начинают свой труд:
Могучего творчества
Каждую кроху
Глыба за глыбой
На здание прут.

Прут и прут,
Пока не волюются
В здание цели
Торжественным разом.
Строят упорно
Они революцию,
Культуру и мысль —
Коллективный разум.
Такие приходят
Под звон перезвонца
Усталых сердец,
Чтобы бодрость поднять.
Такие приходят
С глазищами солнца
Для света энергии,
Для вечного дня.
Таким и пришел
Маяковский Владимир
С фабрикой слов,
И давай заседать,
Чтобы мы, как в поэмах,
Цвели молодыми
И молодыми остались бы
Жить навсегда.

1931

80. 1905-й

По Горноуральской линии
Громыхает лесами поезд,
Пугая зверье, птиц.
Собака охотничья поиск
Замедлила, ждет,
Пока поезд не стихнет.
Пара куниц
Залезла в дупло —
Там не опасно, тепло.
Рябчик с поляны
Поднялся на ветвь,
Дикий козел
Дико смотрит с горы
На поезд. Шаром медведь
Скатился в ров,
Забыв про бродячих коров.
Белка зажала
Кедровую шишку
И замерла,
Поднявшись на вышку
Кедра: белку пугает свисток.
Перестал жевать лось:
Громыханье колес
По таежной глуши
Гулким эхом неслось.
Не дыши:

Цепь бегущих вагонов
 Страшнее драконов.
Даже охотник и тот
Кисть рябины
Засунул в черемный рот
 И слушает: поезд гудит
В тишине, стучит железом,
 Пробирается лесом
К станции,
 Где среди шахт-могил,
В горном дыму
 Проживает демидовский
Нижний Тагил,
 Старинный завод.
И вот
 Станция.
 Платформа в копоти,
 Пассажиры в копоти.
Поезд устал,
 Стал,
 Ал
От заката,
 От грузной запряжки.
 Пыхтел недаром.
Встречают:
 Начальник в красной фуражке
И серый жандарм.
Суета.
 Беготня.
Кипяток.
Буфет.
 Толкотня.
 Свисток.
Это встречный товарный.
 Тут вообще поездов,
Паровозов, вагонов —
 Узел угарный.
Депо мастерских,
Товарная станция,
 Склады железа,
 Всякая всячь,
 Какая станется, —

Словом,
Я тут и служил
На товарной станции
Таксировщиком.
Работали все
С шести утра
До шести вечера, —
Двенадцать часов
У железных весов.
Жизнь не мудра —
Сказать нечего —
Работай, не болей,
Получай двадцатого
Тридцать рублей
И будь благодарен,
Парень:
У рабочих получка еще хуже,
И еще туже.
К тому же — семейные,
А я холостой.
Стой.
Ой!
Я и забыл, что начал с того,
Как лесами шел поезд,
Как собака — ого! —
Замедлила поиск,
Как все звери и птицы —
Ого! —
Притаились, услышав его.
И даже охотник. . .
А это был я,
Я и задумался
Над рабством былья:
Вот, мол,
Поезд,
Жизнь,
Закаты,
Всюду
Царствует
Богатый.
А я — бедный таксировщик — ни при чем.
Живу очень неважно. . .

Как, мол, так:
 Батрак за пятак,
 А у хозяина дом двухэтажный.
Вот, мол,
 Поезд,
 Жизнь,
 Закаты,
Я же — крыса.
 В жизни:
 Такса.
 Накладные.
 Дубликаты.
Двенадцать часов
У железных весов.
 Грызу свои будни, —
 Прокляты будь они!
Даже запел я в злости приливе:
 А в награду даны
 Мне худые штаны
Да приложение к «Ниве».
Свинство:
 Вот, мол,
 Поезд,
 Жизнь,
 Закаты.
Поезд — мимо,
Мимо — жизнь.
Зрю закатов жижу.
 Как только пойду
 Из конторы домой — к чаю,
Только закаты и вижу, —
Будто за них
 Жалованье получаю.
И что за неприятные оказии
 В этом Нижнем Тагиле?
О жизни фантазии
 Были такие ли?
Нет!
Я собирался к индейцам
 На реку Миссисипи,
 Туда, к краснокожим.

Юный надеется
 Быть непохожим
 На взрослых почтенных...
Ох, ох!
Тут отчаянный вздох:
Я угодил
 Именно в Нижний Тагил.
К дубликатам,
 Закатам —
 В болоте искать
 Кулика там.
Нужда загнала
За тридцать рублей полочки,
 А мне двадцать лет.
Рассчитал получше,
 Ой-ля!
За каждый мой год
По полтора рубля
И бесплатный билет
 По железным дорогам.
Кстати, юность в расцвете —
 Индейцы потом,
 Миссисипи в завете,
В чемодане —
 Майн-Рида том.
Весна на груди —
Жизнь впереди.
Так и случилось:
 Первого мая 1905 года
Группа рабочих
 Железнодорожников и девиц
Отправилась в лес
Слушать весенних птиц.
 И я туда влез.
Зашумели сосны, ели,
 Птицы стройно, звонко пели.
«На бой кровавый,
Святой и правый —
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!»
 Май встречали

Раздольно речами,
В май кричали
Привольно ручьями,
 Май качали
 Крутыми плечами.
Май венчали
Кострамн-свечами.
 Жили словами огней,
 Пели песни о пей —
О свободе рабочего мая:
 «А деспот пирует
 В роскошном дворце,
 Тревогу вином заливая»,
А тревога стихийной
 Волны
Раскатилась с японской
 Войны.
Тревога росла:
 Ощетинились классы,
Взбудоражились маем
 Рабочие массы,
Тайга неумемно орала,
Подымая
 Для мая
Дубину Урала:
 «Эй, дубинушка, ухнем»,
Волосатый марксист
 С красным платком
 Влез на пень;
Марксист голосист,
 Бурлит кипятком,
Не задень:
 «Пролетарии всех стран,
 Соединяйтесь».
Да живет майский день.
 Каждый чуял — Май мой,
 Каждый взял
 И унес Май домой.
Стала шире с друзьями квартира,
Веселее заводский дымок:
 «Отречемся от старого мира,
 Отряхнем его прах с наших ног».

С этого дня
Будто кто-то великий
Обнял меня,
 Посадил на коня...
Это — юность,
 Майский день,
Это — песня,
 Зелень,
 Встречи,
Это — вихря взбубетень,
 Сокрушительные речи,
Это — борьба —
 Победа — нас много,
Это —
 «Смело, товарищи, в ногу...»,
Это — всё верно стократно
И таксировщику
 Совершенно понятно.
Отныне —
 Не крыса я,
А гражданин
Будущей нашей свободы.
Зреют сроки.
 Пусть знает лысая
Голова начальника дороги,
Что я — бедный таксировщик —
 Именно при чем.
Проще:
 К плечу плечом,
 И так до свободы.
Пусть моей юности
 Бурные годы
 Сразятся с царем-палачом.
Так и решил,
 И при этом
Решил стать
 Гражданским поэтом.
Крыльями взмытой стихии
Подхвачен поэт:
Напролетные ночи стихи я
 Чеканил,

В восторги одет.
Настала пора
Для пера —
Счастье бывает на свете:
В екатеринбургской газете
«Урал»

Стали
Печатать
Мои
Стихи.

Ура!
Первые строки:
«Стучи, наш молот,
Бей сильнее!
Короче рукава!
Железо пламени красней —
Пора его ковать!»

Пора,
Ура, Урал!

Я штурмом радость брал:
Станционный начальник

Не гуляет так важно
В красной фуражке,
Как разгуливал я
По платформе
В красной рубашке.

Есть чему удивиться:
Подходили ко мне
Сослуживцы, девицы,
Деповские рабочие
И всякие прочие.

И говорили:
— Ну, Вася, да ты, брат, поэт
Свой, тагильский.
Вот тебе и таксировщик,
Не ожидали, и... —
Так далее.

А девицы особенно нежно
В закоулке любовом:
— Васенька,
Напиши в мой альбом. —

А главное — юность,
Резвость,
Смелость,
Жизнь — огонь.

Бьет копытом
Искры конь.

Не тронь.

Я и горел,
И, признаться, любил,
И печатал стихи.

И с неизменной сноровкой
Занимался новой таксировкой.
А по ночам,
Под зарево домен,

Когда черный завод
Молчалив и огромен, —
Слетались на сход
Под завод,
По рабочим квартирам.

Напряженно и хмуро
Мы читали

Нелегальную литературу.
Первомайский марксист,
Как всегда — голосист,

Отвечал на живые вопросы:
— Шмидт...
«Потемкин»...
Матросы...

Движение растет...
Брожение шире...
— Есть правда,
Товарищи, в мире...
Рабочая правда борьбы.
Готовьтесь к борьбе,
Капитала рабы. —

И мы расходились —
Кто плавить чугуна,
Кто добывать руду.
Но были все начеку.

Пели песни
Свободе, труду,

Жили жизнью своей —
Ожиданием жили.
А Нижний Тагил
По-своему жил:
Торговали купцы-старожилы,
Церкви звонили,
Обедни служили.
Религия — уральский гранит,
Святая опора
И вообще забота:
«Боже, царя храни».
А особенно, боже, храни
Управителя
Демидовского завода —
Обер-эксплуататора,
Диктатора известного.
Дай ему бог
Царства небесного.
А пока что
Нижний Тагил
Только и говорит:
Управитель проспулся,
Управитель не в духе,
Управитель в уборной.
Разные слухи,
Разные ахи.
Ах, управитель
Едет на паре.
Пара в ударе,
Уж он на базаре,
Базар в восторге:
Вот это — барин.
Ах! Управительский дом!
Только б купцам с дочерьми
Ходить хороводом кругом
Да вздыхать вечерами:
Управитель насчет дочек —
Много точек. . .
Ах, не падо,
Не болтайте зря:
Если становой — губернатор,
Управитель не хуже царя.

Так и есть.
Управителя светлая честь
Сегодня справляет бал.
Около дома толпа.
Смотрят — кто попал?
Ба!
Первым пригнал рысисто
Попов — становой пристав.
За ним:
Ротмистр жандармский,
Судья, прокурор, протоиерей,
Полковник, врач, адвокат.
Сморкаются у дверей —
Кто чем богат.
А дальше: купцы, инженеры
(«Как хороши манеры!»),
Барышни, дамы,
Папы и мамы.
Весь тагильский букет
Попал
На ликующий бал,
На банкет.
Электричеством
Дрогнули рамы.
Гости
Собой любовались.
Барышни,
Пышные дамы
Понеслись
В упоительном вальсе.
Он ли
Банкетов не видывал —
Крикнул:
— Первый бокал за царя.
Второй — за Демидова. —
Ура! Ура! Ура!
И вдруг —
Караул! Тарарам.
Тревога. Гул.
Темно.
Гром по горам.
Кирпич в окно.

Вдребезги стекла.
Кровью башка
Управителя смокла.
Негодяи! Кто?
Неизвестно,
Никак не поймешь.
Не гроза ли?
На заводе галдсж.
Э-ей, на вокзале
Нещадно орут:
— Наш управитель —
Труд.
Мастерские,
Завод —
Наша квартира.
«Отречемся от старого мира!» —
Э-ей, первомайские,
Май приказал:
Иди с марсельезой
На митинг — вокзал.
Рабочих-то
На улицах
Черным-черно.
Гудящая лава.
«Ненавистен нам царский чертог».
Слава труду! Слава!
Уррррррр-а!
Вот это ура —
Землетрясение.
Говорящий чугуи завода,
Домны жара.
Да здравствует свобода!
Уррррррр-а!
Вот это свобода,
Семицветная,
Радуги бровь.
И над массой живой
Флагов плещущих кровь.
Вот это кровь массы —
Циклон, души вой:
«Братство, союз и свобода —
Вот наш девиз боевой».

Слава коммуне.
Грудь дышит мехами.
Я — огнем на трибуне.
Речь говорю
И кончаю своими стихами:
«Пока железо горячо —
Раздайся, молодцы,
Во весь размах,
Во всё плечо
Работай, кузнецы!»

Кончил. Сказал.
Рукоплещет вокзал, —
За юность мою,
За первую речь.
Эту ли память
Мне не сберечь.
С первого слова
Так и пошло.
И вот
Революция-мать
Утвердила меня
Делегатом.
Ого!
Я сейчас же с рабочим отрядом
В полицию,
К становому — врагу.
Скольцевали окружие.
Свой револьвер
Про запас берегу.
Прямо к приставу:
— Выдать оружие!
Становой побледнел:
— Кто вы?
— Я — делегат революции. —
Скорчился пристав!
— Пожалуйста.
Выдал.
Я подумал:
Хватить бы его
Изо всей своей мочи.

Но, увы —
Для становой головы
Не было полномочий.
Арестовать бы мошенника,
Но и для этого
Не было разрешения —
Раз он выдал оружие.
А вот арестовать
Управителя — было.
Мы — к нему.
Думал:
Уж на него наору же я,
На душегуба рабочих.
А рабочий отряд
Рад.
Говорят: «Между прочим,
Насыплем ему наград».
Шагаем.
Ночь. Ветер лют.
На улицах кучками люд.
В массе лезу.
Где-то поют
Марсельезу.
Только буянит
Окраина Гальянка —
Шальная полянка —
С гармоньями свищет,
Горланит Гальянка,
Гуляет Гальянка.
Гальянка с ножами
Идет на врага.
Ага.
Вот управителя дом.
Ххо-хо. Та-та.
Что случилось?
Кругом
Темнота.
Окна черны,
Окна малы.
Где же гости?
Хозяин? Балы?

Куда же девались
 Барышни в вальсе?
Где кавалеры,
 Прически, манеры?
Где же свет?
 Разве нельзя его?
Почему же гостей
 Не встречают хозяева?
Отказать не хотите ль?
 Темнота,
 Пустота.
Скрылся хозяин —
 Сбежал управитель.
В жаркую пору
 Шагаем мы к ротмистру,
 К прокурору.
Скрылись и те
 В мышиную нору.
 Дожили вот
 До счастливого года:
Без жандарма завод,
У рабочих — свобода.
 Остались одни только
 Ваньки да Кольки,
 Маруси да Митьки.
А вокруг —
 Митинги, митинги, митинги,
Жизнь марсельская.
Забастовала
 Дорога железная,
Красным флагом
Была разодета.
И я уж теперь —
 Верь не верь —
Председатель
Революционно-забастовочного комитета.
 Жизнь — колесо,
Я получил большинство голосов.
 Комитетчики —
 С большими бородами, усамн,
А я — юноша из товарной конторы.
 Судите сами,

Таксировщик, который,
Проклиная закаты,
Строчил дубликаты,
Теперь, нате —
Стал председатель.
Шутя иль серьезно мне
Масса орала:
— Ты, Вася, наш
Президент Урала. —
Oго! Это надо, друзья, понимать —
Что натура сноровья.
Вот куда выперла
Революция-мать,
На крутое здоровье.
Великая маять.
Великая честь —
Красное знамя
Юноше несть.
И я с гордостью вез
Свой воинственный воз.
Не легко в моей шкуре
Председателем быть:
Дни и ночи дежурил
На телеграфе. За ходом борьбы
Следил. Манифесту не верил.
Задыхаясь, читал телеграммы,
Инструкции, —
Мне ли забыть их, —
Верно ль идем по горам мы
Всероссийских событий?
И вдруг из Перми депеши —
Я так и опешил.
Будто впились
В меня зубы собачьи:
В Перми белый террор —
Революцию душат
Отряды казачьи.
Вот тебе раз!
Я по станциям
Отдал приказ

И послал с делегатами:
Не пускать
Поездов
С солдатами, —
Исполнить точно-в-точь.
Но было поздно помочь.
В эту же ночь
Схватили меня,
Посадили в тюрьму.
И за мной — комитет.
Просидели три дня.
На четвертый с утра
Слышим крики рабочих:
«Ура!»
Затрещали тюремные двери.
Мы счастьем не верим:
Рабочая масса
Штурмом взяла.
И нас понесли на руках
По квартирам
«Отречемся от старого мира...» —
Ревели в восторге, как дети,
Но даром:
На рассвете
Снова схватили жандармы
И доставили к приставу
На двор полицейский.
Эх, досада...
Снег...
Леса...
Ветер носит голоса:
— Кто виноват? Проиграли
Всюду кругом
И у нас, на Урале. —
Много верст.
Звон колокольчиков
Разливался под дугой.
Развозили нас, молодчиков,
По острогам на покой.
В одиночке много месяцев
Юность билась взаперти:
За решеткой звезды весятя,

Жизнь сияла впереди.
В одиночке
Ночки долги.
Надзиратели как волки...
Впрочем, черт с ними!
Всё равно —
И голубь синий.
Мы и там, как на привале,
Свои песни распевали.
Юность — птица.
Что случится —
Будет так,
Как надо нам.
Верхотурская темница —
Лишь этап
Навстречу дням.

1931

81. ПОЭМА О КАМЕ

Еще в далеком детстве
Полюбил я Каму,
Полюбил крутые лесные берега.
И с тех пор в лугах приветствий
Мой привет —
Тебе, красавица река.
 Не знаю, сколько лет
 На свете мне прожить дано,
 Но не забуду я одно —
 Давно хочу признаться в этом —
Кама, Кама, Камушка,
Не знаю, право, сам уж как,
 Сделала меня поэтом.
 От буксирной пристани —
 До буксирной истины,
 От черных баржей —
 До плотов, до кряжей.
И вообще:
Мосты, этапы, звенья,
Перелеты, корабли
И прочее.
 Жизнь-орбита — краток круг.
 Карта бита — берег круг.
Камой течет отчет.
Мудрость осталась.
Воля горит звездой,
Юная усталость

Из песен свила гнездо.

Стоп.

Жизнь пришла от щедрой Камы

С вешним буйным половьем,

И теперь, резвясь, слегка мы

По теченью поплывем.

Пожалуйста, садитесь ко мне в лодку,

Я сам на веслах

И сам буду петь.

Мою луженую забористую глотку

Хранит бывалая в боях словесных медь.

Ну, братцы, начинайте чуть,

Станем братья

За веселый путь.

Ну, сестрицы, подтягивайте гоже,

Кама серебрится,

Мы серебримся тоже.

Эй, чайки снежнокрылые,

На лодках рыбаки,

Друзья, матросы милые

Раздольницы реки.

Гулять, кататься велено,

Кто молодостью сыт.

Кругом под небом зелено

От солнечной красы.

Мать Кама синеокая,

Как вороная сталь,

Блестит, зовет широкая

На пароходы вдаль.

И я, послушный сын реки,

Призывностью горя,

Изведал с легкой той руки

Все суши и моря.

И вот вернулся снова я

Скитаньями обвит,

А Кама та же новая —

Дороженька любви.

Те же чайки снежные,

Та же в волнах взмыль,

Лишь моя мятежная

Затихла в бурях быть.

Но не затихли песни ярости,

Рожденные на Каме,
Не будет, знаю, старости
На лодках с рыбаками.
Костер, как меч,
Огнист, остер,
Костром я жизнь простер,
И мой огонь, и мой шатер —
Мой мир и мой простор.
А у шатра сетей набор —
Рыбацкое шитье.
Топор.
Собака.
И ружье —
Охотничье житье.
Эх, Кама, Кама, Камушка,
Крутые берега,
Спасибо тебе, мамушка,
Сердечная река.
Не ты ли в путь заряженным
Отправила в раздоль,
Чтоб я навек снаряженным
Остался верным столь.
И я остался, быстр, текуч
И полноводен в зной,
Как твой размах, велик, бегуч
Гремучею весной.
Вижу: Кама в половодье
Поднялась из берегов,
Эта радость — новогодье
Жизни трепетных лугов.
Лодочка-качалочка,
Лодочка-причалочка,
Лодочка — волнующий приют.
Сверху, снизу, издали,
Издали все пристани
Пароходов ждут.
Эй, вы, пароходы,
Свистите соловьями,
Сверкайте лебединой белизней.
Камушка, гордись
Лихими сыновьями —
Матросами, рабочими

Страны, реки лесной.

Ты посмотри на загорелость,
На обветренные лбы,
На золото кудрей,
Ты оцени любовь и смелость,
Насыщенность хвальбы
И мускулы чугунных якорей.

И ты скажи по чистой совести:

Камского разлива вверх и вниз

Мы ли не достойны колесо вести

Штурвала парохода «Коммунист»?

А если так — дороженькой зеркальной,

Ты, Кама, приведи пристать туда,

Где пристань новая

Красуется сверкально —

Где торжество труда.

О, мы горды настойчивостью дружной,

Напором строящих великих масс,

И ничто на свете

Рати всеоружной

Не собьет с пути

Собратий нас.

Эх ты, Камушка, Камушка-мать,

Синеокая наша красавица,

Помоги нам здоровье вздымать,

Кого наша затея касается.

Суди сама, слушай.

Как же не быть поэтом,

Когда я, пермяк — соленые уши —

Разливаюсь закамским приветом.

Песню свою голубым разолью навсегда.

Песню свою

Не хочу соловьям отдать.

Каждая пристань — по-флотски

Мне сродни по канатам,

Каждый свисток пароходский

Мне приходится братом.

Я родился и вырос на Каме

И желал быть матросом,

Но...

Как видите —

Стал боевым стихоносом.

Чтоб работа моя
По широким рекам
Приставала к крутым берегам,
Я бы хотел бы
К труду рабочих блуз
Прибавить свою песню —
Радостный свой груз.
Я знаю, что Кама,
Что Волга — наш почет,
Я знаю, что река наша
Без песен не течет.
Ну, так лети, моя лодка,
На веслах лет — стрела,
Броско да ходко,
Проворно-весела.
Мне бы в пути бы —
Жизнь мою нести,
Я бы не знал бы
Пределов юности.
Плыл бы, летел бы,
Серебряным крылом
Водникам-строителям
Светил бы напролом.
Поэтому поэту
Не кончить своих слов,
Что нет конца привету,
Пока в руках весло.

<1934>

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ — СТЕНЬКА РАЗИН
(ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ)

1

Ой и пою-то — кричу — и зову-то я.
Даже с толку от песен свихнул —
Потому что
Во все ноздри раздутые
Стенька Разин чихнул.

2

Чох на ветер.
Кожу на шест.
Мясо собакам.
Кости в ров.
Атаман Тимофеевич
Будь здоров.

3

Времячко настало дивное —
Дивные вершить дела
Лейся песня переливная
Закуси конь удила.
Ой ли молодчики
Соколки ясные
С Дону на Волгу
Направим пути
Знай лети.
Не сворачивай.
Х — х — эй.
Времячко приспело спелое
Выросла в лугах трава
Размахнись ты удаль смелая
Отчаянная голова.
Выравнивай. Шпаль палица.
(Свист в четыре пальца).

4

Ну качай наша качай
 Знай раскачивай качай
 Сверещим на соснах-елях
 На дубовых — на качелях.
 Ухнем
 Рухом.
 Бухнем
 Брюхом.
 Харым-ары расшнбу.

5

Рразз —
 Ой едрид твою нанкось —
 В перемол на волю выехал
 За боярами — за царскими
 На затею молодецкую
 К попповой вольнице —
 Размой любовнице.
 Шарабарь когтищами —
 Запивай винищами.

6

Я ли тебе та ли
 Не вон энтака?
 На седьмой версте мотали
 Переэнтакая.
 Харма-ары — згал волченочной.
 Занеси под утро в печень
 Окаянная изменница
 Нож печеночной.

7

Кто круче берега
 Кто крепче корня —
 Кто знает где река
 Течет проворней.

8

Я знаю где река
 Персидского султана.
 Я круче берега
 Люблю Степана.

А там на зыбкой стрежени .
 На стругах песня горская —
 Тоскуют две судьбы-жены
 Донская да Заморская.

Ей-ой-аррр —
 По ночам —
 На встрече двух сестер
 Волги — Камы
 Взгорён костер
 Под Богородском
 На утесе.
 Береги башку
 Целый день
 Работает кистень
 На жигулевском плесе.
 И как ударит полночь-темень
 Со свистом удалцы слетаются.
 Выползают из подземелья
 Чугунники (кусаются)
 Делить дуван¹ да зелье —
 На пропой — на племя.
 Ну и эххх —
 Рыжие шары горят —
 Ой мась яры²
 Бойся — згнуть зря.

Ай-юй-бала-мала³
 Зюляй хобэ⁴ —
 Ирля бейк чок⁵.
 Ток⁶ шами ай —
 Шауры ай зюляй.
 Сиверим.⁷

А и славен русский край речной
 Крылья лебединые.
 Крепки силы богатырские
 Жилы лошадиные.

¹ Добыча (татарск.).

² Негодный, дурной (татарск.).

³ Ребенок, дети (татарск.).

⁴ Недостойные любви (татарск.).

⁵ Очень много мужчин (татарск.).

⁶ Сытый (татарск.); след. слова — видимо, звуковое подражание татарской речи.

⁷ Я люблю (татарск.).

Эх и веселый я с веслами
С Камы на Волгу.
А и славны наши парни звонкие
Головы бурлацкие
Ну и буйны во пирах нещадные
Гусляры казацкие.

13

Вей — разливайся душа
Ветришь ветром буйным —
Всем семишникам и грошам
Карачун в кабаке ушкуйном.
Ори.
Раздавайся в раздолье. Ори.
Мотай в бесшабашную —
До кумачовой зоры
Лули в рукопашную.
Дзынь-бум-бамм.
Лапай за вершины —
Верещи по-звериному
Бражничай — важничай.

14

Агалма-ав-ав
Голова хвост — оу —
Рраз — Волга — я.
Чурбан твоя мать
С товарищи.
С татарами ломать
Идти
Рай играй кипяти
Турра-мурра
Нна-на-на
Пой и реви
Бунтуй в молодость.

15

Ржи навеки игривым
Степным жеребцом —
Огневим крутогривым
Гуляй молодцом.
Не желей — гуще лей
Успевай наливай
Чарку хмельную.

16

За народ — за сермяжный да бедный
Да за Русь удалую свою —
Я о том, что изжито — изведено

Со слезами о воле люю.
Для меня воля вольная слаще
И пьянее любви и вина —
Лишь бы жизнь молодецкая чаще
Была дружбой единой сильна.
Я для дружбы от Волги природной
Уродился могуч и ядерн —
И для праздника воли народной
Мой разгул жигулевский мудрен.

17

Эй кто там на поляне раздолится
Чья отчаянная башка свистит
Да еще в шапке парчовой.
Мотри утес от топота разломится.
А это я в рубахе кумачовой
Ору ветрам — пусти — пусти.
Ишь разыгрался — разухался ухарь
Парень разгайло — босой удалец
И зевает один себе — хоть тресни
Выпучил красное брюхо
Скачет — кружится — ржет жеребец
Распеваает горластые песни.
Это я про себя распеваю — про ухаря.
День баскущий — а челн мой дырявой
Надо бы чинить — да недосуг мне
Кто без меня будет орать, какая харя
Какой иной леший рыжий — корявой
Кто будет гореть пнем в огне.
О-у-у-о-бrr.
Незастуй-мрpp —
Вво-уу-ух-мать.

18

Сердце радуйся и пояс развяжись
Эй душа моя — пошире распахнись.
Звени знойный разудалый
Русский алый день.
Звенидень. Звенидень.

19

Ой держись башка худрявая моя
Я не знаю где твоя и кто своя
Всё единственно нарочатое
Расплечись плечо непочатое —
Эх и мма и ма-и ма
Хабба-абба-ннай-най.

Крой.
Шпарь.
Ходу.
Мать.
Раздобырдывай.
Ухай.
Дуй.
Засмаливай.

Рабята на струги.
Ветер попутный
Разгонит паруса и печаль.
Быстрыми крыльями
Искры соколы
Развеют весельем умчалъ.
Ну рулевой.
А там на раздольях
Волга укажет
Где нам положено счастье найти.
Молодость с нами.
Да песни разгульные
Верные наши пути.
Ну — рулевой.

Мы все ребята —
Друг все для друга —
Брат все для брата —
Степанова струга.

Каждый Разин Степан
Сердцем яростным пьян —
Волга — синь океан
Каждый сам — Атаман.

Чугунное житье.
Ношу кривой татарский нож
Индийское копье.
Раскинул ловок и хитер
Я на сосне шатер.
И хохочу. Хочу кричу.
Точу топор и жгу смолье
Шарахнется сова
Забьет крылом — седьмым веслом.

Людей не вижу — не ищу
И выплюнул слова.
М-м-мычу ядреный вол лугов.
Морковное жратье.
Повесил на рога врагов.
Шаршавый ствол — старуха.
Пошел. Жую рябину.
Сучье ломать.
Ядрена мать — земля
Чугунное житье.

25

Эй кудрявые —
На весла налегай
Вразом ухнем
Духом бухнем —
Наворачивай на гай.
Драли-жали бары долго
Крепостную голытьбу —
А теперь бунтует Волга
За народную судьбу.

26

Ой ли нам соколикам
Да воля не дана
Ой ли мы не молоды
От крепкого вина.
Рраскачив-ай.
Эй гуляй наливай
Молодость раздайся
Эй давай поддавай
Сам не поддавайся.
Ухх-ух-ух-ух.
Держи май
Разливье май —
Знаю сам что делаю.
Пуще — гуще нажимай —
Нажимай на левую.

27

Чеши.
Пали.
Откалывай.
Руби.
Хватай.
Размалывай.
Вяжи.
Гарабай.
Хабарда.
Макай.
Гей ты орда.

Киль монда. ¹
 Хурма.
 Бирляй. ²
 Ай шкайра. ³
 Юхтэ салям. ⁴
 Мухт-юй. ⁵
 Карым айда. ⁶
 Бар хым-нар.
 Биштым.
 Ек — зурма.
 Ай маликем ⁷
 Коюн.
 Зюйля-яли-рлым.
 Бирмяй.
 Сбарма.
 Тайра ⁸-ттра-тар.

Ой и взгору я на гору.
 Влезу на ель высоченную.
 Раскачаю вершину.
 Раздую брюшину.
 Засвицу — заору.
 Исцарапанной мордой
 Зачураю свою нареченную:
 Чур-чур-чур.
 Оу-зу-ау-аррр-а.

То не конское ржанье
 Не людской гудеж
 Не труба трубача трубно трубится
 Не веселье в пирах удалых —
 Не печаль о башке — чья отрубится.
 То — погодушка буйная — вольная
 Свищет стонет раздольная
 Зазывает Степана с молодчиками

¹ Иди сюда (татарск.).

² Единение (татарск.).

³ Вероятно: благодарение богу (арабск.).

⁴ Нет привета (искаж. татарск.).

⁵ Окружение, среда (арабск.).

⁶ Пойдем, посмотрю (татарск.).

⁷ Вероятно: о мой ангел, не дает себя обнять (татарск.).

⁸ Бубен (татарск.).

Погулять да повольничать
Попытать поскольничать.
Знать удалая судьбинушка —
Волновые все реченьки.
А размахнись-ко дубинушка
Во все плеченьки.
Ой-и-ухх-нна.
Распоясывай.

31

И в заморской стране
Во персидском походе —
Загорелась звезда при луне
На янтарном восходе.
И в заморском краю
Огневее пожара
Полюбилась птица в раю
Дочь Мейран принца Аджара.
Из заморских тех стран
Победитель-чудесник
Степан вывез Мейран
Под гусярские песни.

32

Сад твой зеленый
Сад апельсиновый
Девку баскую
Полюби — ж.
Я парень ядреный —
Дубовый — осиновый
А вот тоскую
Поди — ж.
Видно принцесса чаруйным огнем
Пришлась по нутру —
С сердцем пьяным любовным вином
Встаю поутру
И пою:
Сад твой зеленый
Сад апельсиновый
И в этом саду
Я — туман.
Хмельной и мудреный
Дубовый — осиновый
Сам — не свой и зову —
Эх — Мейран.
Чуду приспело родиться недолго
Струги легки и быстры —
Со славой с победой привез я на Волгу
Зажигать молодые костры.

Часто пела Мейран
 На ковре Атамана.
 Снился Решт — Тегеран:
 И принцесса Мейран
 Называла Заремом Степана.

Ай хяль бура бен ¹
 Сиверим сизэ чок. ²
 Ай Залма ³ —
 Ай гурмыш-джаманай. ⁴
 Ай пестритесь ковры —
 Моя Персия.
 Ай чернитесь брови мои —
 Губы — кораллы.
 Чарн-чаллы.
 Ай падайте на тахту
 С ног браслеты.
 Я ишу — где ты.
 Ай желтая — звездная Персия.
 Кальяном душистым
 Опьянилась душа
 Под одеялом шурша.
 Ай — в полумесяце жгучая
 Моя вера — Коран.
 Я вся змея гремучая —
 Твоя Мейран.
 Ай всё пройдет
 Все умрут.
 С знойногих ног
 Сами спадут
 Бирюза — изумруд.
 Ай — почь в синем разливная
 А в сердце ало вино.
 Грудь моя спелая — дивная
 Я вся — раскрыто окно.
 Ай — мой Зарем — мой гарем.
 Моя Персия.

Две дороги — две песни. Хвалена
 Любовница каждая смелая —
 Две любви и Мейран и Алена —
 Лебедь черная и лебедь белая.

¹ Иди, я здесь! (турецк.)

² Я вас очень люблю (татарск., турецк.).

³ Жестокая (персидск.).

⁴ Возлюбленная (персидск.).

И в пиру на весеннем раздолии
 После битвы с боярами царскими
 Не стерпел Атаман бабства более.
 И с друзьями гусярскими
 За буграми Самарскими
 У крутых Жигулей
 Под дурман —
 Степан — эхх Степан — эхх Степан —
 Услыхал под дурман:
 Люблю — брось — не жалею.
 И не стало принцессы Мейран.

Волга-Волга прими и храни
 Унеси ее в море глубинное
 Тосковать по любви мне сродни
 Мое сердце в любви голубиное.
 Передай крыльям утренним
 И покою небесному —
 Саду чудесному апельсиновых дней —
 А ты принцесса прости гусяра.

Эх и гордая — удаль моя — вдовушка
 День мой
 Ретивый и горячий конь в бою.
 Я ли да не знаю —
 За что свою головушку
 Вуйным бурям отдаю.

Здравствуй Сокол мой вольный
 Волга — счастье-река.
 С кистенем день раздольный
 Удалая рука.

Эй вставайте — подымайте паруса
 Собирайтесь в даль окружную
 Раздувайте ветром звонким голоса
 Зачинайте песню дружную.
 Да за весла братцы вольные
 Ну соколики сокольные
 Знай отчаливай.
 Раскачивай.
 И эххх-нна.
 Барманзай.
 Б-ззззз —

Сарынь на кичку.
 Ядреный лапотъ
 Пошел шататься по берегам.
 Сарынь на кичку.
 Казань — Саратов.
 В дружину дружную
 На перекличку
 На лихо лишнее врагам.
 Сарынь на кичку.
 Бочонок с брагой
 Мы разоьем
 У трех костров.
 И на привольи волжском вагой
 Зарядим в грусть
 У островов.
 Сарынь на кичку.
 Ядреный лапотъ —
 Чеши затылок у перса-пса
 Зачнем с низовья
 Хватать царапать
 И шкуру драть
 Парчу с купца.
 Сарынь на кичку.
 Кистень за пояс
 В башке зудит
 Разгул до дна
 Свисти — глуши
 Зевай — раздайся
 Слепая стерва — не попадайся.
 Вввва-а.

Знайте бояре — купцы
 Прислужники царские:
 Что мы за народ молодцы
 Головы сложим гусярские.
 Знайте что жизнь нам дана
 А любимая Волга — престольница
 Наша воля пьянее вина —
 Спасай понизовая вольница.
 Опясывай.
 От Казани — до Персии.

С кистенем-витенем
 Да с печеночным ножиком
 Я персидских ковров накопил
 На базарах смотался из кожи ком —
 Всех султанов бревном отлупил.

Чарн-чаллы-ай —
Ипа-ймай —
Русских знай вспоминай
Стеньку Разина.
Атаман разгулялся я гордо
И нахвастал:
Приеду дожду.
Ну спасибо турецкие морды
За персидскую вашу княжну.
Не каменья — не шелк
И не золото
Не повадка лихая ушкуйная
Обуяла меня удаль смолоду
Да житье бесшабашное
Буйное.
Эххх — и мма — и рразз.

44

Не напрасно за души раздетые
Я башку удалую сгублю
За разгульные песни отпетые
Свою Русь по-гуслиарски люблю.

45

Будет день — и откроет ворота
Каждый — для вольных гостей
Чтобы в жизни любая забота
Была равной для равных затей
Будет день — и закружатся кружно
В хороводах навеки дружья —
И сплетутся все руки задружно
Бедняки — и купцы — и князья.
Будет день — все в семью соберутся
Под единым заветным окном
И тогда эти песни прольются
В сердце каждого крепким вином.
Будет день.

46

А пока наша доля сермяжная
Разобижена палачами.
Берегись ты отродие княжное
Обожравшее нас калачами.
И пока наша доля-раздольница
Чует слезное горе кабацкое —
Ты бунтуй понизовая вольница
За житье наше братское.

Ну рраз еще — сарынь на кичку —
 Я знаю час свой роковой
 За атаманскую привычку
 На плаху лягу головой,
 И пускай — я.
 Всё равно жизнь — малина
 А струги — лебединая стая
 Разливайся Волга-судьбина
 Парусами густая.
 Прожито всё — что назначено.
 Добыто всё — головой.
 Дело навеки раскачено.
 Эй — заводи рулевой.

Затомило предвестье
 Потянуло ко дну.
 Все угнали да с песнями
 Зимовать на Дону.
 Эх ты мать.
 Зимовать на беду — на Дону.
 Да в урочный — оброчный
 Лешачьев час —
 Будь он проклят сейчас —
 И навеки кошачьев
 Банный заговорный квас
 С хмелем — весельем
 С ведьминым зельем.
 А ведьма-то ведьма —
 Жена не жена
 Пригожа — ласкова — хвалена
 Степана Алена.
 Ой выдала мужа
 Опричине царской
 На совесть недужа —
 О доле гусярской
 Забыло
 Стыдовище бабское.
 Ой выдала мужа.

И кротко Степана
 Будто — ох малолетку —
 Посадили Степана
 В железную клетку.
 И на позорище бабам
 По грязным ухабам
 По дороге лесной
 Да звериной

Повезли в ночь весной —
Перелетной весной —
До Москвы топоринной
К палачам.

50

А Степан — будто птица —
Небоглазая птица
Заморская чудо-стран.
И снится ей — снится:

Будто принцесса Мейран
Зовет в Тегеран.
И Мейран — тоже птица.

И в саду апельсиновом
Дней вереница —
Огней нескончальных
Венчальных.

51

А и прощай ты донская дороженька
Ямская — московская.
По тебе ли я славно не гуливал —
Донская таковская.

А и прощай ты мой Русский Народ —
Земля кумачовая.
С тобой ли в пирах не заламливал
Шапку парчовую.

А и прощай моя вольная молодость
Волжская вольница.
Реченька — Волга да горы высокие —
Песня-застольница.

А и прощайте вы струны гусярские
Други всегдашние.
Кончилась молодость — ухнула
Башка бесшабашная.
Прощай все.
Эй — и — уххх.

52

В день июньский
Да солнечно ясный
Из молодецкого стана
На площади Красной
Москвы палачи
Зарубили Степана.
И не стало Великих очей.

Говорят — что грачи
Кричали тринадцать ночей:
Степан Разин — Народное Сердце —
Эй Степан — эй Степан — эй Степан.

53

Будет день —
С колоколен московских
Нам возвестие звонко пробьют:
Это там —
На горах жигулевских
Стеньке Разину память поют.

Будет день —
И весенний и дивный
О весельи победном — бурлацком
Перекликнется клич переливный
О пришествии братском.

Будет день —
Станут люди — все други
И сольется святая сокольница.
Дружно вспомнятся Разина струги
И понизовая вольница.

54

А сегодня — когда молодецкая
Наша жизнь океанским крылом
Разлилась просто — чудо — простецкая —
Мы летим на великий Пролом.

И сегодня — в полете волнений
Вспоминая Степана привычку —
Станем праздновать гризну гонений
Распевая:

Сарынь эй на кичку.

Станем сердцем заклятым биться
За весеннюю долю —
Если пить — никогда не напиться
За народную волю.

55

Дни настали огневейные —
Расступитесь небеса —
Пойте песни солнцелейные
Раздувайте паруса.

Мир раздолен и чудесен
 День — для счастья Дня
 Больше Песен — Песен — Песен
 Сердца и Огня.

Надо гуще дружбы — братства
 На едину сторону
 Всю казну и все богатства
 Мы разделим поровну.

Станем помнить солнце — Стеньку
 Мы от кости Стеньки кость —
 И пока горяч — кистень куй
 Чтоб звенела молодость.

Раскудряво кудри вьются
 Молодецкою порой —
 Песни сами пропоются
 Только шире рот открой.

Ухх и настало же времячко
 Строить судьбинушку сухую —
 Захвачу завтра бревен бремячко
 Да построю избу ядренущую.

Выберу место в горах — что повыше
 Чтобы веселому — здоровому стать
 Нары поставлю прямо на крыше
 И буду под небом спать.

И вообще надо круто раздолниться.
 Волга — долгая
 А жизнь коротка.
 И каждый в ком Разин задорится
 Разом поймет батрака —
 У кого трудовая рука —
 Куда с радости кинется —
 Стала навеки — века
 Именинница.

Весело. Вольно. И молодо.
Все Мир Новый рожаем.
С солнца червонное золото
Падает урожаем.

Звеним. Торжествуем. Беспечны.
Будто дети — великие дети
У которых сердца человечны
А глаза на весеннем расцвете.

Станем жить. Создавать. Вспоминая
Эту песню мою бирюзовую —
В дни чудесного волжского мая
Долю Разина — будь понизовую.

Между 1914 и 1918

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическое наследие В. В. Каменского чрезвычайно велико по своему объему. В дооктябрьский период писатель издал два сборника стихов: «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» (М., 1914) и «Девушки босиком» (Тифлис, 1916). Итог дореволюционному творчеству Каменского подвел сборник «Звучаль веснянки», вышедший в Москве в 1918 г. В том же году отдельным изданием была напечатана поэма «Сердце народное — Стенька Разин». В советские годы стихотворные произведения Каменского издавались особенно часто. В это время вышли следующие книги его стихов: «И это есть...» (Тифлис, 1927), «Сарынь на кичку. Стихи избранные» (М., 1932), «Стихи о Закавказье» (Тифлис, 1932), «Избранные стихи» (М., 1934), «Уральские поэмы» (Свердловск, 1934), «Родина счастья» (М., 1937), «Избранное» (Пермь, 1945), «Стихи и поэмы» (Тбилиси, 1945), «Поэмы об Урале и Каме» (Пермь, 1947), «Избранное» (М., 1948). Большое место в литературном наследии Каменского занимают исторические поэмы «Емельян Пугачев» (Л., 1931), «Иван Болотников» (М., 1934) и особенно стихотворный роман «Могущество» (М., 1939). Однако перечисленные сборники и произведения далеко не охватывают того, что было написано и напечатано Каменским на протяжении почти сорока лет его литературной деятельности. В рукописях поэта, находящихся на хранении в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), обнаружены тексты произведений, не публиковавшихся автором, очевидно по мотивам их художественной незавершенности (в частности драматическая поэма «Ермак Тимофеевич»). Значительное количество стихотворных произведений Каменского, рассеянных по многим периодическим изданиям, альманахам, остается несобранным.

В настоящем сборнике поэтическое наследие Каменского впервые представлено в таком объеме. Цель, преследуемая этой книгой, — показать своеобразие поэта на всех этапах его литературного пути, дать читателю в строгом отборе свод наиболее интересного и исторически характерного в творчестве поэта. В книгу включены также некоторые чисто экспериментальные опыты Каменского (вроде «Жюнглера»), важные для уяснения художественных исканий поэта, нередко впадавшего в формалистические крайности.

В сборнике два основных раздела — «Стихотворения» и «Поэмы». Последний раздел складывается из двух частей. Первую составляют исторические поэмы, посвященные знаменитым вождям крестьянских восстаний и образующие своего рода трилогию. Во вторую часть вошли поэмы: «Юность Маяковского», «1905-й» и «Поэма о Каме». В приложении полностью приведен первоначальный текст поэмы «Степан Разин», так как впоследствии Каменский настолько основательно переработал поэму, что получилось, в сущности, новое произведение.

Внутри разделов материал расположен в хронологической последовательности. При публикации своих произведений Каменский редко указывал время их написания. Следует учесть приблизительность и этих авторских помет, поскольку некоторые произведения, очевидно, датировались по памяти, спустя 5—10 и более лет после их создания. Что же касается произведений, не датированных автором, то ввиду отсутствия каких-либо данных пришлось отнести их ко времени первой публикации (такого рода условные даты заключены в угловые скобки).

Примечания имеют единообразную структуру. После порядкового номера дается ссылка на первую публикацию. Если текст произведения подвергался каким-либо смысловым изменениям, соответственно указывается следующий печатный источник, в котором появились разночтения, — вплоть до издания, по которому воспроизводится стихотворение в настоящем сборнике. Когда текст произведения автором не менялся, в примечаниях, разумеется, указывается только первая публикация как единственный источник текста.

В текстологической работе учитывались поправки и пометы самого Каменского на авторских экземплярах и свидетельства его сына В. В. Каменского, участвовавшего в последние годы жизни поэта в подготовке его произведений к печати.

Дореволюционные сборники Каменского выходили без знаков препинания (кроме точек и тире), от чего поэт в советские годы решительно отказался. Ввиду этого стихотворные тексты в настоящем издании печатаются с соблюдением общепринятых норм пунктуации. Только отдельные произведения из числа тех, которые в советское время не перепечатывались (например, стихотворения «Небольшую песнопьяный», «Русская зима», первая редакция поэмы «Степан Разин»), приводятся без учета норм современной пунктуации.

Иностранные слова (главным образом из восточных языков), которые Каменский передавал в русской транскрипции и часто весьма неточно, пояснены в подстрочных примечаниях. Как правило, эти слова не образуют грамматически оформленных предложений и не всегда логически связаны с русским текстом. Следует также иметь в виду, что Каменский нередко пользовался не реальной лексикой какого-либо определенного языка, а лишь приблизительно передавал звучание иноязычной речи, подчас даже прибегая к изобретению «восточных» слов. Такого рода случаи, естественно, оставлены без пояснений. Переводы слов, заимствованных из восточных языков, консультировал Э. Р. Тенишев.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

ДБ — Василий Каменский, *Девушки босиком*. Стихи, Тифлис, 1917 (на последней странице и обложке: 1916).

ЕМБ — Василий Каменский, *Его — моя биография великого футуриста*, М., 1918.

ЗВ — Василий Каменский, *Звучаль веснянки*. Стихи, М., изд-во «Китоврас», 1918.

ИЗ — В. В. Каменский, *Избранное*, Пермь, 1945.

ИС — Василий Каменский, *Избранные стихи*, М., 1934.

ИСП — Василий Каменский, *Избранное*. *Избранные стихи и поэмы (1909—1945)*, М., «Советский писатель», 1948.

П — Василий Каменский, *Поэмы об Урале и Каме*, Пермь, 1947.

СС — «Садок судей» (1-й альманах), СПб., 1910.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Весна», 1908, № 5, с. 8.

2. «Весна», 1908, № 7, с. 8.

3—12. Десять стихотворений из двенадцати, опубликованных в альм. СС. Об истории его издания см. вступ. статью, с. 8. Каменский впоследствии вспоминал о рождении этого сборника: «Мы великолепно понимали, что этой книгой кладем гранитный камень в основание новой эпохи литературы, и потому постановили: 1) разрушить старый синтаксис, выкинуть осточертевшую букву «ять» и твердый знак; 2) напечатать книгу на оборотной стороне комнатных дешевых обоев, — это в знак протеста против роскошных буржуазных изданий; 3) выбрать рисунок обоев бедных квартир и этот рисунок оставить чистым на левых страницах, как украшение; 4) дать материал только «лирический», чтобы нашу книгу не могли конфисковать власти по наущению газет, от которых ожидали травли; 5) авторы: Хлебников, Давид и Николай Бурлюки, Василий Каменский, Елена Гуро, Мясоедов, Е. Низен. Рисунки Влад. Бурлюка; 6) «Садок судей» издать на товарищеских началах; 7) по выходе книги появиться всем, где возможно, чтобы в руках с «Садком судей» читать вещи и пропагандировать о пришествии «будетлян» (от слова «будет», — по Хлебникову). С громовой радостью мы собирались у меня на квартире, на Фонтанке, и делали книгу» (В. Каменский, *Путь энтузиаста*, М., 1931, с. 113). Почти все стихотворения Каменского, напечатанные в СС, были включены им в роман «Землянка» (Пб., 1911). В дальнейшем некоторые из них при перепечатке в ИСП были датированы 1909 г.

3. СС, с. 2, без загл. Печ. по ИСП, с. 10.

4. СС, с. 17, под загл. «Дремучий лес». Печ. по ИСП, с. 14. *Свины* — старые ели, на которых гнездятся совы.

5. СС, с. 22. Печ. по ИСП, с. 12.
6. СС, с. 24, под загл. «Скука девы старой». Печ. по ИСП, с. 8.
7. СС, с. 5, под загл. «Звенидень», с посвящением: «Секретарю Айке». Печ. по ИСП, с. 5.
8. СС, с. 6.
9. СС, с. 7. Велимир *Хлебников* — Виктор Владимирович Хлебников (1885—1922), поэт-футурист, друг и соратник Каменского. «С Хлебниковым я был дружески тесно связан с первых дней нашей юности (1907 год) и с той далекой поры беспредельно люблю его» (В. Каменский, *Лето на Каменке. Записки охотника*, Тифлис, 1927, с. 144).
10. СС, с. 7. Печ. по ИСП, с. 23. Вошло в ЗВ.
11. СС, с. 9. Печ. по ИСП, с. 6.
12. СС, с. 19. Печ. по ИСП, с. 16.
13. «Уральская жизнь» (Екатеринбург), 1913, 2 апреля. Печ. по ИСП, с. 22.
14. Альм. «Весеннее контрагентство муз», М., 1915, с. 7, под загл. «Полет»; ДБ, с посвящением А. И. Куприну; ЗВ, под загл. «Полет на аэроплане», с посвящением: «Сергею Спасскому — во радости восхождения». Печ. по ИС, с. 20. С. Д. Спасский (1898—1956) — поэт, призывавший в те годы к футуристам.
15. Сб. «Молоко кобылиц», М., 1914, с. 81, под загл. «Северная рождестволь». Печ. по ДБ, с. 93. *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель.
16. Сб. «Молоко кобылиц», М., 1914, с. 83.
17. Сб. «Футуристы. Рыкающий Парнас», СПб., 1914, с. 46.
18. Сб. «Дохлая луна», изд. 2-е, М., 1914, с. 44.
19. «Футуристы. — Первый журнал русских футуристов», № 1-2, М., 1914, с. 26, с посвящением Вл. Маяковскому; сб. «Танго с коровами», М., 1914, с. 97. Печ. по ДБ, с. 97. *Славоросов* Харитон Никандрович — один из первых русских авиаторов.
20. «Кавказское слово», 1916, 4 сентября, с указанием: «Стихи футуриста В. Каменского. Посвящается „Кавказскому слову“»; ДБ, с посвящением Екат. Альтшуллер. Печ. по ИС, с. 27. За «Тифлисом» следует целая группа стихотворений Каменского из его второго сборника — ДБ. По поводу этой книги поэт писал: «Ряд гастролей в Тифлисе и вокруг: Баку, Кутаис, Батум (контракт), дали поэту здесь го-

рячее кавказское шумное внимание. . . Согретый исключительным вниманием, поэт решил напечатать здесь книгу стихов — «Девушки боксиком», материал для которой имелся в изобилии. . . Работа пошла энергично: нашлась типография, бумага, появилась корректура. Я не спал ночи, исправляя корректуру» (ЕМБ, с. 182, 183, 186). *Журна* — духовой музыкальный инструмент, распространенный на Востоке. *Сазандарий* — ансамбль народных кавказских инструментов. *Таши* — хлопанье ладонями во время танца, аплодисменты. *Генацвале* — милый, дорогой.

21. Сб. «Взял Барабан футуристов», СПб., 1915, с. 5, с посвящением: «В. Маяковскому — автору поэмы „Человек“»; ЗВ, с посвящением: «В. Маяковскому — твой „Человек“ пронзил до смерча слов». Печ. по ИСП, с. 25.

22. ЗВ, с. 33. Судя по посвящению И. Е. Репину, видимо, написано во время пребывания Каменского в поселке Куоккала (ныне Репино — под Ленинградом) зимой 1915 г. «Здесь, в Куоккале, поэт близко знакомится с всемирно-знаменитым И. Е. Репиным — бывает у него на журфиксах по средам, читает стихи, славит футуризм. Чудесный старик И. Е. Репин производит на поэта глубинное, мудрое впечатление ослепленного в высоких дорогах Странника. . . И. Е. Репин написал (пять сеансов) большой портрет поэта Василия Каменского и сделал несколько рисунков с него в альбом Чуковскому и себе» (ЕМБ, с. 135—136).

23. «Московские мастера. Журнал искусств», М., 1916, с. 29. Печ. по ДБ, с. 9.

24. Сб. «Четыре птицы», М., 1916, с. 67, под загл. «Поэзия о Соловье», с посвящением: «Георгию Золотухину — во имя его яркое»; ДБ, с посвящением Е. П. К. Печ. по ИС, с. 30. Г. Золотухин — поэт, участник сб. «Четыре птицы».

25. Сб. «Четыре птицы», М., 1916, с. 57, с подзаголовком «Застольная»; ДБ, с посвящением: «Давиду Бурлюку — великолепному парню»; ЗВ, с посвящением: «Вл. Королевичу с сердечной чарой». Печ. по ИЗ, с. 146. В. В. Королевич — поэт и режиссер.

26. ДБ, с. 61. Каменский в своей автобиографии писал: «Бывал на даче Чехова в гостях у гостеприимной славной Марии Павловны (сестры Антона Чехова), читал там в Вишневом саду стихи гостям. . .» (ЕМБ, с. 169).

27. ДБ, с. 66, с посвящением В. И. Репиной (дочери художника И. Е. Репина). Печ. по ЗВ, с. 151. *Балиев* Николай Федорович (1877—1936) — эстрадный артист и режиссер; руководитель театрального кабаре «Летучая мышь».

28. ДБ, с. 131. *Коонен* Алиса Георгиевна (р. 1889) — русская актриса, народная артистка РСФСР; начала свою деятельность в МХАТе; с 1913 г. — в «Свободном театре»; с 1914 г. играла в Камерном театре.

29. ДБ, с 95, с посвящением А. Я. Таирову. Печ. по ЗВ, с. 155. Таиров А. Я. (1885—1950) — режиссер, народный артист РСФСР; организатор и руководитель Камерного театра (1914—1949) в Москве. Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — актер, режиссер и театральный деятель, народный артист РСФСР. Каменский познакомился с ним в 1902 г., когда Мейерхольд со своей труппой гастролировал в Николаеве (см. ЕМБ, с. 82).

30. «Кавказский край», 1916, 14 августа, с подзаголовком: «Стихотворение футуриста Вас. Каменского». Печ. по ДБ, с. 113. Каган — Эльза Триоле (р. 1897), писательница, до 1919 г. жила в России, затем переехала во Францию. Пейзан (франц.) — крестьянин. Тустеп (англ.) — название модного в то время танца. Тре-мутард (франц.) — название танца.

31. ДБ, с. 6. Печ. по ЗВ, с. 134.

32. ДБ, с. 99, не полностью, под загл. «Из поэзии „Моя карьера“», с посвящением В. В. Мабинской. Печ. по ЗВ, с. 34. Пролом — имеется в виду стихотворение «На Великий Пролом», которым открывался сборник ДБ (см. № 33). Из мастеров я сам Московский. Намек на один из футуристических сборников — «Московские мастера» (М., 1916), в котором принимал участие Каменский. Давид Бурлюк (р. 1882) — поэт-футурист, друг и соратник Каменского. «Стенька Разин», «Землянка» — романы Каменского; «Танго с коровами» — сборник его стихов. Дядя Ваня — муж сестры матери Каменского И. Д. Волков (о нем см. ЕМБ, с. 64—69). Алеша, Петя, Соня — двоюродные братья и двоюродная сестра Каменского.

33. ДБ, с. 1; ИС (др. ред.). Печ. по ИЗ, с. 69, где дан текст ДБ. Вошло в ЗВ.

34. ЗВ, с. 21, под загл. «Василий Каменский — живой памятник». Печ. по ИС, с. 15. Вошло в ЕМБ.

35. ИС, с. 25, где ошибочно датировано 1912 г.

36. ИС, с. 62. Вошло в сб.: В. Каменский, Стихи о Закавказье, Тбилиси, 1932.

37. ВВ, с. 3. Алексей Архангельский — композитор, заведовал музыкальной частью театра Корша.

38. ЗВ, с. 9, с посвящением: «Елене Бучинской. Четко, талантливо Вы исполняете словопластику моих стихов». Печ. по ИС, с. 83, где ошибочно датировано 1919 г. Елена Бучинская — актриса, она танцевала под чтение стихов Каменского.

39. ЗВ, с. 16.

40. ЗВ, с. 18.

41. ЗВ, с. 20.

42. ЗВ, с. 24. *Боа* — женский шарф из меха или перьев.
43. ЗВ, с. 39.
44. ЗВ, с. 41. *Э. Григорьева* — жена художника Б. Григорьева (см. прим. 47).
45. ЗВ, с. 46; *Петя* — двоюродный брат Каменского.
46. ЗВ, с. 48. Вера Васильевна *Холодная* (ум. 1919) — популярная киноактриса.
47. ЗВ, с. 56. *Григорьев Борис* Дмитриевич (1886—1938) — художник, иллюстрировал роман Каменского «Землянка».
48. ЗВ, с. 58.
49. ЗВ, с. 61.
50. ЗВ, с. 65.
51. ЗВ, с. 72. *Гзовская* Ольга Викентьевна (р. 1889) — советская актриса; играла в Малом театре и МХАТе (1910—1913); выступала с мелодекламацией на эстрадных концертах. *Ушкуйник* — речной пират, разбойник. *Кальян* — восточный курительный прибор.
52. ЗВ, с. 80.
53. ЗВ, с. 85. *Апаш* — хулиган.
54. ЗВ, с. 95. Видимо, написано в 1917 г., вскоре после Великой Октябрьской революции.
55. ЗВ, с. 148. Этот «Декрет» тесно связан с «Декретом о демократизации искусств», помещенным в первом (и единственном) номере «Газеты футуристов», вышедшем 15 марта 1918 г. под редакцией Маяковского, Д. Бурлюка и Каменского. В газете были напечатаны стихотворения Маяковского «Наш марш» и «Революция». В «Декрете о демократизации искусств» прокламировалась отмена «проживания искусства в кладовых, сараях человеческого гения — дворцах, галереях, салонах, библиотеках, театрах... Пусть улицы будут праздником искусства для всех... Все искусство — всему народу!» Первая расклейка стихов и вывеска картин произойдет в Москве в день выхода нашей газеты». «Газета футуристов» действительно была расклеена по стенам домов (как афиша), а Д. Бурлюк в этот день вывесил несколько своих картин на Кузнецком мосту (см.: В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, изд. 3-е, М., 1956, с. 101—102). Сам Каменский писал: «Я предлагал мастерам, засучив рукава, взяться за роспись всех пустых заборов, крыш, фасадов, стен, тротуаров» (В. Каменский, Путь энтузиаста, М., 1931, с. 265). *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ-идеалист,

56—58. Сб. «Явь», М., 1919, с. 3, 25, 27.

59—63. «Шпалы» — «Звезда» (Пермь), 1923, 10 февраля, под загл. «Песня шпал». Весь цикл — сб.: В. Каменский, «И это есть...», Тифлис, 1927, с. 18—22. Вошел в сб. «Сарынь на кичку», М., 1932; ИС. «Нот» — научная организация труда. Амбалы — грузчики.

64. ИС, с. 89. Датируется по рукописному сб. ЦГАЛИ. Охотничьи впечатления, переданные в этих стихах, описаны в книге Каменского «Лето на Каменке. Записки охотника», Тифлис, 1927.

65. ИС, с. 85.

66. «ЛЕФ», 1923, № 1, с. 45. Авторизованная рукописная копия — ЦГАЛИ, фонд Каменского.

67. «ЛЕФ», 1923, № 1, с. 47. Авторизованная копия — ЦГАЛИ, фонд Каменского. Н. Н. Евреинов — см. о нем с. 16. «Поэзия жизни», которую проповедовал Каменский, перекликалась с лозунгом «театрализации жизни», который выдвигал Евреинов. В 1917 г. поэт издал «Книгу о Евреинове»; в свою очередь Евреинов напечатал в 1922 г. брошюру о Каменском — «Театрализация жизни (Поэт, театрализующий жизнь)», М., 1922.

68. «Страда», 1924, № 29, с. 9. Печ. по ИС, с. 79. *Литовочка* — коса.

69. В. Каменский, «И это есть...», Тифлис, 1927, с. 46. Печ. по ИС, с. 97. Вошло в ИЗ. Авторизованная копия — ЦГАЛИ, фонд Каменского. 40 лет Каменскому исполнилось в 1924 г. *Иллинойс* — название одного из штатов в США.

70. ИС, с. 81.

71. В. Каменский, Сарынь на кичку, М., 1932, с. 100. Печ. по ИС, с. 145. Посвящено описанию жизни в семейном «гнезде» Каменского, на хуторе в 40 км от Перми по Сибирскому тракту, в горной местности, над речкой Каменка. Здесь в 1912 г. Каменский купил участок земли и построил дом. С тех пор до 1932 г. он почти ежегодно проводил лето на Каменке. Жизнь в этой уральской глуши Каменский подробно описал в книге «Лето на Каменке. Записки охотника» (Тифлис, 1927).

72. «Звезда» (Пермь), 1927, 3 апреля. Печ. по сб.: В. Каменский, Сарынь на кичку, М., 1932, с. 85. Вошло в ИС, ИСП.

73. ИС, с. 134. Написано по случаю 15-й годовщины Октябрьской революции.

74. В составе романа в стихах «Могущество», М., 1939, с. 26. Печ. по П, с. 51.

75. В составе романа в стихах «Могущество», М., 1939, с. 182. Печ. по П, с. 71.

ПОЭМЫ

I

76. Поэма возникла в ходе работы Каменского над романом о Разине, написанным лирической прозой со множеством стихотворных вставок и изданным отдельно в 1915 г. (на обложке: 1916). Стихотворные отрывки из романа и составили в основном ткань поэмы. Поэма первоначально печаталась в отрывках: «Чугунное житье» — сб. «Молоко кобылиц», М., 1914, с. 82; «Разбойные — бесшабашные» («Сарынь на кичку», «Я ли тебе, та ли...») — альм. «Стрелец», кн. I, М., 1915, с. 160; «Стенька Разин на персидском базаре» — «Новый Сатирикон», 1915, № 24, с. 4; «Персия» («Гарем»), с подзаголовком: «Из романа „Стенька Разин“» и посвящением Н. А. Тэффи, — ДБ, с. 78; «На встрече Камы — Волги», с тем же подзаголовком и посвящением А. П. Зонову, — ДБ, с. 122; «Чугунное житье», с тем же подзаголовком, с посвящением Федору Шаляпину, — ДБ, с. 124; «Сарынь на кичку», с тем же подзаголовком, с посвящением В. Хлебникову, и «Заручание», с тем же подзаголовком, с посвящением А. А. Шемшурину, — ДБ, с. 128. Полный текст первой редакции — Василий Каменский, Сердце народное — Стенька Разин, М., 1918, и в ЗВ, с. 97. Вторая редакция — В. Каменский, Степан Разин, Тифлис, 1929. Печ. по изд.: В. Каменский, Три поэмы, М., 1935. В 1919 г. Каменский переработал поэму в «коллективное представление в 9-и картинах» (Пг.-М., 1919; переиздано в Харькове в 1923 г.). В пьесе были введены наиболее значительные фрагменты первой редакции поэмы. В 1925 г. пьеса была переделана под названием «Былинный сказ в 5-и действиях, 8-и картинах», в том же году поставлена в «Театре революции». В дальнейшем Каменский вернулся к тексту поэмы и, значительно переработав его, создал вторую редакцию произведения. Отрывок поэмы под названием «Сарынь на кичку» Каменский печатал неоднократно в своих сборниках. В книге «Три поэмы» (М., 1935) «Стпан Разин» датирован 1912—1920 гг.; к 1912 г. относится лишь замысел поэмы и отдельные фрагменты, писать роман Каменский, по его собственному признанию (в ЕМБ, с. 152), начал в 1914 г. С другой стороны, известно, что знаменитый фрагмент «Сарынь на кичку» был создан в качестве самостоятельного произведения еще в 1909 или 1910 г. (см.: Василий Каменский, Путь энтузиаста, М., 1931, с. 105). Замысел написать большое произведение, посвященное Разину, тогда, видимо, еще не приходил в голову поэту. Из первой редакции во вторую вошли лишь наиболее «ударные», ставшие популярными стихи, вроде «Сарынь на кичку»; во второй редакции устранены анархические призывы, мотив предательства жены Разина, в значительной мере в ней преодолена и первоначальная фрагментарность. О работе над романом о Разине Каменский рассказывал: «Поэт задумал написать давно заветную книгу — роман «Стенька Разин». И чтобы раздольно вдохновиться по-истинному, по-весеннему, по-расцветному, чтобы Волга от Жигулевских гор до Астрахани разливалась ярче по душе поэта и легкими крыловейными носились бы ветровые мысли о Стеньке Разине, Поэт сел на пароход в Пермь и уехал в Астрахань — работать в дороге, в движении, в разгуле, И работал отчаянно, сти-

хийно, буйно, запойно, и не работал — а пел, кричал, звал. В дороге и на остановках под Жигулевскими горами, в Астрахани — Поэт писал на клочках бумаги, на телеграммах, на носовых платках, на конвертах, на бересте, на полях газет. Зажженный пламенем великой идеи — дать всю сущность русской души, всю урожайную талантливость, всю буйную волю, всю народную мудрость — в едином Стеньке Разине, чей единственный образ веками живет в нас — беспредельно любящих свободную жизнь, он <сам автор> развернул все свои творческие силы без остатка и так от искреннего сердца, что задышался от прилива песен и размаха» (ЕМБ, с. 152—153). Эти авторские признания равно относятся и к роману и к поэме о Разине. Говоря о выходе романа, Каменский писал: «Ведь книга «Стенька Разин» родилась чудом в дни мировой скорби, когда душа истосковалась по вольной воле, а сердце устало биться без творческого смысла. Разин расцвел желанным солнцем на небе литературного безвременья и жалкой трусости. Эта книга дает гениальное выражение сущности всенародной любви к своему бессмертному герою Степану Разину, выявляя его угрозорным борцом за Волю» (ЕМБ, с. 160). Поэма о Разине имела большой успех. Стихи из нее Каменский читал на многочисленных вечерах. В театре миниатюр Н. Ф. Балнева «Летучая мышь» была поставлена инсценировка из «Стеньки Разина» — песня персидской принцессы Мейран. К. Чуковский писал о поэме: «Его поэма «Стенька Разин» показала, что в этом ясноглазом ребенке действительно живут погромные ревы и крики, что «печеночный ножик» ему по руке, что Стенька Разин ему не чужой... В его звуках есть Индия, Персия, Турция. Он по самому существу своему азиатский, восточный поэт» (К. Чуковский, Футуристы, Пб., 1922, с. 38—39). Б. Гусман писал по поводу «Стеньки Разина»: «Старый разбойный клич «Сарынь на кичку!» ожил в жестоких, суровых строчках Василия Каменского, ушедшего от людей в угрюмые дебри лесов, где так чудесно качаться на широких ветках сосен, видя над собой зеленые глазочки звезд. Этот грозный молодецкий свист в четыре пальца, от которого дикий ужас объемлет лесных обитателей, и крик, разбойный, могучий, от которого слышит кровь у прохожего на лесной дороге, — вот что заменило ему слова» («Очарованный странник. Альманах осенний», Пг., 1915, с. 11). В основу сюжета поэмы положена известная песня Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...», созданная по мотиву фольклорной легенды и сама вошедшая в народный песенный репертуар. *Сарынь на кичку!* — клич волжских разбойников («Ватага! на нос судна!»). *Чивай* — наливка. *Царь Алексей* — Алексей Михайлович (1629—1676), второй царь из дома Романовых, при котором произошло восстание крестьян под руководством С. Разина (1667—1671). *Васька Ус* — атаман, сподвижник Разина.

77. Отрывок под загл. «Пожар пугачевский» — «Красная нива», 1925, № 4, с. 86. Полный текст — отдельное издание: Василий Каменский, Емельян Пугачев. Поэма. Гравюра на дереве Н. П. Дмитриевского, Л., 1931 (на переплете титула и суперобложке воспроизведены автографы Пугачева). Печ. по П, с. 197, где в главе «Золото» автором сделаны сокращения. По свидетельству В. В. Каменского, сына писателя, замысел поэмы о Пугачеве был подсказан Горьким. Каменский первоначально написал пьесу, посвященную теме пуга-

чевского бунта (В. Каменский, Сборник пьес. Емельян Пугачев. Стенька Разин, М., 1925). В том же 1925 г., очевидно, была начата и поэма. В 1939 г. на текст поэмы написана была оратория «Емельян Пугачев» М. Ковалья. Затем поэма была переработана в оперное либретто Отрывок из драматической поэмы «Емельян Пугачев» (картина 2-я) помещен в альманахе «Прикамье», № 6, Пермь, 1942, с. 129—142. Вскоре вышло либретто оперы М. Коваль, Емельян Пугачев. Опера в 4-х действиях. Либретто в стихах В. Каменского, М.—Л., 1946. Работая над «Емельяном Пугачевым», Каменский обращался к историческим источникам: монографии Н. Дубровина «Пугачев и его сообщники» (СПб., 1884), собраниям материалов Центрархива «Пугачевщина», тт. 1—3 (1926—1931). Сравнивая «народную драму» Каменского «Емельян Пугачев» (1925) с «Пугачевым» Сергея Есенина и пьесой К. Тренева «Пугачевщина», критик Н. Чужак писал: «Автор <Каменский> тщательно собирает все раскиданные по новой истории показательные черточки пугачевщины, он первый среди русских беллетристов учитывает роль заводско-крепостнической кабалы на Урале, этой естественной военной базы всего движения, и первый дает нам образ... не распутнивающего бабника-шута, а исторически правдоподобного, живого Пугачева, трезвого политика и реалиста и исключительного организатора в первую голову» (Н. Чужак, Правда о Пугачеве, М., 1926, с. 23). *Пугачев* Емельян Иванович (1742—1775) — донской казак из Зимовейской станицы. Служил в царской армии; по болезни временно отпущенный домой, не вернулся в полк, скрывшись среди раскольников, а потом у яицких казаков. Уличенный в подстрекательстве их к мятежу, был отправлен в Казань и заключен в острог, откуда он вскоре бежал. С этого эпизода и начинается поэма Каменского, передающая узловые факты жизни Пугачева, связанные с возглавлявшимся им восстанием крестьян и казаков в 1772—1775 гг.

Побега. «*Иже херувимы*» — слова из церковного песнопения, исполнявшегося во время обедни. *Как у Катерины* — у императрицы Екатерины II. *Чехом* — разом, единым духом, вместе. *Веси* — деревни. *Шары* — здесь: глаза. *Варгают* — орут, кричат (диалект.). *Над вдовой головой*. Вдова — Екатерина II, муж которой, император Петр III, был убит по ее указанию. *Бубетенишь* — трезвонить, колотить (диалект.). *Разговоры*. *Затырь* — место за забором, крепостным валом. *Яицкий городок* — центр яицкого казачества, откуда распространялось восстание Пугачева. *Дербалызнет* — разобьет вдребезги. *Заводы*. *Повесть* — навес в крестьянском дворе, род сарая. *Хлопуша* — А. Т. Соколов (1714—1774), один из видных сподвижников Пугачева, руководивший уральскими рабочими. *Пениня* — тяжелый лом с деревянной рукоятью. *Кайло* — орудие горняка, род кирки. *Белобородов* И. Н. (ум. 1774) — один из ближайших помощников Пугачева, организатор уральских крепостных крестьян, приписанных к заводам. *Овчинников* А. А. — один из сподвижников Пугачева, командовавший полком яицких казаков. *Степи*. *Перфильев* А. П. (1742—1774) — один из военачальников Пугачева, бывший сотник яицкого казачьего войска. *Киргиз Джаменей* — предводитель восставших киргизов. *Творогов* — один из ближайших помощников Пугачева, впоследствии предавший его. *Батыркой* — башкирский сотник, сподвижник Пугачева. *Чернышевский эскадрон*. Против по-

встанцев был направлен отряд полковника З. Г. Чернышева (1722—1784), шедшего на выручку осажденного Оренбурга; этот отряд был разбит войском Пугачева. Свадьба. *Высватал казачку Емельяна*. В Яицком городке Пугачев женился на казачке Устинье Петровне Кузнецовой (Каменский именует ее Фомичевой). *Бардадым* — остаток перегона хлебного вина. Генералы. *Зарубин Чика* И. Н. (ум. 1775) — талантливый военачальник Пугачева, наголову разбивший карательный отряд генерала Кара. *Генерал-аншеф* — чин полного генерала. *Салават Юлай* — Салават Юлаев (1752 — после 1797) — один из виднейших руководителей крестьянского восстания, возглавлявший в войске Пугачева особый башкирский отряд. *Казань*. *Михельсон* И. И. (1740—1807) — генерал, неотступно преследовавший войско Пугачева и нанесший ему решительное поражение. *Осанна* — молитвенный возглас. *Предательство*. *Узень* Большой и Малый — реки, в районе которых Пугачев был схвачен группой изменивших ему казаков во главе с И. Твороговым. *Казнь*. *Ляцкая* — люта, ледяная.

78. Отдельные главы из поэмы были напечатаны: «Стамбул» — «Октябрь», 1934, № 3, с. 53, с подзаголовком: «Из поэмы „Иван Болотников“»; «Венеция» — «Октябрь», 1934, № 4, с. 38, с тем же подзаголовком; «Царская баня» — «Литературная газета», 1934, 11 января; «Комаринские» — «Веч. Москва», 1934, 14 января. Полный текст — отд. издание: Василий Каменский, Иван Болотников. Поэма. Иллюстрации Б. Шергина, М., 1934. Печ. по изд.: В. Каменский, Три поэмы, М., 1935, с. 153. «Иван Болотников» завершает своеобразную поэтическую трилогию Каменского о вождях народных восстаний. Работая над нею, автор пользовался сведениями о восстании Болотникова в «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева и рядом других исторических источников. Впрочем, как и в своих предыдущих поэмах, Каменский не стремился к исторической достоверности, по-своему интерпретируя скудные факты биографии И Болотникова. Иван Исаевич *Болотников* (ум. 1608) — холоп князя Телятевского, попал в плен к татарам, был продан ими туркам, работал гребцом на турецких галерах, затем, после освобождения, попал в Венецию. Оттуда он через некоторое время бежал, рассчитывая через Польшу вернуться на родину. В Польше он узнал о самозванце и явился к нему в Самбор. Лжедмитрий II дал ему письмо к путивльскому воеводе Г. П. *Шаховскому*, который поручил Болотникову руководство войском. Отправившись в Комарницкую волость, Болотников поднял здесь массовое восстание крестьян, объявив, что царевич Димитрий назначил его главным воеводой. Первоначально движение, возглавлявшееся Болотниковым, приобрело большой размах и добилось крупных успехов. К нему присоединились ополчение Истомы *Пашкова*, царские воеводы братья Ляпуновы, восставшая мордва. Болотников со своим войском 22 октября 1606 г. стоял на пороге Москвы — в селе Коломенском. Однако отсутствие самозванца, все еще не появившегося в России, привело к замешательству среди войска Болотникова, у которого возникли несогласия с дворянской и боярской партией (возглавлявшейся Пашковым и братьями Ляпуновыми, перешедшими вскоре на сторону царя Василия Шуйского). Болотников был осажден войсками Шуйского в Туле, взят

в плен и, несмотря на обещания царя сохранить ему жизнь, ослеплен и утоплен (см.: И. И. Смирнов, Восстание Болотникова, М., 1951). Каменский в своей поэме в основном следует за этими фактическими данными, дошедшими до нас. П с о в а я б ы л ь. *Комаринский мужик*. Болотников начал восстание в Комарницкой волости, отсюда и народная песня о комаринском мужике. *Димитрий-царевич Живой* и т. д. Имеются в виду слухи о появлении самозванца — Лжедмитрия I. В татарском плену. *Намаз* — мусульманская молитва. *Стамбул. Золотой Рог* — название бухты Босфора. *Полумесяцы горят*. Полумесяц — символ мусульманской Турции. *Мангалы* — жаровни для приготовления пищи. *Кальян* — см. прим. 51. *Дервиш* — нищий монах-мусульманин, странствующий проповедник. *Хайям Омэр* — Омар Хайям (1040—1123) — великий таджикский и персидский поэт и ученый. *Зурна* — см. прим. 20. *Гашиш* — наркотик, распространенный на Востоке. В е н е ц и я. *Муранское стекло*. Мурано — итальянский город (неподалеку от Венеции), известный стеклянностью. *Республика Святого Марка*. Марк — один из четырех евангелистов, согласно легенде будто бы захороненный в соборе св. Марка в Венеции. *Томазо Кампанелла* (1568—1639) — один из зачинателей утопического коммунизма, подвергнувшийся гонениям властей, автор книги «Город Солнца», написанной в тюрьме. *Дольчино* — глава секты апостолов (XIII в.), пытавшейся восстановить демократические порядки первых лет христианства; в 1307 г. Дольчино был казнен властями. *Дож* — правитель Венецианской республики. *Совет патрициев* — аристократическая каста, стоявшая во главе Венецианской республики. В П о л ь ш е. *Молчанов Михаил* — один из деятелей Смутного времени, пособник обих самозванцев; Каменский отождествляет Молчанова с Лжедмитрием II, однако для этого нет достаточных оснований. *Из шуйской Москвы*. В 1600—1610 гг. царем был Василий Иванович Шуйский; он имел прозвище Шубник, так как разбогател на торговле мехами. В П о л ь ш е. *Димитрий* — т. е. Лжедмитрий II. *Аналой* — род высокой подставки для книг и икон в церкви, перед аналоем производится обряд венчания. *Амвон* — возвышение, род кафедры в церкви, откуда произносятся проповеди. *Комаринские мужики*. *Ботица* — женский ботинок. *Вор* — здесь: преступник. *Тебя ждут путивляне*. По некоторым данным, Болотников был направлен в Путивль самозванцем, где при помощи кн. Шаховского должен был начать вооруженное выступление против Шуйского. *Ушуйник* — см. прим. 51. *Митра* — парадный головной убор священников, обычно позолоченный и украшенный драгоценностями. *Гермоген* (ок. 1550—1612) — патриарх московский и всея Руси, поддерживавший Шуйского в его борьбе с Болотниковым. *Ах ты, сукин сын, Комаринский мужик* и т. д. Зачин народной песни — «Комаринской». Ц а р с к а я б а н я. *Шаховские, Годуновы, Телятские, Ляпуновы* — боярские и дворянские роды, первоначально находившиеся в оппозиции к Шуйскому. *Саваоф* — одно из имен бога в Библии. *Шпыни в розге* — пренебрежительное прозвище бедных людей; буквально: шут в грубой одежде из розги (прядильного волокна из этой травы). *Сил победиши* (этим победишь) — слова из Евангелия, часто вычеканивавшиеся на молитвенных крестах. *Присно* — всегда. *Скопин-Шуйский М В.* (1587—1610) — талантливый военачальник, племянник царя Василия Шуйского, нанес-

ший решительное поражение войску Болотникова под Тулой. *Вехотки* — мочала. Поход. *Рака Дмитрия* — гробница царевича Дмитрия. *Люторы* — приверженцы лютеранского вероисповедания. *Ивану Болотникову... анафема!* Патриарх Гермоген наложил на Болотникова церковное проклятие. *Кольцов* — боярин, воевода Шуйского, занявший Тулу в октябре 1607 г. *Великая Пермь* — название народа Коми. *Кайсаки* — казахи. *Дул* — плут, обманщик. *Баской* — видный, ослепший, нарядный. *Упу запрудить* и т. д. Повстанцы, осажденные войском Шуйского в Туле, страдали от голода и наводнения, вызванного запрудой реки Упы, к которой прибегли каратели; эти обстоятельства и явились причиной сдачи города.

II

79. В. Каменский, Сарынь на кичку, М., 1932, с. 91. Печ. по ИЗ, с. 34. Написана, по свидетельству В. В. Каменского, сына поэта, вскоре после смерти Маяковского. В 1931 г. в Тифлисе вышел мемуарный очерк Каменского «Юность Маяковского» (впоследствии переиздан под загл. «Жизнь с Маяковским», М., 1940). Книга «Юность Маяковского» содержит материал, дополняющий и комментирующий поэму. *Родился в хребтах на Кавказе*. Маяковский родился в селении Багдади (ныне Маяковский), вблизи Кутанси. *Рион* — река на Западном Кавказе. *Бунтующим юношей... из Бутырской тюрьмы*. После ареста в 1909 г. Маяковский находился в заключении в Бутырской тюрьме (в Москве). *Политехнический... музей* — традиционное место вечеров и диспутов в Москве. «*Люблю грозу в начале мая*» — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». *Апаш* — хулиган.

80. В. Каменский, Поэмы, М., 1934, с. 84. Печ. по П, с. 127. В этой автобиографической поэме Каменский описывает революционные события 1905 г., участником и свидетелем которых он был в Нижнем Тагиле. *Демидовский Нижний Тагил*. Купцы Демидовы еще с XVII в. владели многими уральскими металлургическими заводами, в том числе и нижнетагильскими. *Дело мастеровских*. Здесь в 1904—1905 годах Каменский служил таксировщиком. «*Нива*» — журнал, популярный в мещанской среде, издавался с приложениями. *Майн-Рид* (1818—1883) — английский писатель, автор популярных приключенческих романов. *На бой кровавый* и т. д. — припев «Варшавянки», революционной песни на слова Г. М. Кржижановского. Далее в поэме еще целый ряд цитат из революционных песен 1905—1907 годов. *А деспот пирует* и т. д. — стихи из революционной песни «Похоронный марш» («Вы жертвою пали в борьбе роковой...») В. Г. Архангельского. *Эй, дубинушка, ухнем* — строка припева из песни «Дубинушка» на слова В. И. Богданова и А. А. Ольхина. *Отречемся от старого мира* — начало «Новой песни» П. Л. Лаврова. *Смело, товарищи, в ногу* — революционная песня на слова Л. П. Радина, начинающаяся этой строкой. *Шмидт* П. П. (1867—1906) — лейтенант Черноморского флота, один из руководителей восстания матросов в Севастополе в 1905 г. «*Потемкин*» — броненосец, матросы которого восстали против царизма в Севастополе в 1905 г. *Марсельеза* — русская переработка одноименной французской песни в духе идей пролетарской борьбы;

припев ее повторяет рефрен русского перевода «Марсельезы» П. Л. Лаврова. *Ненавиден нам царский чертог* — слова из песни Л. П. Радина «Огречемся от старого мира . . .». *Братство, союз и свобода* и т. д. — слова из песни Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу. . .». *И я уж теперь. . . Председатель* и т. д. См. вступ. статью, с. 7. Каменский вспоминал об этом эпизоде своей жизни: «Товарищи в шутку называли меня «президентом Урала», вероятно потому, что был избран председателем Комитета. . .» (В. Каменский, *Путь энтузиаста*, М., 1931, с. 67). *Манифесту не верил*. Имется в виду царский манифест 17 октября 1905 г., в котором провозглашался созыв законодательной Думы; обещанные в манифесте гражданские свободы оказались фикцией. *В Перми белый террор* и т. д. В Перми полиция арестовала Каменского, и он был посажен в местную тюрьму. «Просидели три дня, — писал Каменский, — а на четвертый к тюрьме привалила густая рабочая масса и, несмотря на охрану 50-ти солдат, освободила арестованных». В дальнейшем Каменский был вновь арестован и препровожден в Николаевскую тюрьму Верхотурского уезда (см.: В. Каменский, *Путь энтузиаста*, М., 1931, с. 67—68).

81. В. Каменский, *Поэмы*, М., 1934, с. 47. Печ. по П, с. 40. Вошло в сб.: «Уральские поэмы», Свердловск, 1935. Стихи «Эй, чайки снежнокрылые» и след. были положены на музыку М. Ковалем и вошли в качестве самостоятельного стихотворения («Песнь о Каме») в сб. «Избранное» (М., 1948).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А ну-ко, робята-talанты...» (Декрет о заборной литературе...) 111
- «Берег — письменный стол...» (Прибой в Сухуме) 124
«Бирюзовыми...» (На аэропланах) 63
«Блещут...» (Ночь) 65
«Бом! Бам!...» (Емельян Пугачев) 181
Бурли, журчей («Чурли, журчей, бурли, журчей...») 102
«Быть хочешь мудрым?...» (Росстань) 60
- «В глухом лесу стучит топор...» (Топор) 136
«В знойный полдень...» (Полдень) 57
В кабаке («Душно. Накурено. Пестрые звуки...») 51
В Крыму кофе («На берегу над морем...») 97
«В поместьи своем...» (Иван Болотников) 268
«В сочной зелени сочного Сочи...» (Сочи) 91
Великое — простое («На поляне рыжий ржет жеребенок...») 70
Весна деревенская («Солнце! Солнце!...») 130
Вечер на Каме («Кто-то грустинный, когда всколыхнет...») 96
Вечером на даче («Перед балконом в мусоре...») 55
Волжские волны («Эй, сермяжный народ, голытьба!...») 113
«Воля — расстегнута...» (Цыганка) 80
«Всегда настроенный для песен...» (Моя карьера) 83
«Всё шамкают, шепчутся...» (Зеленые деды) 54
«Встречайте приветно друг друга улыбками...» (Встречайте утро Революции) 112
Встречайте утро Революции («Встречайте приветно друг друга улыбками...») 112
- Гимн 40-летним юношам («Мы в 40 лет...») 127
Грустинница («О, не грусти, грустинница...») 104
- «Дай бог здоровья себе да коням!...» (Крестьянская) 69
Девичья («Цветенок аленький...») 71
Девушки босиком («Девушки босиком...») 79
Декрет о заборной литературе... («А ну-ко, робята-таланты...») 111
«Дом как дом...» (Каменка) 181

- «Дрожат берега. . .» (Степан Разин) 151
 «Душно. Накурено. Пестрые звуки. . .» (В кабаке) 51
- Емельян Пугачев («Бом! Бам! . .») 181
 «Еще в далеком детстве. . .» (Поэма о Каме) 450
- Жду («Я стою на снежно-солнечной. . .») 63
 «Жизнь короче визга воробья. . .» (Танго с коровами) 67
 Жить чудесно («Жить чудесно! Подумай. . .») 52
 Жонглер («Згара-амба. . .») 121
- Заклепки и гайки («Мы, заклепочки-заклепки. . .») (Паровоз Октяб-
 ря, 2) 115
 «Затянулось небо парусиной. . .» (Скука старой девы) 56
 Заячья мистерия («О вы — расцветающая Принцесса. . .») 93
 «Звени, Солнце! Копья светлые мечи. . .» (Русский звенидень) 57
 «Звенит и смеется. . .» (Чурлю-журль) 59
 Зеленые деды («Всё шамкают, шепчутся. . .») 54
 «Згара-амба. . .» (Жонглер) 121
 Зима («Урал в снегу. . .») 144
 «Зимний вечер синеюще-белый. . .» (Слова и слова) 99
 «Знаю. есть в этом городе улица. . .» (Могила) 52
- «И расцвела. . .» (Сердце детское) 78
 Иван Болотников («В поместьи своем. . .») 268
 «Из желтых скуластых времен. . .» (Персидская) 106
 Иронический памятник («Комитрагический. . .») 89
 «Искристые чары налейте в сердца. . .» (Раскачивай дальше) 113
- Каменка («Дом как дом. . .») 181
 Каторжная («Лесная падь зовет. . .») 104
 Кисловодск («О Кисловодск, мечтательный, в долине. . .») 81
 «Комитрагический. . .» (Иронический памятник) 89
 Косарская («Утровые травы косятся. . .») 101
 Крестьянская («Дай бог здоровья себе да коням! . .») 69
 «Кто-то грустинный, когда всколыхнет. . .» (Вечер на Каме) 96
- «Лесная падь зовет. . .» (Каторжная) 104
- Машинист («Я — машинист паровоза Союза. . .») (Паровоз Октяб-
 ря, 5) 117
 Маяковский («Радиотелеграфный столб гудящий. . .») 108
 Могила («Знаю: есть в этом городе улица. . .») 52
 «Мой часовенный домик стоит на горе. . .» (Овечка у домика) 105
 Москва в Октябре («Москва в Октябре. . .») 137
 Моя карьера («Всегда настроенный для песен. . .») 83
 «Мускулы у нас — железные. . .» (Песня рабочих) (Паровоз Октяб-
 ря, 1) 114
 «Мы в 40 лет. . .» (Гимн 40-летним юношам) 127
 «Мы, заклепочки-заклепы. . .» (Заклепки и гайки) (Паровоз Октяб-
 ря, 2) 115
 «Мы — уголь каменный. . .» (Уголь каменный) (Паровоз Октября, 3)
 115

- На аэропланах («Бирюзовымн. . .») 63
 «На белом камском пароходе. . .» (На камском пароходе) 103
 «На берегу над морем. . .» (В Крыму кофе) 97
 На Великий Пролом («На крыльях рубиновых. . .») 87
 На камском пароходе («На белом камском пароходе. . .») 103
 «На крыльях рубиновых. . .» (На Великий Пролом) 87
 «На поляне рыжий ржет жеребенок. . .» (Великое — простое) 79
 «На ступенях песнепьянствуют. . .» (Небесную песнопьяный) 66
 На тяге («Я стою на поляне, смотрю на закат. . .») 119
 «На утроутесе устья Камы. . .» (Наследство ржавое) 100
 Наследство ржавое («На утроутесе устья Камы. . .») 100
 «Настало заветное. . .» (Чудо-республика — Россия) 109
 Не могу без Тифлиса («Приехал и рад. . .») 92
 Небесную песнопьяный («На ступенях песнепьянствуют. . .») 66
 Ночь («Блещут. . .») 65
 Ночь лесная («Серебряным лебедем. . .») 139

 «О вы — расцветающая Принцесса. . .» («Заячья мистерия») 93
 «О Кисловодск, мечтательный, в долине. . .» (Кисловодск) 81
 «О, не грусти, грустинница. . .» (Грустинница) 104
 «О, солнцедатная. . .» (Тифлис) 67
 Овечка у домика («Мой часовенный домик стоит на горе. . .») 105
 Охотник («Сняй сняньем звездным, небо. . .») 118

 Паровоз Октября (1—5) 114—117
 «Перед балконом в мусоре. . .» (Вечером на даче) 55
 «Перед беременными львицами. . .» 66
 Персидская («Из желтых скуластых времен. . .») 106
 Песня рабочих («Мускулы у нас — железные. . .») (Паровоз Октяб-
 ря, 1) 114
 «По Горноуральской линии. . .» (1905-й) 432
 «По тропинке по утрянке. . .» (Пою) 100
 Покурим, что ли? («Эй, дни-денечки. . .») 96
 Полдень («В знойный полдень. . .») 57
 Поэма о Каме («Еще в далеком детстве. . .») 450
 Пою («По тропинке по утрянке. . .») 100
 Прибой в Сухуме («Берег — письменный стол. . .») 124
 «Приехал и рад. . .» (Не могу без Тифлиса) 92
 «Пролетарские амбалы. . .» (Шпалы) (Паровоз Октября, 4) 116
 Пью («Пью тебя, Солнце, как чарку вина. . .») 98
 Пью за Кавказию («Эй, невесты — девушки — сестры. . .») 82

 «Радиотелеграфный столб гудящий. . .» (Маяковский) 108
 Развеснилась весна! («Развеснилась весна! . .») 58
 Раскачивай дальше («Искристые чары налейте в сердца. . .») 113
 Росстань («Быть хочешь мудрым? . .») 60
 Русская зима («Тканая скатерть. . .») 64
 Русский звенидень («Звени, Солнце! Копья светлые мечи. . .») 57

 Сенокос («Ты гуляй, литовочка. . .») 126
 Сердце детское («И расцвела. . .») 78
 Серебряные стрелки («Серебряные стрелки, серебряные стрелки! . .») 61

- «Серебряным лебедем. . .» (Ночь лесная) 139
 «Сияй сияньем звездным, небо. . .» (Охотник) 118
 Скука старой девы («Затянулось небо парусиной. . .») 56
 Слова и слова («Зимний вечер синешоше-белый. . .») 99
 Соловей («Соловей в долине дальней. . .») 71
 «Солнце! Солнце! . .» (Весна деревенская) 130
 «Солнцень в солнцень. . .» (Солнцень — ярцень) 76
 Солнцень — ярцень («Солнцень в солнцень. . .») 76
 Сочи («В сочной зелени сочного Сочи. . .») 91
 Степан Разин («Дрожат берега. . .») 151
- Танго с коровами («Жизнь короче визга воробья. . .») 67
 Тифлис («О, солнцедатная. . .») 67
 «Тканая скатерть. . .» (Русская зима) 64
 Топор («В глухом лесу стучит топор. . .») 136
 «Ты гуляй, литовочка. . .» (Сенокос) 126
 1905-й («По Горноуральской линии. . .») 432
- Уголь каменный («Мы — уголь каменный. . .») (Паровоз Октября, 3)
 115
 «Урал в снегу. . .» (Зима) 144
 «Утровые травы косятся. . .» (Косарская) 101
- «Цветенок аленький. . .» (Девичья) 71
 Циа-цинть («Циа-цинц-цвилью-ций. . .») 107
 «Циа-цинц-цвилью-ций. . .» (Циа-цинть) 107
 Цыганка («Воля — расстегнута. . .») 80
- Чудо-республика — Россия («Настало заветное. . .») 108
- «Чурли, журчей, бурли, журчей. . .» (Бурли, журчей) 102
 Чурлю-журль («Звенит и смеется. . .») 59
- Шпалы («Пролетарские амбалы. . .») (Паровоз Октября, 4) 116
- «Эй, дни-денечки. . .» (Покурим, что ли?) 96
 «Эй, невесты — девушки — сестры. . .» (Пью за Кавказию) 82
 «Эй, сермяжный народ, голытьба! . .» (Волжские волны) 113
- Юность Маяковского («Я знал его юность. . .») 425
- Я весь в Крыму («Я весь в Крыму. . .») 77
 «Я знал его юность. . .» (Юность Маяковского) 425
 «Я — машинист паровоза Союза. . .» (Машинист) (Паровоз Октяб-
 ря, 5) 117
 «Я стою на поляне, смотрю на закат. . .» (На тяге) 119
 «Я стою на снежно-солнечной. . .» (Жду) 63

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. В. Каменский. Фото 1933 г. Тбилиси.
2. *С. 109*. В. Каменский. Рисунок В. В. Маяковского (карандаш). На рисунке надпись: «Маяковский — Васье. «Кафе поэтов». 7 января 1918». Оригинал — в Пермской художественной галерее.
3. *С. 147* Беловой автограф начала поэмы «Степан Разин» (вторая редакция). Рукопись — в архиве семьи поэта.
4. *Между с. 176 и 177*. В. Каменский — пилот. Фото 1911 г. Варшава.
5. *На обороте*. Портрет В. Каменского работы Д. Бурлюка (масло). На портрете надпись: «Король поэтов песнебоек-футурист Василий Каменский. 1917 г. Республика Россия». В правом углу: «Писал с натуры Д. Бурлюк». Портрет является собственностью семьи В. Каменского.
6. *Между с. 208 и 209* В. Каменский. Фотопортрет, воспроизведенный в книге поэта «Его — моя биография великого футуриста» (М., 1918). Под портретом стихи В. Каменского:

Вся судьба моя — призрак на миг,
Как звено пролетающей птицы.
Пусть Василью Каменскому памятник
Только любимой приснится.

7. *На обороте*. В. Каменский. Фото 1939—1940 гг.
8. *С. 427*. Обложка поэмы В. В. Маяковского «150 000 000» с дарственной надписью автора: «Дорогому Васе. Любящий Вол. Москва, 22 мая 21 г.» (Из библиотеки семьи В. Каменского).

Оригиналы фотографий В. Каменского хранятся в архиве семьи поэта.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Каменский. *Вступительная статья Н. Л. Степанова* . . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. В кабаке	51
2. Могила	52
3. Жить чудесно	52
4. Зеленые деды	54
5. Вечером на даче	55
6. Скука старой девы	56
7. Русский звенидень	57
8. Полдень	57
9. Развеснилась весна!	58
10. Чурлю-журль	59
11. Росстань	60
12. Серебряные стрелки	61
13. Жду	63
14. На аэропланах	63
15. Русская зима	64
16. Ночь	65
17. «Перед беременными львицами...»	66
18. Небovesную песнопьяный	66
19. Танго с коровами	67
20. Тифлис	67
21. Крестьянская	69
22. Великое — простое	70
23. Девичья	71
24. Соловей	71
25. Солнце — ярцень (<i>Застольная</i>)	76
26. Я весь в Крыму	77
27. Сердце детское	78
28. Девушки босиком	79

29. Цыганка	80
30. Кисловодск	81
31. Пью за Кавказию	82
32. Моя карьера	83
33. На Великий Пролом	87
34. Иронический памятник	89
35. Сочи	91
36. Не могу без Тифлиса	92
37. Заячья мистерия	93
38. Покурим, что ли?	96
39. Вечер на Каме	96
40. В Крыму кофе	97
41. Пью	98
42. Слова и слова	99
43. Наследство ржавое	100
44. Пою	100
45. Косарская	101
46. Бурли, журчей	102
47. На камском пароходе	103
48. Грустинница	104
49. Каторжная	104
50. Овечка у домика	105
51. Персидская	106
52. Циа-цинь	107
53. Маяковский	108
54. Чудо-республика — Россия	108
55. Декрет о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств	111
56. Встречайте утро Революции	112
57. Раскачивай дальше	113
58. Волжские волны	113
59—63. Паровоз Октября:	
1. Песня рабочих	114
2. Заклепки и гайки	115
3. Уголь каменный	115
4. Шпалы	116
5. Машинист	117
64. Охотник	118
65. На тяге	119
66. Жонглер	121
67. Прибой в Сухуме	124
68. Сенокос	126
69. Гимн 40-летним юношам	127
70. Весна деревенская	130
71. Каменка	131
72. Топор	136
73. Москва в Октябре	137
74. Ночь лесная	139
75. Зима	144

ПОЭМЫ

I

76. Степан Разин	151
77. Емельян Пугачев	181
78. Иван Болотников	268

II

79. Юность Маяковского	425
80. 1905-й	432
81. Поэма о Каме	450

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сердце народное — Стенька Разин <Первая редакция>	457
Примечания	477
Алфавитный указатель произведений	492
К иллюстрациям	496

Каменский Василий Васильевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1966
500 стр. Тем. план вып. 1966 г., № 419

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *М. А. Ульянова*

Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Э. И. Панова*

Слано в набор 9/VIII 1966 г. Подписано в
печать 31/X 1966 г. М 51108 Бумага 84 ×
× 108^{1/2} мм, № 1 Печ. л. 15^в + 3 вкл. (26,56)
Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 25 000 экз
Зак. № 1167. Цена 1 р. 66 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполи-
графпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Красная ул., 1/3

